

Цветков Николай Васильевич

НА ПУТИ К ДНЕПРУ

Документальная повесть о войне

Москва, 1993 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	2
1. Великий Истороп	4
2. Трудные версты	29
3. Гудимовка	48
4. Встречные столкновения	64
5. Гнать их, гнать	89
6. Золотоноша	105
7. Огненный плацдарм	113

ОБ АВТОРЕ

Цветков Николай Васильевич родился 17 февраля 1906 года в деревне Горячёво Тверской губернии в крестьянской карельской семье. В 1928 году окончил профтехническую школу в городе Бежецке. По окончании школы был призван в Красную армию и направлен в город Полоцк, в 5-ую Витебскую дивизию, в команду одногодичников 13-го стрелкового полка. По окончании службы он получил своё первое звание командира взвода в запасе и устроился на работу слесарем-инструментальщиком на Сталинградском тракторном заводе. Одновременно он учился на рабочих курсах подготовки к поступлению в ВУЗ, а в 1930 году был зачислен в Саратовский инженерно-мелиоративный институт.

В 1931 году стал членом ВКП(б) и по партийному набору из института был направлен в Саратовское танковое училище. После окончания учёбы служил в Ульяновском дважды Краснознамённом танковом училище им. В.И. Ленина - обучал курсантов-танкистов. В 1937 году был назначен помощником начальника строевого отдела Ульяновского танкового училища, а затем начальником этого отдела и по совместительству военным комендантом города Ульяновска.

В 1941 году в начале Великой Отечественной войны был переведён на должность помощника, а затем старшего помощника начальника отдела кадров Приволжского военного округа. Участвовал в формировании воинских соединений для фронта, в том числе мотострелковых бригад, с включением в их состав танковых полков. Эти соединения становились механизированными бригадами. Так были сформированы 59-я, 60-я и 36-я мехбригады. Последняя позже была переименована в 7-ю гвардейскую механизированную бригаду.

Работая в отделе кадров военного округа, стремился попасть в действующую армию и неоднократно писал рапорт с просьбой направить его на фронт. После третьей попытки его просьбу удовлетворили. Сначала его направили в Бронетанковую академию на курсы усовершенствования командного состава, а затем в 1943 году в звании майора он был назначен начальником штаба 43-го гвардейского танкового полка в составе 7-ой гвардейской механизированной бригады, в формировании которой ранее принимал непосредственное участие.

В сентябре 1943 года был назначен на должность начальника штаба 7-ой гвардейской механизированной бригады. В составе этой бригады он сражался до конца войны с фашистской Германией и милитаристской Японией, участвовал в сражениях на Курской дуге, форсировании Днепра, операции «Багратион» в Белоруссии, освобождал Прибалтику.

За боевые заслуги и службу в армии был дважды награждён орденом Ленина, дважды орденом Красного Знамени, дважды орденом Отечественной войны, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды и боевыми медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Был почётным гражданином белорусского города Сморгонь, в освобождении которого принимал участие. Войну закончил на подступах к прибалтийскому городу Лиепая в звании подполковника.

После окончания войны продолжил службу в армии. В 1947 году он был назначен командиром 35-го гвардейского Краснознамённого ордена Суворова танкового полка, расположенного в городе Уссурийске. В 1951 году был направлен в Академию Бронетанковых войск на курсы усовершенствования старшего офицерского состава, после окончания которых был назначен старшим преподавателем Межкрупных курсов усовершенствования офицерского состава в Ленинграде. В 1956 году по состоянию здоровья вышел в отставку в звании полковника.

После выхода в отставку занимался общественно-патриотической работой, был членом совета ветеранов 3-го гвардейского Сталинградского корпуса. Он участвовал во встречах со школьниками и рассказывал им о войне. В молодости писал стихи и мечтал поступить в Литературный институт, но его мечтам о творческой деятельности суждено было сбыться только после выхода в отставку - по поручению однополчан он собрал их воспоминания, фотографии, рассказы и написал документальные книги «Рождённая на Волге» (издана в 1979 г.) и «В степях Сталинграда» (издана в 1991 г.) об участии 36-ой мехбригады 4-го мехкорпуса в Сталинградской битве. Книги были изданы небольшим тиражом Приволжским книжным издательством в городе Саратове.

В рукописи «На пути к Днепру», Николай Васильевич описал боевые действия, непосредственным участником которых он был. Работу над рукописью завершил в 1993 году, но издать книгу в условиях рыночной экономики 90-х годов ему не удалось. Также остались не опубликованными его рукописи о военных событиях в Белоруссии - «В разгар Белорусского лета» и о боях за Прибалтику - «Воспоминание о боях за Елгаву», в которых он принимал участие.

Умер Николай Васильевич 24 июля 1999 года в Москве в возрасте 93 лет. Похоронен на Введенском кладбище.

ВЕЛИКИЙ ИСТОРОП

В ноябре 1943 года, после боевых действий на правом берегу Днепра, части и соединения 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса сосредотачивались для доукомплектования личным составом и боевой техникой в районе города Курска. Эшелоны 7-й, 8-й и 9-й гвардейских механизированных бригад один за другим прибывали на заснеженные станционные пути. Подразделения частей разгружались по-боевому и уходили в отведённые им районы.

Город Курск и курские села после тяжёлых испытаний немецко-фашистского нашествия выглядели израненными, следы разрушений встречались на каждом шагу.

- Вот мы и снова на курской земле, - произнес я, когда «виллис» тронулся с места разгрузки, а, кажется, давно ли колесили здесь по Курской дуге?!..

- Теперь, товарищ майор, нема этой дуги, - улыбаясь заметил шофер Богуненко.

- Правильно, Федя, дугу поломали, а вместе с ней и фашистов вышвырнули за Днепр, - пояснил я и тут же добавил: - Но теперь недалёк тот день, когда и всю нашу землю очистим от них.

- Скорей бы, а то мои старики всё ещё в оккупации у немцев находятся, - с горечью промолвил Богуненко.

- Не унывай, Федя, скоро и твоих стариков освободим, и снова заживут они по-человечески, - сказал я ему.

Отец и мать Богуненко жили под Одессой, и он, когда мы вели бои на Украине, всё чаще и чаще думал о них. Ему в голову лезли разные мысли, а как только бригаду стали выводить из-за Днепра для отправки на доукомплектование, он даже хотел просить, чтобы его направили в ту часть, которая будет действовать на направлении его родного дома. Потом он хотя и успокоился, но боль душевной тревоги за судьбу родных его не покидала.

Вскоре мы вышли на запорошенное снегом шоссе Курск - Обоянь. На землю спустились густые сумерки. Жиденькие колонны нашей 7-й гвардейской механизированной бригады, вытянулись вдоль правой обочины и впервые за всё это время пошли с зажженными фарами. Для нас это было как-то непривычно и странно. Так и хотелось крикнуть шоферам: «Вы что - очумели? Свет уберите!..» Даже и не верилось, что можно двигаться без светомаскировки, не верилось, что сюда, где только что гремели бои, фашистские стервятники уже не долетают, да им и не до этого теперь.

Квартиреры батальонов и танкового полка вели свои штабы и подразделения в село Панино и Петропавловское, в деревни Петринку, Амосовку и другие населённые пункты Медвинского района. Когда свернули с шоссе на проселочную дорогу, изобилующую рытвинами и выбоинами, Богуненко, как и всегда, смешивая русские и украинские слова, спросил:

- Товарищ майор, для чего мы, коли была битва на Курской дуге, чуть ли не кажину ничь, вот по таким же просёлкам колесили взад и вперёд вдоль линии фронта?

- Надо было, Федя, - пояснил я. - Ведь вначале мы были в резерве Верховного Главнокомандования, а поэтому нас во время битвы и передвигали каждый раз туда, где возникала наибольшая опасность... А потом, во втором этапе Курской битвы, и мы, в составе Воронежского фронта, перешли в контрнаступление.

- Разумию, - подумав немного, произнес Богуненко. - А бойня тут, товарищ майор, была дуже тяжёлая.

- Да, Федя, битва здесь была жестокая, - подтвердил я. — Историкам нелегко будет описать её, слов не хватит.

Пока мы двигались до села Панино, в голове у меня промелькнули многие события этого лета и я всё же был очень счастлив, что попал в рожденную на Волге 7-ю гвардейскую мех. бригаду, слава о которой уже проникла почти во все части и соединения Красной Армии.

7-я гвардейская мехбригада была сформирована полковником Михаилом Иосифовичем Родионовым в июне 1942 года на саратовской земле, а в сентябре она вошла в состав вновь созданного механизированного соединения, которое позднее стало именоваться 3-м гвардейским Сталинградским мехкорпусом. Она первой в составе корпуса вошла в прорыв 20 ноября 1942 года южнее Сталинграда и, действуя в его авангарде, первой соединилась с частями Юго-Западного фронта в районе хутора Советского, замкнув кольцо окружения гитлеровцев. Она активно участвовала в ожесточенных боях с Котельниковской группировкой Манштейна, пытавшейся деблокировать армию Паулюса, и в наступлении на южном фронте вплоть до выхода к реке Миус у Матвеева Кургана.

Весной и в начале лета 1943 года 7-я гвардейская мехбригада, как и весь корпус, доукомплектовывалась в Писаревском районе Воронежской области. Сюда я и прибыл в бригаду на должность начальника штаба 43-го гвардейского танкового полка. Командир бригады полковник Родионов встретил меня приветливо, точно так же, как и во время формирования бригады в районе города Вольска, когда я, будучи старшим помощником начальника отдела кадров ПРИВО, комплектовал бригаду офицерским составом. Тогда он, шутя, мне сказал: — Может, и себе подберете должность в бригаде и останетесь у нас? - С удовольствием бы, - ответил я, - но уже на два моих рапорта начальство наложило резолюцию: «Отказать...»

Вырваться из штаба округа в то время было нелегко, и мне удалось уйти оттуда лишь после пятого рапорта.

Родионов с тех пор заметно изменился. У глаз появились морщинки, на лбу легли небольшие складки. Говорил он, взвешивая каждое слово, не торопясь, уверенно и увесисто. Чувствовалось, что битва на Волге закалила его по-настоящему.

- И всё же вы надумали к нам, товарищ Цветков? Вот и хорошо, - сказал Михаил Иосифович, - 43-м гвардейским танковым полком теперь командует подполковник Огуж Леонид Павлович.

- Он к нам прибыл вскоре после гибели майора Дорошкевича Николая Антоновича и проявил себя с хорошей стороны. Грамотный, волевой... С ним Вам легко будет работать. А о подвигах майора Дорошкевича узнаете в полку - продолжил Родионов.

С Дорошкевичем мы до начала войны работали вместе в Ульяновском танковом училище и были близкими друзьями. О гибели Николая Афанасьевича в Сальских степях я знал, и мне до боли было жаль, что его нет в живых. Из числа офицеров, направленных мною в бригаду, остались в ней немногие: одни выбыли по ранению, другие вообще не вернулись с поля боя.

С подполковником Огуж мы раньше не встречались, но поняли друг друга сразу. Он был невысокого роста, худощав и физически не совсем крепок. Хрупкость здоровья Леонида Павловича сказывалась во всем и подчас сковывала его действия. Он, видимо, поэтому даже в бою не садился в танк, а двигался за полком на «виллисе» с рацией и командовал с него. Подполковник Огуж был выдержан, от него, как и от Родионова, непристойных слов не услышишь.

- Ну и дорожка... - проворчал Богуненко, прервав мои думы.

- Не злись, Федя, - сказал я. - На селе остались одни старики и женщины, отремонтировать дорогу некому.

Машины двигались медленно. Дорога действительно была, как нарочно, вся избитая, к тому же, на скорости движения сказывалась и большая изношенность автотранспорта.

Мои размышления о бригаде, прерванные шофером, снова вернулись ко мне. Воскресив в памяти все события от Курской дуги до правого берега Днепра, я мысленно представил себе, как начались бои нашей бригады, и с какой яростью ветераны великой битвы на Волге громили врага на Украине.

Перед началом исторической битвы на Курской дуге 7-я гвардейская механизированная бригада сосредоточилась в лесу южнее Обояни. Обстановка к тому времени здесь была напряжённая, взрывоопасная.

Подтянув миллионную армию под командованием Манштейна и Моделя на южный и северный фас Курского выступа, Гитлер рассчитывал взять реванш за поражение под Сталинградом. Фриц Эрих фон Манштейн, любитель таранного танкового удара, после неудачи на Дону, готовился поправить свой престиж на Курской дуге.

Готовились и наши войска. Командир корпуса генерал Виктор Тимофеевич Обухов во время одной из поездок к переднему краю шутил сказал Родионову:

- Здесь, Михаил Иосифович, Вам снова придётся, как и на Дону, повстречаться с племянником Гинденбурга фон Манштейном, - и пояснил: - Тогда он стремился пробиться к окруженным войскам Паулюса, а теперь хочет в Курске соединиться с Моделем.

- Он многое, товарищ генерал, хочет, но, как говорят, бодливой корове бог рогов не дает, - ответил Родионов.

- Рога ему, Михаил Иосифович, Гитлер дал, и острые, а наша задача - поломать их, - заметил Обухов.

Виктор Тимофеевич Обухов имел большой боевой и жизненный опыт. Родился он в Оренбургской области в казацкой семье. Его отец Тимофей Обухов, будучи председателем подпольного ревкома, был казнен бандой Дутова. Виктор Тимофеевич, вступив добровольно в Оренбургский красногвардейский отряд, сражался против Колчака и Дутова. В годы гражданской войны он прошёл боевой путь от бойца до командира кавалерийского полка. В тридцатые годы Виктор Тимофеевич закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, участвовал в боях на Халхин-Голе. В начале сороковых годов он стал командиром 26-й танковой дивизии 20-го танкового корпуса, а в 1941 году, когда Гитлер напал на Советский Союз, с тяжёлыми боями отходил с дивизией от западной границы на восток. В мае 1943 года, после перенесенной контузии, ранения и тяжёлой операции, он стал командиром 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса.

Биографии Обухова и Родионова схожи. Разница в них была лишь в том, что Виктор Тимофеевич вступил в ряды Красной Армии, когда ему минуло девятнадцать, а Михаил Иосифович - когда и семнадцати ещё не было.

- Товарищ майор, до Панино ещё далеко? - прервав мои мысли, спросил Богуненко.

- Нет, не далеко, - механически ответил я и снова погрузился в свои думы.

Битва в излучине Курской дуги и бои на Украине не выходили из головы. Они на всю жизнь остались в моей памяти. Никогда не забыть тревожную ночь на 5 июля. Мы уже знали, что Гитлер вот-вот ринется на нас, и не ошиблись. На рассвете, когда ещё на листьях и траве серебрилась чуть заметная роса, загрохотали разнокалиберные орудия, загремели взрывы снарядов и мин. Небо заволочили самолёты с чёрными крестами. Немецко-фашистские войска перешли в наступление. Курская битва началась. На обояньском и других направлениях разгорелись кровопролитные бои. Особо ожесточённое сражение крупных танковых сил развернулось в районе Прохоровки. Враг остервенело рвался на север, к Курску.

Перед нашими войсками стояла задача: измотать, обескровить противника, а затем перейти в решительное контрнаступление и завершить разгром его частей.

Во время развернувшегося сражения на южном фланге Курского выступа части 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса почти непрерывно передвигались вдоль линии фронта. Они совершали ночные марши от Мирополья к Обояни, от Обояни к Короче и обратно в постоянной готовности вступить в бой. Задачи частям каждый раз ставились на ходу.

Сдержав неимоверный натиск гитлеровцев, войска Воронежского и Степного фронтов 12 июля нанесли мощный контрудар по вклинившимся ордам противника. К 23 июля враг был отброшен на исходные позиции.

3 августа, после перегруппировки своих сил, войска Воронежского и Степного фронтов перешли в решительное контрнаступление с задачей - разгромить белгородско-харьковскую группировку и освободить город Харьков: 5 августа немецко-фашистские захватчики были изгнаны из Белгорода и Орла, контрнаступление наших войск продолжалось.

В прорыв наш корпус вошёл в тот момент, когда крупная группировка противника, подтянутая в район Ахтырки, готовила контрудар по левому флангу Воронежского фронта. Генерал Ватутин, оценив обстановку, ввёл в сражение находившуюся во втором эшелоне 47-ю армию, оперативно подчинив ей 3-й гвардейский Сталинградский мехкорпус генерала Обухова. Корпусу ставилась задача: нанести совместно с частями 47-й армии удар по флангу и тылу ахтырской группировки и сорвать её наступление на Богодухов.

Корпус вводился в прорыв на участке Братский - Баромля Сумской области, двумя колоннами, по две бригады в каждой. Нашей 7-й гвардейской мехбригаде выпала задача действовать в голове правой колонны:

В исходном районе, у села Малый Бобрик, куда ночью перед началом операции вышли подразделения бригады, Родионов невольно вспомнил тот день, когда части корпуса вводились в прорыв под Сталинградом. Критически сравнивая прошлое и настоящее, он сказал Каменковичу:

- Вот если бы мы и там перед вводом в прорыв построились так же, как и здесь, компактно, колоннами, смотришь, и не было бы той скандальной истории...

- Да, там мы в прорыв вошли с большим опозданием, - подтвердил Каменкович. - И всё из-за того, что на исходной рассредоточились чуть ли не по всей степи.

- Опыта не имели, но теперь пусть историки этим занимаются - резюмировал Родионов.

- А здесь, Марк Моисеевич, судя по направлению нашего наступления, мы скоро окажемся там, где вы родились, - неожиданно для него сообщил Родионов.

- Да-а ... - удивлённо произнес Каменкович, это было бы здорово, - признался он.

Сообщение Родионова глубоко встревожило Каменковича. Раньше об этом он не думал, а когда перед ним открылась перспектива попасть в родные края, его охватило непомерное желание скорей оказаться там, где прошла безвозвратно ушедшая юность, где когда-то по направлению Полтавского губкома комсомола работал секретарем комсомольской организации города Хорол, где стал коммунистом, возмужал, а когда подошло время, пошёл в Красную Армию и остался в ней навсегда. Объятый наплывом воспоминаний о далёкой юности, Каменкович растрогался и, как ни старался казаться спокойным, скрыть свою взволнованность так и не смог.

Родионов, пристально посмотрев ему в глаза, подумал: «А всё же хороший он человек - прямой, откровенный, справедливый». Родионов ценил его необыкновенную энергичность и умение работать с людьми. Каменковича и бойцы в бригаде любили. Они к нему шли и с горем, и с радостью, и он без внимания не оставлял ни одной их просьбы. Он подкупал всех своей добротой и задушевностью. С ним и Родионову легко было работать: он постоянно чувствовал его рядом с собой и уверенно опирался на него. Он уважал

Каменковича не только, как своего заместителя по политчасти и начальника политотдела бригады, но и как боевого друга, с которым прошёл не одну сотню огненных верст.

Теплая летняя ночь в предвещии предстоящего сражения была удивительно хорошей. Над куполом неба, усеянном яркими звездами, стояла неземная тишина. Солдаты не спали. Никто в эту ночь не спал. Разговаривали тихо, почти шепотом, словно боясь вспугнуть тишину.

Правда, в глубине этой тишины раздавались лишь изредка где-то вдали отдельные выстрелы или, прорезая воздух, с шумом пролетали над головой одинокие самолёты, и снова становилось тихо.

Перед рассветом Родионов и Каменкович решили ещё раз проверить готовность подразделений к бою и знание личным составом своих задач. Особо они уделили внимание передовому отряду, от действий которого во многом зависел успех всей бригады. В передовой отряд был выделен мотострелковый батальон капитана Фёдора Алексеевича Алабушева, усиленный танковой ротой старшего лейтенанта Михаила Гавриловича Ахремова. Каменкович ничего не имел против назначения этого батальона в передовой отряд, но на душе у него таилась какая-то озабоченность и он сказал Родионову:

- Я, Михаил Иосифович, признаться, обеспокоен за Алабушева. В бою батальоном он ещё не командовал, справится ли с такой ответственной задачей?

- Справится, ротой командовал неплохо, и напористости у него хоть отбавляй, - ответил Родионов. - Правда, выдержки маловато, и ратному делу ему ещё надо учиться.

Алабушев внешне выглядел подтянутым, требовательным офицером, ориентироваться в обстановке умел, и находчивостью природа его не обделила. Но Каменковича тревожила горячность его характера и чрезмерная нервозность, у него было опасение за исход его действий в критические моменты боя. Родионов знал эту особенность характера Алабушева, но считал, что сложная обстановка заставит его действовать вдумчиво и разумно.

- Ничего, пусть пробивает дорогу бригаде, это ему будет школой для становления настоящих командирских качеств, - сказал он Каменковичу. - Все они молодые и горячие, но надо же когда-то и учиться, - добавил он, имея в виду и других командиров.

Побывав в мотострелковых батальонах, Родионов и Каменкович зашли и к нам в танковый полк. Они беседовали с командирами машин и с механиками-водителями проверили укладку боевого имущества на танках.

Убедившись в полной готовности полка, Родионов обратил внимание танкистов на особую сложность здесь для действий танков, имея в виду резко пересечённую местность с наличием глубоких лощин, оврагов, холмов и лесных массивов, не благоприятствующую широкому маневру всем полком.

Подполковник Огуж заверил его, что личный состав полка поставленную задачу выполнит с честью.

Артиллерийская подготовка началась ровно в семь ноль-ноль. Первыми озарили проснувшееся небо богини войны – «катюши», а вслед за ними заработали орудия и миномёты. Поднялся неумолчный, оглушительный грохот. От взрывных ударов содрогалась земля. Нарастивая силу огня, артиллеристы целый час молотили вражеские позиции. Они крушили всё живое и неживое на переднем крае и в ближайшей глубине, занятой противником.

Находясь на командном пункте командира стрелковой дивизии, Родионов видел, как после третьего залпа эрэсов поднялась и пошла в атаку пехота, он видел, как она ворвалась в первую траншею и с ходу заняла вторую. Последующие её действия скрывал неровный рельеф местности, покрытый кустами и перелесками, видны были лишь вспышки взрывов и чёрные комки дыма.

Родионов знал из приказа командира корпуса, что механизированные бригады должны начать движение в оперативную глубину с выходом частей 47-й армии на рубеж: Великий Истороп - высота 197.4 - Новгородский. Но, к его удивлению, сигнал был получен, когда пехота не подошла ещё и к железнодорожной линии.

- Что это? Перестраховка? - сказал он Каменковичу, вспомнив опоздание с вводом в прорыв под Сталинградом. - Если там обожглись на молоке, то здесь решили дуть на воду, - возмутился он и нехотя подал команду передовому отряду - Вперёд!

Преждевременный ввод корпуса в прорыв генералу Обухову тоже был непонятен. Он не меньше Родионова был удивлён и озадачен. Он не знал, чем вызвана эта поспешность. «Ну, что ж», - подумал Обухов, - «командующему видней, что к чему...»

Капитан Алабушев был в возбужденном состоянии. Ещё бы! Ведь ему впервые поручили действовать самостоятельно, впервые доверили прокладывать путь бригаде в оперативной глубине. Он знал серьёзность этого дела и в то же время думал: - «А чего тут хитрого, справлюсь...». Но позднее, когда ему пришлось по-настоящему вникнуть в суть предстоящей задачи, он понял всю сложность её. До него дошло, что впереди для батальона будут нелёгкие испытания, и что многое будет зависеть от его распорядительности.

Обдумывая обстановку, которая может сложиться при выполнении поставленной задачи, Алабушев невольно вспомнил слова полковника Родионова: «Помните - главной чертой в характере командира должно быть хладнокровие и выдержка, горячность в бою плохой помощник». Родионов не только учил и требовал, но и постоянно напоминал подчиненным, как надо действовать в той или иной обстановке, он передавал им свой жизненный и боевой опыт и в то же время поощрял инициативу и творческий подход к решению боевых задач. Офицеры это знали, знал и Алабушев.

Изучив нанесённый на карту маршрут бригады, Алабушев прикинул - до Великого Исторопа противника он не встретит, этот участок преодолет без особых трудностей. После Великого Исторопа, где вражеская оборона будет полностью прорвана общевойсковыми частями, передовой отряд выйдет на оперативный простор и там наиболее вероятными будут встречные бои. Но... получилось не так, как он думал и как было запланировано. Командующий армией почему-то изменил свое решение и вскоре после артиллерийской подготовки отдал распоряжение ввести в прорыв 3-й гвардейский механизированный корпус ранее намеченного для этого рубежа.

Получив сигнал о выступлении, Алабушев недоуменно произнес:

- Что это, пехота уже в Великом Исторопе?... здорово она шагает! Ну что я, тронемся и мы, - и вскочив в машину, махнул сигнальными флажками передовому отряду – Вперёд, за мной!

Колонна тронулась. Проселочная дорога была узкой, извилистой, но машины по ней шли ходко, то и дело ныряя в глубокие лощины и вихрем вылетая из них. Из-под стремительно вращающихся колес поднимались густые клубы пыли, окрашивая придорожные кусты и траву в тёмно-серый цвет. Косые лучи солнца, врезаясь в кабины и кузова, слепили бойцов и водителей, но, несмотря на это, они зорко вели наблюдение за местностью. А когда машины выскочили на открытый пригорок, Алабушев, приподнявшись с сидения, увидел вдали железнодорожную насыпь. При подходе головной походной заставы к насыпи, от железнодорожной будки, находящейся южнее станции Гребенниковка, был внезапно открыт огонь. Две машины запылали, обволакивая чёрным дымом дорогу, остальной автотранспорт стал отползать в укрытие. Алабушев развернул батальон и танковую роту Ахремова и с ходу атаковал противника. Бой у железнодорожной будки длился недолго, немцы стали отступать, но не в сторону Великого Исторопа, а вдоль железнодорожной линии, в направлении Нижней Сыроватки.

Разгромив у будки вражеские огневые средства, передовой отряд начал преследовать противника. Бойцы действовали с удивительной настойчивостью, проявляя мужество и отвагу. Алабушев, управляя боем, был в приподнятом настроении - первый успех чуть ли не вскружил ему голову. Но вскоре подоспевшие со стороны станции Гребенниковки немцы сумели отсечь мотопехоту Алабушева от танков и, прикрываясь оврагом, остановили её. Танкисты, не привыкшие оглядываться назад, продолжали наступление. Они огнём и гусеницами уничтожили часть вражеской пехоты и, проскочив через их разрозненные боевые порядки, ушли вперёд. Они считали, что с остатками рассеянных подразделений противника мотострелки легко справятся и без них.

Танковый взвод лейтенанта Яковлева, оторвавшись от своей роты, при подходе к деревне Холодово был встречен огнём артиллерии с высоты 185,5, но, отделавшись несколькими вмятинами на броне, смял фашистские орудия. Немцы из Холодово бежали, бросив восемь целёхоньких пушек. Преследуя их, Яковлев со взводом отклонился от своего направления и ворвался в Нижнюю Сыроватку, где неожиданной атакой во фланг поднял среди гитлеровцев невиданную панику. Пользуясь этой растерянностью немцев, он уничтожил несколько противотанковых пушек и самоходное орудие «Фердинанд». Гитлеровцы, чтобы восстановить положение, бросили против него танки, в том числе несколько «тигров».

Разгорелся огневой поединок трех «тридцатьчетвёрок» с немецкими танками Т-4 и «тиграми». Бронебойные снаряды дырявили стены домов, делали вмятины на броне и рикошетили с режущим посвистом. По танковому взводу лейтенанта Яковлева гитлеровцы стреляли со всех сторон. Оказавшись в окружении, Яковлев не растерялся, командовал с удивительным хладнокровием и уверенностью. Его спокойствие передавалось подчиненным, заряжало их боевой энергией, и они сражались с поразительным мужеством, отражая яростные контратаки гитлеровцев. Впереди на перекрестке улиц и на площади от

их огня уже горело три танка Т-4, а «Тигра» поразить пока не удалось. «Тигры» почему-то близко не подходили, стреляли издали, передвигались осторожно, борта не подставляли.

Наши танкисты знали толщину брони и слабые места этих танков и не боялись их, они смело вступали с ними в бой. Маневрируя между домами, Яковлев уловил уязвимое место одного зазевавшегося «тигра» и поджег его.

- Вот видите, и «Тигр» горит, - подбадривая подчиненных, крикнул он по ТПУ (танковому переговорному устройству).

Но взводу становилось всё трудней и трудней, противник сжимал его со всех сторон. Для манёвра почти не оставалось места. В пылу боя Яковлев увидел, как вспыхнула дымным пламенем боевая машина, его взвода, действующая справа. Его словно током обожгло.

- Бандюги... - процедил он сквозь зубы.

На душе у него вскипела неукротимая ярость. Он решил атаковать «Тигра», уничтожить его. Яковлев тут же подал команду механику-водителю вывести машину в соседний переулок ближе к противнику. Когда танк Яковлева вышел из-за угла покосившегося домика, по нему сразу ударили два бронебойных снаряда. В боевое отделение хлынул смолистый дым. Заряжающий был убит. Яковлеву в лицо и в шею впились отлетевшие от брони мелкие осколки. Механика-водителя и радиста ранило. Яковлев приказал им покинуть танк и уйти в укрытие.

- Мы с вами, товарищ лейтенант, - в один голос заявили механик-водитель и радист. Они поняли, что затеял командир взвода.

- Капитан последним уходит с корабля, - крикнул он и тут же вытолкнул их из машины.

Он сел за рычаги управления и, взглянув на погибшего заряжающего, повёл горящую «тридцатьчетвёрку» таранить «тигра», находящегося у покосившегося плетня. Его мысль работала напряженно. Он думал: «Только бы не ушел...». Удушливый чад горящего газойля сжимал всё нутро, дышать становилось трудно.

«Только бы мотор не заглох», - повторял он про себя, - «только бы не упустить ползучего гада...» - он всем телом подался вперёд и со всей силой нажимал на педаль акселератора. Машина летела, как огненная ракета, распустив вьющийся шлейф чёрного дыма. Она молниеносно приближалась к вражескому «тигру». Оставались считанные секунды... В последний момент Яковлев увидел, как башня «тигра» стала поворачиваться пушкой в его сторону, но было уже поздно. «Тридцатьчетвёрка» с невиданной силой врезалась лобовой частью в его борт, смяла крыло, взгромодилась на моторное отделение и в это мгновение раздался оглушительный взрыв боекомплекта в танке.

Башня отлетела в сторону, уткнувшись пушкой в землю, бортовые листы брони покорежились. Вражеский танк, оказавшийся под «Тридцатьчетвёркой», запылал густым пламенем, уйти ему не удалось, он был прижат к земле.

После разгрома противника на станции Гребенниковка, командир роты старший лейтенант Ахремов услышал в наушниках танкового шлемофона прерывистый голос лейтенанта Яковлева:

- Восточную окраину Сыроватки занял... Атакуйте с юга.... Атакуйте с юга... - и на этом связь прервалась. На вызовы Яковлев не отвечал, его рация молчала.

Ахремов, хотя и не знал, что радиограмма Яковлевым была подана в тот момент, когда его взвод был зажат со всех сторон, но понял - случилось с ним что-то серьезное.

Расстояние между станцией Гребенниковка и селом Нижняя Сыроватка рота преодолела в считанные минуты, она с ходу ворвалась на южную окраину и завязала с гитлеровцами уличный бой. Немецких танков в селе было много - в несколько раз больше, чем в роте Ахремова и они стреляли чуть ли не из-за каждого дома.

Гвардейцы Ахремова, действуя самоотверженно, на окраине села уничтожили несколько огневых точек, две противотанковые пушки и подожгли три танка Т-4, но с выходом к центру тоже оказались в огненном мешке. Кроме них в селе из своих никого не было. Положение крайне осложнилось. Силы оказались неравные. В роте у Ахремова боевых машин осталось мало, связь с командиром передового отряда потеряна, обстановка неясная. Но, несмотря на это, Ахремов перед неотвратимой смертельной опасностью духом не падал, он, словно не ведая страха, подавал команды по радиации уверенно, резким и требовательным голосом. Он в этой острой ситуации видел перед собой один выход - сражаться до последнего и с честью выполнить свой воинский долг. В наушниках у подчиненных то и дело раздавался его голос: «Глуши фашистских гадов!.. Бей их по-Сталинградски!» В душе у него, словно выюга, бушевала неукротимая злоба к фашистским захватчикам, он был полон гнева и ненависти к ним.

Но вскоре... к изумлению и радости Михаила Ахремова в селе появились ещё чьи-то «тридцатьчетвёрки». Они с оглушительным грохотом орудий обрушились на гитлеровцев. Они атаковали с неудержимой силой, и немцы, не выдержав мощного натиска, из Нижней Сыроватки бежали.

Откуда взялись эти «тридцатьчетвёрки» и чьи они были - Ахремов не знал, но сразу почувствовал, как нервная напряженность, сковавшая его до крайности, стала улетучиваться. Немного расслабившись, он даже как-то растерялся и не знал, что делать - то ли наступать вместе с танками, ворвавшимися в село, то ли приводить роту в порядок и добиваться связи со штабом своего полка? После недолгих раздумий он приоткрыл люк башни и недоуменно посмотрел на затихшие улицы и дома. Его удивила нависшая над ними тишина - в селе ни одного выстрела, словно всё замерло. Глухие отзвуки орудийной пальбы доносились уже издалека.

Ахремов вылез из машины и решил уточнить потери. Сгоревшие немецкие танки он не считал, он видел их, но не считал. Он искал подбитые танки лейтенанта Яковлева и других своих подразделений. Когда он ходил от танка к танку, его неотступно мучила мысль собственной вины в гибели людей. Он понял, что допустил отклонение от намеченного курса, увлёкся преследованием врага и оторвался от мотопехоты. Он противнику нанес большой урон, но и сам понес немалые потери. Терзая себя, Ахремов с невыразимой болью смотрел на искорёженный танк лейтенанта Яковлева, совершившего смертельный таран. «Вот и не стало нашего ветерана... Не стало бесстрашного Саши!..» - с горечью думал он.

Да, его не стало. Короткая, но замечательная жизнь лейтенанта Яковлева трагически оборвалась в неравном бою. Александр Михайлович Яковлев - мой земляк, уроженец Тверской области. Он был ветераном бригады, участником сражений под Сталинградом. Он в критический момент боя не задумываясь совершил огненный таран вражеского танка.

...Недалеко от сгоревшей машины лейтенанта Яковлева Ахремов увидел, как механик-водитель незнакомой «тридцатьчетвёрки» латал разбитую гусеницу. Он подошёл и спросил:

- Чьи это, воин, «тридцатьчетвёрки»?»

- Это мы-то чьи?.. - сверкнув янтарными глазами, произнес механик, - Чай, известно чьи - второго танкового!.. - пояснил он горделиво.

- Второго танкового... - повторил Ахремов и только тут он вспомнил про карту в планшетке, на которой был начерчен маршрут бригады на Великий Истороп.

- Второй танковый корпус... Так это же наш сосед справа, - сказал он неизвестно кому и торопливо зашагал к своему танку.

Колонна главных сил бригады по сигналу полковника Родионова спешно двинулась с исходного района к рубежу ввода в прорыв. Машины шли ровно, без особых рывков. Настроение у бойцов было бодрое, приподнятое. Они с необыкновенным рвением устремились освободить города и села родной Украины. Как и под Сталинградом, они были полны решимости вызволить украинский народ из фашистской неволи.

Бойцы знали, где установлен рубеж для ввода в прорыв, и с нетерпением ждали, когда пересекут его. Рубеж ввода им казался стартом, откуда начнется решительное продвижение в оперативную глубину. Но, после пересечения третьей немецкой траншеи, основательно разрушенной нашей артиллерией, личному составу колонны сообщили, что подразделения капитана Алабушева в районе железнодорожного полотна уже вступили в бой с противником. Гвардейцы насторожились, крепче стали прижимать к груди автоматы и карабины.

Донесение о преждевременной встрече передового отряда с гитлеровцами Родионова не удивило, он воспринял эту весть спокойно и лишь начальнику штаба сказал:

- По ходу действия следовало это ожидать...

Теперь он окончательно убедился в том, что оборона противника полностью не прорвана, и основная тяжесть прорыва её ляжет на плечи бригады, а это серьёзно осложнит выполнение поставленной задачи.

Оценив сложившуюся обстановку на этом участке, Родионов на ходу поставил задачу подполковнику Леониду Павловичу Огужу, капитану Александру Федоровичу Борисову и старшему лейтенанту Георгию Емельяновичу Гарбузову - атаковать противника в Великом Исторопе и, если удастся, прорвать его оборону, развивать успех наступления на Малый Истороп. Ивану Корниловичу Юдинцеву Родионов поручил передать Фёдорову Алексеичу Алабушеву, чтобы тот присоединился с батальоном к бригаде. «Прав был

Каменкович, опасаясь за его действия», - подумал Родионов, - «увлёкся он погоней за противником и забыл про свою задачу».

Алабушев был доволен действиями своих подчиненных. Противник отброшен, потери незначительные и это в какой-то степени радовало его. Он отдал распоряжение начальнику штаба вернуть подразделения в исходный район и приготовиться к движению вперёд.

- С танковой ротой нет связи, товарищ капитан, - доложил ему начальник штаба.

- Как нет связи?.. Что они оглохли?.. Вызывайте и верните их обратно, - распорядился Алабушев.

Установить связь с танкистами так и не удалось. Алабушева это всерьез обеспокоило, он начал нервничать. «Что это, недисциплинированность танкистов?.. А может нечетко я им поставил задачу?..» - подумал он. И тут словно спохватившись, Алабушев вспомнил, что ему поручено прокладывать путь бригаде в оперативной глубине, что медлить никак нельзя, надо быстрее пробиваться вперёд.

Но время было уже упущено. Когда Алабушеву передали распоряжение командира бригады - немедленно присоединиться к колонне главных сил, он понял, что допустил непоправимую ошибку. Понял, что ему надо было, как только отбросили противника от железнодорожной будки, прикрыться с фланга одной мотострелковой ротой, а остальной частью отряда, продолжать выполнение поставленной задачи. «И как всё это мне сразу в голову не пришло?» - терзал он себя. К тому же его сильно потрясла потеря связи с танковой ротой. Где рота - ни ему, ни начальнику штаба батальона не было известно. На душе у него бурлила злоба. Он готов был обрушиться за всё случившееся на своего начальника штаба. «...Он не подсказал мне...» - внутренне горячился он.

Алабушев готов был разразиться вулканическим взрывом. А тут, как на зло, какая-то отходящая группа противника наткнулась на миномётную роту батальона, не успевшую сняться с позиции, и атаковала её. Пришлось на выручку к миномётчикам срочно выслать взвод автоматчиков. Все эти неприятности вывели Алабушева из себя. Он горячился и, не стесняясь в выражениях, торопил командиров рот. Он был не в силах совладать со своими нервами. Он никак не мог простить себе, что так нелепо допустил такую непростительную ошибку. «И как это я не сообразил вовремя прикрыться одной ротой, а батальоном продолжать движение по маршруту», - повторял он взволнованно про себя.

Сознание того, что он теперь оказался не впереди бригады, угнетало его больше, чем предстоящий разговор с полковником Родионовым.

Когда капитан Алабушев подошёл с батальоном к Великому Исторопу, бригада там вела уже тяжёлый бой.

При подходе к Великому Исторопу бригада была встречена сильным огнём с высот западнее и восточнее Супрунов. Мины и снаряды рвались по всему полю, попадали и на дорогу, по которой шли танки и автомашины.

С Великого Исторопа стрельба не велась, и на первый взгляд казалось, что противника там нет. Командир полка, подполковник Огуж, обгоняя колонну танков, даже

на «виллисе» хотел проскочить туда. Но вскоре и там противник ожил, появились вспышки от отдельных орудий и крупнокалиберных пулемётов.

По сигналу командира бригады Родионова наш танковый полк с мотострелковым батальоном капитана Борисова развернулся и с ходу ворвался на северную окраину села. Противник, используя сады и постройки, оказал упорное сопротивление - завязалась огневая схватка. Танкисты и мотострелки с трудом выбивали гитлеровцев из жилых и нежилых помещений и зелени садов. Батальон старшего лейтенанта Георгия Емельяновича Гарбузова действовал левее этого населённого пункта, в направлении высоты, которая горбылем вытянулась в сторону южной окраины Великого Исторопа, и у подножья этой высоты был остановлен огнём противника.

Родионов, подскочив к отдельному сараю перед северной окраиной села, по телефону, который был уже установлен здесь, сделал замечание старшему лейтенанту Гарбузову за задержку наступления, затем вместе с разведчиком капитаном Долговским выдвинулся ближе к боевым порядкам подразделений. Отсюда он увидел, как немцы с высоты, которая выглядела горбылем, создали сплошную стену огня:

- Зря я отругал Гарбузова, - сказал он разведчику. - Так высоту не возьмешь, оборона у противника здесь заранее подготовлена, надо прорывать, - и тут же приказал Долговскому разведать вражескую систему огня и доложить.

К старшему лейтенанту Гарбузову Родионов послал своего заместителя по строевой части полковника Стражеца.

- Комбат он новый, только что прибыл, так что помогите ему, Казимир Дионисьевич, - сказал он в форме просьбы.

По возрасту Гарбузов был молодой, а внешне выглядел старше своих лет. Лицо у него было землисто-серое, худое, с ввалившимися щеками, но чувствовал себя он бодро. В отличие от Алабушева, быстрого и резкого, Гарбузов был нетороплив, спокоен, шуметь не любил. Он, казалось, каждое слово, прежде чем произнести, хорошо взвешивал. В батальоне Гарбузов с первого дня своего пребывания снискал к себе доверие и уважение. Работать с людьми он умел.

В то время танкистам и мотострелкам, действующим в Великом Исторопе, удалось сломить сопротивление гитлеровцев. Они энергично стали продвигаться вперёд. Вдоль улицы села наступал взвод лейтенанта Ходыревского. Орудийные залпы его танков без промаха глушили вражеские пушки, установленные в палисадниках, и гасили огонь пулемётных гнёзд в оконных проемах домов и на чердаках.

«Тёзка всесоюзного старосты», так уважительно звали Михаила Ивановича Ходыревского товарищи, был уроженцем Курской области. Он с неукротимой яростью громил фашистских захватчиков, гнал их дальше от своего родного дома, от многострадальной курской земли. Он даже и не заметил, как вышел со своим взводом на южную окраину села. Разгоряченный, полный гнева и ненависти к врагу, он подал команду своим гвардейцам:

- Ну, а теперь, Орлы, на Малый Истороп!

Местность при выходе из Великого Истороба была сложная. Справа дороги - непроходимое болото, а слева - довольно крутая, с удобными для засад складками возвышенность, или, как мы её называли - высота с горбылем. Размах для маневра здесь был исключен.

Разгромив вражеские подразделения в населённом пункте, бойцы легко вздохнули - начало сделано, первое украинское село освобождено. Кругом на какое-то время даже установилась тишина. День был солнечный, яркий. Небо над головой обволакивал лишь густой дым горящих машин и отдельных домов, вражеские самолёты над нами не висели.

Когда взвод лейтенанта Ходыревского был готов к движению вперёд, подполковник Огуж отдал распоряжение строиться в колонну всему полку. Танки выходили из-за домов и амбаров на главную улицу, мотострелки лезли на броню, полк готовился к маршу.

Мы с командиром полка вышли к окраинному домику и стали наблюдать за высотой слева. Прильнув к окулярам бинокля, Леонид Павлович то ли мне, толи самому себе, сказал:

- Как только прорвемся по дороге к Супрунам, противник сам с высоты уйдет.

Подполковник Огуж был настроен оптимистически и почему-то полагал, что гитлеровцы после потери Великого Истороба сопротивляться здесь больше не будут. Он тут же отдал распоряжение командирам танковых рот начать движение. В голове колонны была вторая танковая рота. Танки лейтенанта Ходыревского первыми, взвихрив дорожную пыль, рванулись с места. Действуя впереди головной роты, Ходыревский рассчитывал проскочить на больших скоростях таящий опасность участок между болотом и высотой. Он знал коварство и силу врага, но страха перед ним не чувствовал. Ненависть к врагу у него была сильнее страха. Из головы не выходили горькие строки письма сестры: «Миша, дорогой, мы долго скрывали от тебя, но дальше терпеть нет сил... Сообщаем - получили сразу две похоронки... Нет у тебя больше братьев, они оба пали смертью храбрых... Отомсти за них извергам... Береги себя.» Он мстил за них извергам под Сталинградом, он не давал им пощады и в Великом Исторобе.

Прильнув к оптическому прицелу, Ходыревский напряженно всматривался в крутизну скатов и в расщелины между ними, он был настороже. Оружие, заряженное смертоносным снарядом, было направлено в сторону высоты. Но... не прошло и нескольких минут, как из засады грянул выстрел. Вражеский снаряд попал в топливный бак, и танк лейтенанта Ходыревского был объят огнём. Потушить пламя, охватившее моторную и трансмиссионную часть машины, не удалось.

Оказавшись в критическом положении, Ходыревский духом не пал, он мгновенно открыл ответный огонь и уничтожил вражескую пушку, укрытую зарослью кустов. Но тут его положение ещё больше усложнилось. Впереди за высотой появилось до тридцати неприятельских танков.

- Береза, я - Береза один! за высотой немецкие танки, - передавал Ходыревский командиру роты. - Они идут к вам. Встречайте! Смерть фашистским гадам!.. – и открыл по ним огонь.

Он так же, как и капитан Брянцев под Сталинградом, решил дёшево свою жизнь врагу не отдавать. Ведь в то время, когда Брянцев на горящем танке таранил вражеские пушки, Миша был в его роте командиром и видел его героический поступок.

- Товарищ лейтенант, «Тигр» впереди,- задыхаясь от смолистого дыма доложил механик-водитель.

Ходыревский, повернув башню вправо, увидел, как с высоты наперерез ему опускался немецкий танк Т-6. Он быстро навёл орудие в борт ниже башни и прошил крупновскую броню уральским подкалиберным снарядом. «Тигр» вначале окутался вьющимися кольцами чёрного дыма, а затем над ним засверкали золотистые зубцы пламени.

- Горит!.. «Тигр» горит! - уже совсем задыхаясь от удушливого газа, с хрипотой кричал в ТПУ механик-водитель.

Экипаж Ходыревского, находясь в невероятно тяжёлых условиях, вёл себя мужественно, стойко, словно не чувствуя нависшую над собой опасность. Положение гвардейцев в танке с каждой минутой становилось всё хуже и хуже. В боевом отделении было невыносимо жарко. По днищу танка из моторного отделения шла горячая лава дизельного топлива. Огонь подбирался к ногам, к боеприпасам, оставаться в танке стало опасно. Лейтенант Ходыревский, чтобы спасти экипаж, остановил машину и подал команду:

- А ну, орлы, через люк механика в укрытие!

Но выйти из горящей машины экипаж не успел. Вторичное попадание вражеского снаряда случилось в боекомплект, и на наших глазах произошёл огромной силы взрыв, разорвавший броню танка на части. Многотонная башня отлетела в сторону. На дороге образовалась груда искореженного металла. Казалось, не было большей горечи и боли на душе, как видеть трагическую гибель командира взвода, коммуниста, лейтенанта Ходыревского со своим боевым экипажем. Мне и до сих пор не верится, что его нет в живых. Тогда мы с огромной болью пережили эту потерю, а о героической гибели лейтенанта Яковлева в Нижней Сыроватке пока ещё не знали.

Командир второй танковой роты, приняв донесение от лейтенанта Ходыревского о появлении немецких танков за высотой, выскочил из танка и, успев только крикнуть командиру полка: «За высотой танки!..», упал. Его ранило осколком снаряда в голову. Противник в этот момент начал интенсивный обстрел Великого Исторопа. С юга на горизонте появились его самолёты. Мы поняли - гитлеровцы готовят контратаку.

Подполковник Огуж, оценив обстановку, решил рассредоточить полк. Он понял, что пока оборона противника не будет окончательно прорвана, колонной к Супрунам не проскочить. Его особенно встревожило появление вражеских танков, но он не растерялся, команды на рассредоточение танков подавал спокойным голосом, словно на учениях. «Тридцатьчвёртки» одна за другой стремительно уходили с улицы и занимали огневые позиции за домами и под деревьями в садах. Полк готовился к встрече врага огнём прямой наводки с места.

- Товарищ Цветков, доложите обстановку командиру бригады, - крикнул мне Огуж и, к моему удивлению, вскочил в свой танк.

Когда я доложил полковнику Родионову о движении немецких танков и принятом решении командира полка, он мне сказал:

- Подпустите их ближе и бейте в упор, артиллеристы вас поддержат.

Ждать долго не пришлось. Над селом буквально через несколько минут появились бомбардировщики с крестами на крыльях, а вслед за, ними из-за высоты выползли около тридцати гитлеровских танков. Шли они в направлении третьего мотострелкового батальона, в обход Великого Истороба справа. Мотострелки оказались в невыгодном положении, они не успели окопаться и чувствовали себя не совсем уверенно. Огуж понял их состояние и дал команду командирам рот обрушить свой удар по контратакующим танкам раньше установленного времени. Неожиданный залп всего полка привёл гитлеровцев чуть ли не в шоковое состояние. Несколько танков задымили, а с двух даже башни отлетели от взорвавшихся внутри боеприпасов. Остальные машины, затормозив свое движение, суматошно стали поворачиваться в сторону села.

Разгорелось огневое сражение. Грохот стоял невероятный. Повсюду рвались снаряды и мины. Сверху падали разнокалиберные бомбы. Горели машины, танки и дома. По земле расплзался удушливый чад бензина и солянки, окутав всё дымным туманом. Но вскоре огонь нашей артиллерии и «тридцатьчетвёрок» преградил путь врагу. Гитлеровцы стали откатываться назад, оставляя догорать на высоте искорёженные танки, а самолёты не уходили, они продолжали висеть над расположением бригады. По позднего вечера они бомбили боевые порядки подразделений. Зенитчикам удалось сбить три самолёта, но это вражеских асов не отпугнуло, они лишь поднялись выше и продолжали всё так же бесчинствовать.

Командир корпуса, генерал Обухов и командующий бронетанковыми войсками 47-й армии генерал Кретов во время контратаки танков и пехоты противника находились на наблюдательном пункте полковника Родионова, откуда прекрасно был виден весь травянистый скат высоты, занятой немцами. На нём отчетливо выделялись покрытые побуревшим дёрном извилистые отвалы траншей, зигзаги ходов сообщений и отсечные позиции. Наблюдая за действиями сторон, они хорошо видели картину развернувшегося боя, картину неистового сопротивления гитлеровцев, опирающихся на опорные пункты, насыщенные огневыми средствами.

Неутешительные донесения были получены и с левой колонны корпуса. У населённого пункта Новгородский 8-я гвардейская мехбригада также встретила ожесточенное сопротивление вражеских сил. Продвижение колонны застопорилось, бригада развернулась и вступила в бой.

Всё это объяснялось тем, что оборона противника на рубеже ввода в прорыв оказалась частями общевойсковых соединений не прорвана, они на этот рубеж не вышли.

Создавшаяся обстановка встревожила генерала Обухова. Сам факт встречи с противником его не страшил. Он знал, что мех. корпус и подготовленную оборону может прорвать, но его беспокоило то, что он вовремя не выйдет на оперативный простор, где размах и возможности для маневра шире, и задачу дня не выполнит. Сдерживая свое волнение, он подошёл к командующему БТ армии и с тенью горечи спросил:

- Как это получилось, товарищ генерал, что вместо действий в оперативной глубине мех. корпусу придется решать задачу общевойсковых соединений?

- Чистый прорыв, Виктор Тимофеевич, практически не всегда осуществим, - ответил генерал Кретов. - Расчёт, как видите, был один, а получилось иначе...

Генерал Кретов не стал искать оправдания и успокаивать Обухова. Он понял его душевную тревогу, но винить кого-то в чем-либо не собирался. Он знал, что задачу дня мех. корпус уже не выполнит, и что трудности на пути овладения рубежом Великий Истороп - Новгородский будут немалые. Потери тоже неизбежны, ведь гитлеровцы, чтоб не допустить выхода наших частей в тыл ахтырской группировке, этот рубеж легко не отдадут.

- Вот что, Виктор Тимофеевич, - обратился он к Обухову, - завтра к рассвету правой колонной корпуса надо выйти в Малый Истороп.

Обухов развернул карту и, взглянув на красную стрелу нанесенную через Малый Истороп на Зеньков, сказал:

- Ну что, товарищ генерал, будем выполнять и постараемся наверстать упущенное.

- Почему мы стоим, Федя? - кто-то крикнул хрипловатым голосом из машины, идущей за нами. - Так и до утра в Панино не доберемся.

- А бис його знае... - ответил Богуненко. - Кажысь там мостик провалився...

Колонна стояла. двигатели гудели. Около машин бойцы прыгали, грелись. Впереди командиры подразделений что-то делали, шумели, но я в их действия не вмешивался. «Разберутся, - подумал я, - не в бой идём...» Меня не оставляли в покое думы о пройденном пути по левобережной Украине. Мне хотелось вспомнить, что же произошло после отражения вражьей контратаки в районе Великого Исторопа, и как развернулись последующие события этого дня.

Нас с командиром полка больше всего волновало отсутствие роты Михаила Гавриловича Ахремова. Мы не знали, где она и что с ней. Алабушева нашли в Великом Исторопе с окровавленной повязкой на голове, но он ничего вразумительного сказать нам не смог. Вскоре полковая рация связалась с Ахремовым. Он оказался в Нижней Сыроватке, в полосе наступления правого соседа, и настойчиво взывал о помощи. Подполковник Огуж решил направить к нему с санитарной машиной и ремонтными средствами своего заместителя по политчасти майора Соломона Исаковича Ляховича. Ему хотелось как можно скорее вытащить роту Ахремова из Нижней Сыроватки: рота крайне нужна здесь. Огуж знал - быстрее и лучше Ляховича это задание никто не выполнит, он уверен в нём.

Ляхович и на самом деле обладал каким-то особым организаторским дарованием и подчас мог сделать даже невозможное. Он имел неистощимый запас боевой энергии и жизненных сил, трудностей не боялся. Внешне выглядел крепким, поразительно подвижным, живым, везде успевал, работал без устали. В полку никто не знал, когда он спал, и спал ли вообще. Бойцы и командиры любили его и относились к нему с большим уважением. Он находил время с каждым из них поговорить по душам и дать живой заряд бодрости и оптимизма. Он каким-то, только ему известным чутьём, угадывал у кого какое настроение и горе, кто в чём нуждается и кому какая необходима помощь. Он был полон

отзывчивости и доброты. Он умел вызывать подъём духа у бойцов и побуждать их к героическим поступкам. Он до страсти любил вручать вновь прибывшим воинам гвардейские значки перед строем и при этом обязательно напоминал, что награждает их авансом за подвиги в предстоящих боях.

Была у майора Ляховича, как и у многих других, горькая печаль на душе, но об этом в полку никто не знал. Он с этим горем ни с кем не делился. Его томила безутешная боль о своей семье, жене и детях. Соломон Исакович не знал, где они - то ли остались в Белоруссии, где жили, то ли эвакуировались на Восток, но куда?..

Эта незаживающая рана на сердце не давала ему покоя. Он всё время думал о них, думал о жене и о маленьких детях - Лизе и Феликсе, он то и дело в мыслях повторял их милые имена. Он каждый день вынимал украдкой из кармана фотографии жены и детей и с грустью в душе смотрел на них. Он мысленно клялся не жалея сил громить фашистских извергов, принесших людям горе и страдания.

Вначале Ляхович воевал в Белоруссии, а затем, после первого ранения, сражался в составе частей Ленинградского фронта комиссаром танкового батальона. Боевая машина комиссару по штату в батальоне не положена, но, несмотря на это, майор Ляхович всегда садился в один из линейных танков и вместе с подразделениями шёл в атаку. Свинцом и тротилом он разил гитлеровских сатрапов, рвущихся к Ленинграду, давил их всей тяжестью танка. Он всего себя отдавал делу борьбы с ненавистным врагом. Но... здесь его постигла беда - тяжёлое ранение, он оказался в глубоком тылу. Для него это было большим несчастьем. Врачи предрекали списать его подчистую. Но он, вопреки их желанию, преодолевая все препоны, добился своего - стал комиссаром вновь созданного танкового полка.

Здесь, вместе с командиром полка майором Дорошкевичем, с таким же, как и он, энергичным, живым и неугомонным, Ляхович сколачивал подразделения полка, воспитывал и обучал танкистов боевому мастерству. Под Сталинградом и на Дону они вместе водили полк в яростные атаки. Они преданно сдружились и понимали друг друга с одного взгляда. Дорошкевич для Ляховича стал самым близким человеком, он стал для него не только другом, но и братом родным. Ляхович вверял ему все свои думы и помыслы, раскрывал всю свою душу. После потери связи с семьёй, (он не знал, где жена и дети), ближе и роднее Дорошкевича у него никого не было. Фронтная жизнь скрепила их, спаяла воедино. Они стали, как одно целое и разъединить их, казалось, было уже невозможно.

Но вскоре Ляховичу снова пришлось испытать удар судьбы, нечеловеческую боль сердца - Дорошкевича не стало... Он пал смертью храбрых в Сальских степях. Ляхович в то время ходил чернее тучи, на душе у него было столько горечи и страдания, что, казалось, он не выдержит, не вынесет этой потери. И лишь священный долг перед Родиной и народом дал ему силы и стойкость, он перенёс и эту утрату. Его сердце горем было не сломлено.

- Ну как, комиссар?.. - спросил Огуж, когда увидел возвратившегося из Нижней Сыроватки своего заместителя по политчасти. Майора Ляховича в полку по старой привычке все звали комиссаром и, казалось, тем самым выражали к нему какое-то особое уважение.

- Рота Ахремова, товарищ подполковник, сосредоточена вот здесь на опушке леса, - показал он на карте.

- Вот и хорошо, - сказал Огуж. - Наступать она будет с батальоном Гарбузова.

Майор Ляхович, глотнув воды из алюминиевой фляги, начал рассказывать о рейде роты Ахремова в Нижнюю Сыроватку. Он говорил о твердой стойкости экипажей в критические моменты боя, о мужестве и подвигах танкистов и о гибели многих из них. Мы были поражены героическим поступком лейтенанта Яковолева. Какую силу воли и решительность надо было иметь, чтобы пойти на такой смертельный таран!.. Подчеркнув невинность Ахремова в столь больших потерях, понесённых его ротой, и в отклонении от своего маршрута, Ляхович сказал:

- Потери, нет слов, немалые, но и противнику нанесен огромный урон. Сожжено десять танков, в том числе два «тигра». Уничтожено двенадцать противотанковых орудий и захвачено двадцать пушек целехоньких. Но самое главное, - продолжал он, - рота Ахремова прикрыла наш правый фланг от неминуемых ударов со стороны Нижней Сыроватки, где противник имел в резерве около сотни танков...

Вдруг, прервав движением руки рассказ майора Ляховича, подполковник Огуж повернулся ко мне и то ли в порядке просьбы, то ли в форме товарищеского совета сказал:

- Николай Васильевич, а что, если в штабной автобус поставить рацию? Вам с него будет не хуже, чем из танка держать связь с ротами и штабом бригады.

- Но на автобусе во время боя вплотную к танкам не подойдешь, - ответил я, чувствуя, к чему он клонит этот разговор.

- Поймите, у Ахремова мало осталось машин... Если Вы передадите ему свой танк, то это усилит его роту, - пояснил он мне.

- Хорошо, - нехотя согласился я.

Огуж улыбнулся, но эта улыбка была безотрадная. Первый день боя и - такие потери. Мы никак не могли примириться с тем, что у нас в полку не стало Ходыревского, Яковлева и многих других товарищей. Боль на душе не утихала.

Генерал Обухов, точно сам не свой, ходил взад и вперёд вдоль траншеи за полуразрушенным зданием на северной окраине Великого Исторопа. Он был недоволен результатами первого дня боя. Его тревожила непредвиденная задержка корпуса на рубеже ввода в прорыв, ничем неоправданное топтание на одном месте. «А может мы не энергично действовали и упустили какой-то момент», - подумал он. – «Упёрлись, как в стену, в эти высоты и стоим...»

- Разведчика ко мне, - взволнованно передал он своему адъютанту.

Данные о противнике у разведчика были скудные, но на принятие решения оказали существенное влияние. Наличие полка пехоты 112-й пехотной дивизии противника перед

7-й гвардейской мехбригадой и более ста танков в районе Нижней Сыроватки и Новоградского насторожили Обухова.

Оценив обстановку и рассчитывая, что противник в ночных условиях в контратаку не пойдет, он решил перейти в наступление с заходом солнца. Подтянув корпусную артиллерию, в том числе и дивизион эрэсов, Обухов поставил задачу Родионову и Асланову на прорыв вражеской оборонительной линии и уехал к левой колонне.

На левом маршруте с 8-й и 9-й гвардейскими мехбригадами находился его заместитель по строевой части полковник Катков с группой офицеров штаба. Обухов поехал туда не потому, что не доверял Каткову, а просто решил ознакомиться с обстановкой на месте и посмотреть на подступы к переднему краю противника. Хотя, что греха таить, была у него мысль заодно приглядеться и к действиям своего заместителя, ведь в корпусе он был, как и многие, новичок. К тому же он знал горячность характера полковника Каткова и считал нелишним как можно чаще с ним общаться и сдерживать его.

Генерал Обухов в расположении 8-й и 9-й гвардейских мехбригад задерживаться не стал. Он ознакомился с планом боя бригад, уточнил отдельные моменты действия частей при прорыве переднего края и объявил время начала артиллерийской подготовки.

Командиры бригад Даниил Никитович Белый и Павел Иванович Горячев доложили о больших потерях в подразделениях, особенно от безнаказанно свирепствующей вражеской авиации.

- Знаю, - сказал Обухов. - Лучше маскируйтесь... - и, сверив часы, уехал обратно в Великий Истороп.

Войска 47-й армии имели первоочередную задачу - ликвидировать ахтырскую группировку противника. Причем особая ответственность за выполнение её ложилась на части 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса. Они должны были пробивать дорогу и вести за собой наступающую пехоту 47-й армии.

Этот этап начинался здесь, от Великого Исторопа и Новгородского. Отсюда «Волжская гвардия» должна была обрушиться тараном на коварного врага. Конечно, неудачно закончившаяся попытка войти в прорыв нарушила первоначальный план действий и волновала многих, но главное беспокойство было из-за больших и ничем неоправданных потерь, понесенных бригадами от ударов с воздуха. Вражеская авиация весь день господствовала над расположением частей мех. корпуса, а наши самолёты не появлялись не только в этот день, но и в последующие пять дней.

Обдумывая план предстоящего боя, Родионов старался учесть всё, из чего складывается боевой замысел командира. Надо было определить направление главного удара, расставить силы, подготовить к атаке подразделения и части, учесть возможные сюрпризы за передним краем и в глубине расположения противника и многое другое.

Заслушав разведчика и бригадного инженера, Родионов спросил командующего артиллерией бригады:

- Как у вас с артиллерией, товарищ Рябов?

- Пристрелка основных целей произведена, товарищ полковник, к артподготовке готовы, - доложил Рябов.

- Хорошо, только пусть противотанковые орудия потом от пехоты не отстают, - напомнил ему Родионов.

На майора Михаила Дмитриевича Рябова Родионов надеялся, как на самого себя. Он ценил его. Он с ним по полям сражений в междуречьях Волги и Дона прошёл не одну сотню километров. Ему нравилась его решительность и напористость в бою. Рябов был человек размашистый, сообразительный. Он любую мысль схватывал чуть ли не на лету и легко мог разобраться в самой трудной и запутанной ситуации. Правда характер у него был чувствительный, сложный. Иногда его упрямство было нелегко сломить, но Родионов знал, как надо это делать, и каких - либо трудностей в работе с ним у него не было.

В разгар подготовки к прорыву оборонительной линии противника Родионову доложили, что капитан Алабушев снова ранен и опять в голову.

- Только этого не хватало... Комбатов терять начинаем, - сказал он неизвестно кому. - Бригадного врача ко мне, - распорядился Родионов.

- По вашему приказанию... - сползая в траншею, начал докладывать майор медицинской службы Тадиоз Давыдович Бекоев.

Родионов, прервав его доклад, спросил:

- Алабушев отправлен в медсанбат?

- Ныкак нэт, товарищ полковник, - ответил Бекоев с явно выраженным осетинским акцентом.

- Почему? - удивился Родионов.

- Нэ хочет расстаться с батальоном.

- Не хочет... А Вы сами-то осмотрели его?

- Смотрел...Царапины сэрьезные, но тэрпимы, - пояснил Бекоев.

- Ну что ж, неволить не будем, а на всякий случай, Степан Калинович, - обратился Родионов к начальнику штаба бригады майору Любарь, - направьте к нему заместителем капитана Нанавьяна.

- Заместителем?.. Жаль, товарищ полковник, - огорчился Любарь, - лишаемся лучшего начальника штаба батальона.

- Строевой командир из него тоже будет неплохой, - ответил Родионов.

Майор Любарь ревниво оберегал штабных работников, особенно, если они пришлись ему по душе. Он любое перемещение своих подчиненных переносил болезненно. Ему казалось - уж если кто поставлен на какую должность, то раз и навсегда. Тогда он будет знать свое дело назубок, и не будут нарушаться графики представления донесений,

оперативных сводок и других документов. Писанину майор Любарь любил по безумия. «Историкам после войны каждая бумажка будет нужна, - утверждал он. - Иначе как же они напишут историю войны?» Майор Любарь сам писал много и от подчиненных требовал того же.

Родионов с тревожной напряженностью ждал конца этого трудного для бригады дня. Когда у него полностью созрело решение на атаку, он вызвал к себе командиров подразделений и частей. Командиры батальонов, разместившись на наблюдательном пункте, в ожидании приказа стали бурно делиться между собой впечатлениями о боевых событиях на своих участках. Родионов обвёл их отеческим взглядом и, посмотрев на солнце, уходящее за горизонт, как и всегда, твёрдым, отчётливым голосом произнес:

- Товарищи командиры!

В траншее все умолкли. Наступила та самая минута, которая требовала от каждого сосредоточенного внимания.

- Слушайте боевой приказ, - продолжал он. - Ориентиры. Номер один ...

Приказ Родионов отдавал пункт за пунктом по строго установившейся схеме. Капитан Юдинцев старательно слово в слово записывал содержание приказа в прошнурованную книгу. Командиры подразделений и частей, наблюдая за передним краем противника и шурша топографическими картами, делали соответствующие пометки.

В процессе отдачи боевого приказа Родионов то и дело бросал свой тревожный взгляд на капитана Алабушева. Его беспокоила забинтованная голова комбата с выступившими через марлевую повязку кровоточинами. Он всё время думал: «А сможет ли теперь Алабушев командовать батальоном? ...»

Алабушев, словно почувствовав его беспокойство, внутренне подтянулся и старался казаться вполне здоровым, как будто с ним вовсе ничего и не случилось.

Итак, - как бы суммируя, сказал Родионов, - прорывать оборонительную линию противника будут Алабушев и Гарбузов вместе с танковым полком. Когда они подойдут к высотам в районе Супрунов, начинает действовать усиленный танковой ротой батальон капитана Борисова. Он стремительно выходит по большаку в Малый Истороп и развивает успех наступления на Стеблянки.

Затем Родионов подошёл к Александру Фёдоровичу Борису ближе и пояснил ему:

- Ваша задача, товарищ Борисов, вперёд и только вперёд! Если у вас в тылу и останутся немцы, внимания на них не обращайтесь, мы их поколотим.

- Я понял Вас, товарищ полковник, - сказал Борисов, потрогав рукой на груди значок «Участник боев на Халхин – Голе».

Когда всё было согласовано, и комбаты уяснили свои задачи, Родионов не стал задерживать их, потому как час атаки был уже близок, и он сулил им ещё немалые волнения.

Бой начался поздно вечером. Артиллерия с грохотом молотила возвышенность и обратные её скаты. Бойцы по общему сигналу торопливо повыскакивали из своих

неглубоких окопчиков и, обгоняя друг друга, стремительно пошли за танками в ночную атаку. Родионов в течение нескольких минут видел почти весь батальон Гарбузова и одну лево-фланговую роту Алабушева, но вскоре темень и плывущий дым от рвущихся снарядов поглотили наступающие цепи.

- Товарищ Рябов, не пора ли перенести огонь к Супрунам? - спросил он командующего артиллерией бригады.

Рябов тут же подал команду на перенос огня в глубину, а на возвышенности уже гремело многоголосое ура. Гвардейцы дружной атакой сбили гитлеровцев с занимаемого рубежа и продолжили продвигаться в темноте наступающей ночи.

Немецкое командование вначале предприняло отчаянную попытку задержать наше продвижение, но счередной залп эрэсов надломил волю гитлеровцев к сопротивлению, и они не выдержали, стали откатываться назад.

- Товарищ Юдинцев, почему подполковник Огуж не в танке, почему он на «виллисе» идет за полком? - поинтересовался Родионов.

- Его не устраивает плохая видимость из танка, товарищ полковник, - пояснил Юдинцев.

- Зря он рискует... - сказал Михаил Иосифович. - Вызовите бронетранспортёр, пора и нам на возвышенность.

Перед тем как сменить наблюдательный пункт, Родионов поручил полковнику Стражец проследить за выдвиганием батальона Борисова по дороге ближе к наступающим подразделениям и предупредил:

- Казимир Дионисьевич, как только Алабушев выйдет к Супрунам, пусть Борисов сразу же начинает развивать успех наступления на Малый Истороп и Стеблянки.

Ночной бой то утихал, то снова усиливался, особенно на левом фланге. Когда бронетранспортёр Родионова стал взбираться на возвышенность, слева в метрах ста с прорезающим треском громыхнули два снаряда.

- Откуда эти «гостинцы», Иван Корнилович? - шутя спросил Родионов заместителя начальника штаба бригады.

- Видимо, из-за Супрунов, товарищ полковник, - ответил Юдинцев.

- Напрасно Рябов позволяет им швырять их оттуда, что он не может подавить эти орудия? - заметил Родионов.

- Сейчас в темноте их трудно найти, товарищ полковник, - пояснил Юдинцев.

- Хороший артиллерист и в темноте цель найдёт. Вызовите по рации Гарбузова, пусть доложит обстановку на левом фланге, - сказал он Юдинцеву.

Гарбузов донёс, что перед батальоном большого сопротивления со стороны противника нет, но сосед слева отстал и ведёт тяжёлый бой. Гарбузов докладывал всё так, как было на самом деле, он не любил преувеличивать успехи и преуменьшать неудачи или промахи.

Левее Гарбузова в направлении высоты 197,4 наступала 35-я гвардейская танковая бригада полковника Асланова с пехотой 47-й армии. Полковнику Асланову выпал трудный участок. Используя сложный рельеф местности, немцы дрались отчаянно, отбивая все атаки гвардейцев. Родионов передал Гарбузову приказ - обогнуть одной ротой выступ дальней роши и нанести внезапный удар с тыла по гитлеровцам, обороняющимся перед соседом слева. Алабушева он нацелил на захват моста через небольшую, но топкую речушку перед Супрунами.

Продвигаясь вперёд, на гребне высоты Родионов увидел застывшую на месте «тридцатьчетвёрку», около которой копошился в темноте танкист.

- Почему стоите, что случилось? - спросил он танкиста, подъехав ближе.

- Та усё в порядке, товарищ полковник, - доложил танкист, - тилько ствол порван и башня заклинена.

- Так какой же это порядок, - возмутился Родионов. - Тогда гусеницами надо давить врага. - Та це можно, товарищ полковник, - согласился танкист, - тилько танк не идё, ведущее колесо помято...

Родионов посмотрел на него сердито и, махнув рукой, двинулся дальше. На обратном скате, недалеко от этой «тридцатьчетвёрки», он увидел раздавленную танками немецкую противотанковую батарею.

Орудия были перевернуты, смяты, за ними в кустах горели две автомашины. Подбитый танк и разгромленная батарея свидетельствовали о разыгравшейся здесь суровой схватке. Но Родионова теперь интересовало не только это. Он думал, как бы не упустить момент для перехода к преследованию отходящего противника.

- Вот днем, товарищ полковник, отсюда было бы всё видно, что делается впереди, - словно угадав его мысли, сказал Юдинцев.

- Нам и ночью положено всё видеть, - заявил Родионов. - Иначе грош цена нашей разведке.

К полуночи напряжение боя уменьшилось. Впереди лишь на отдельных участках перекрещивались огненные трассы. Сплошного огня на всей линии фронта уже не было. Оценив обстановку, Родионов определил:

- Противник уходит....

Он тут же отдал распоряжение подполковнику Огужу и командирам наступающих батальонов стянуть танки и мотопехоту к дороге и начать преследование. Капитану Борисову передал сигнал: «Вперёд!». Родионов понял, что немцы решили под покровом ночи перейти на новый рубеж и опять сковать наши действия.

Захватить мост Алабушеву не удалось: немцы при отступлении его взорвали. Преодолеть вброд безымянную речушку бригада не смогла, топкие берега её оказались серьезным препятствием.

Очистив от вражеских сил возвышенность, наступающие подразделения и части были вынуждены выйти к дороге. Вдоль обочины большака вытянулись бронетранспортёры, «тридцатьчетвёрки», арттягачи с орудиями и автомашины для личного состава. У разбитого моста образовалось огромное скопление боевой техники и людей. Командиры батальонов и рот приводили в порядок свои подразделения, уточняли потери, шумели, нервничали... Отряд обеспечения движения в спешном порядке восстанавливал разрушенную переправу. Саперы работали уверенно, дружно, они знали, что теперь всё зависит только от них.

Возведением моста руководил бригадный инженер капитан Владимир Иванович Черняев. По натуре Черняев был спокойный, несуетливый, но когда над его душой стояла вся бригада, он, как и многие, нервничал, горячился, лез вместе с саперами в воду и, устанавливая сваи, не скупился на крепкие древнерусские выражения, чего раньше за ним никто не замечал. Полковник Родионов, направив ему на помощь роту автоматчиков, торопил его: хотелось скорей вырваться отсюда на оперативный простор и начать преследование отходящего противника.

Время шло. Близился утренний рассвет, а бригада, упершись в эту гнилую речушку, всё ещё стояла на месте. Бойцы и офицеры с огромным напряжением ждали ту минуту, когда будет уложено последнее бревно в настил восстановленного моста.

Вскоре эта минута настала. Бригада тронулась. По деревянному настилу загрохотали танки и арттягачи. Капитан Черняев, опустив руки, стоял около воздвигнутого им моста и смотрел на него, как замороженный. Он ещё никак не мог прийти в себя от только что закончившегося горячего аврала.

- Хорошо поработали, Владимир Иванович, поздравляю, - проезжая по мосту, подбодрил его Родионов.

У Черняева скользнула по усталому лицу довольная улыбка, и он как-то растерянно и еле слышно произнес:

- Служу Советскому Союзу!

Обогнав впереди идущие подразделения, Родионов вышел в голову колонны главных сил.

- Теперь, Марк Моисеевич, считайте, что в прорыв мы уже вошли, - крикнул он Каменковичу.

Но, когда головные машины передового отряда подошли к Супрунам, они снова были вынуждены остановиться. 99-я танковая бригада 2-го танкового корпуса, сбившись с пути, вышла на наш маршрут и задержала преследование врага.

- Вот оказывается почему, Михаил Иосифович, немцы так спешно бросили свои позиции у безымянной речушки - в тыл к ним вышли танки нашего соседа, - сказал Каменкович. - Выходит Ахремов помог им в Нижней Сыроватке, а они нам здесь...

- Всыпать бы им, путаникам, за такую взаимопомощь, - ответил Родионов.

ТРУДНЫЕ ВЁРСТЫ

- Товарищ майор, мостик сробили, - прервав мои мысли, доложил Богуненко. - Теперь мы, наверное, скоро будем в Панино.

- Скоро, - подтвердил я, и в то же время, сравнив две совершенно разные обстановки, подумал: с каким спокойствием и неторопливостью восстанавливали бойцы разрушенный мост на дороге здесь, в тылу и сколько было волнений и спешки при наведении переправ там, в районе боевых действий. Здесь никому не хотелось лезть в холодную воду, а там все шли и без всяких напоминаний.

Трудные вёрсты на фронте были повсюду. Для нас на Украине начались они от Великого Исторопа и Супрунов. Мы немало имели досадных неприятностей из-за резко пересечённой местности. Нам не всегда удавалось развернуть на ней для боя весь полк или всю бригаду одновременно и наносить по врагу массированные удары всей мощью.

Трудными были эти вёрсты ещё и потому, что противник, проявляя бешеное упорство, цеплялся за каждую складку местности, устраивал засады и непрерывно контратаковал наши боевые порядки. Нам пришлось вести тяжёлые наступательные бои и нести большие непоправимые потери людей и боевой техники. Лёгких дорог не было.

В Малый Истороп, на родину командующего 3-й танковой армией генерал-лейтенанта Павла Семёновича Рыбалко, отряд капитана Борисова ворвался рано утром восемнадцатого августа. Немцы из села отошли и засели на опушке леса в одном километре севернее Стеблянки. На этот рубеж, весьма выгодный в тактическом отношении, гитлеровское командование ночью подтянуло из тыла 246-й пехотный полк 88-й пехотной дивизии и спешно организовало оборону. Прорваться к населённому пункту Стеблянки через этот ощетилившийся заслон Борисову не удалось, он был вынужден развернуться и завязать с противником бой. Наш танковый полк был ещё на марше, а мы с командиром полка на его «виллисе» проскочили вперёд и вслед за передовым отрядом тоже вошли в Малый Истороп.

Подполковник Огуж в бою обычно проявлял нетерпеливость и внешне менялся до неузнаваемости. Он всё время куда-то спешил, торопился, рвался вперёд. Его задушевный, мягкий голос становился твёрдым, резким, требовательным. Танк в это время ему казался тесен, он в него не садился, а передвигался на «виллисе» и с него командовал.

- Посмотрим, как третья танковая рота у Борисова будет действовать, - сказал он мне, и мы стали наблюдать за атакой из-за угла крайнего дома.

Справа, с острого выступа опушки, били две вражеские противотанковые пушки.

- Передайте командиру роты... - крикнул он мне. - Что он, не видит их?...

С правогофланговым танком что-то случилось, он пятился и вёл огонь только из пулемёта. Вражеские орудия вскоре умолкли.

Я предложил подполковнику Огужу направить роту Ахремова с десантом автоматчиков в обход леса слева в Стеблянки.

- Когда «тридцатьчетвёрки» окажутся в тылу у врага, - доказывал я, - с опушки он сам уйдёт.

- Рискованно, но попробуем, - ответил мне Огуж.

Как только полк подошёл к Малому Исторопу, Леонид Павлович вызвал Ахремова и поставил ему задачу - атаковать вражеские позиции в населённом пункте Стеблянки.

- Действуйте, Михаил Гаврилович, - улыбнулся он, - опыт у Вас на рейдовые операции уже есть, пошутил Огуж, вспомнив Нижнюю Сыроватку.

Обходный манёвр Ахремова Родионов утвердил, и в то же время, частью главных сил решил поддержать атаку батальона Борисова. Генерал Обухов, присутствуя здесь, в действия командира бригады не вмешивался, он лишь сказал:

- Хорошо бы, Михаил Иосифович, телеграммой известить Павла Семёновича Рыбалко об освобождении его родного села.

- Об этом, товарищ генерал, он узнает из сводки Совинформбюро, - ответил Родионов.

- Это верно, но поздравить его не мешало бы. Сейчас он воюет на Орловском направлении, - пояснил Обухов.

После трехчасового боя противник с опушки леса был отброшен. Бригада заняла Стеблянки и вышла к населённому пункту Панченков.

Известить генерала Рыбалко об освобождении села, где он родился, не удалось, он об этом, видимо, узнал из сводки Совинформбюро, которая была передана в тот же день вечером.

Ожесточённый бой за населённый пункт Панченков длился более пяти часов. Подразделения бригады настойчиво выбивали гитлеровцев из жилых зданий и приусадебных участков. Крики ура, лязг гусениц и скрежет металла катились по всем улицам.

Посёлок от врага очистили полностью, но ярость его не уменьшилась. С выходом танков и мотопехоты на южную окраину, автоматная трескотня и орудийный грохот усилились. Яростные контратаки вражеских сил следовали одна за другой. Обстановка осложнилась ещё и тем, что отходящие части немцев, под натиском соседа слева, обрушили огонь с фланга по нашей бригаде, далеко вклинившейся вперёд. В то же время над головой появились самолёты с чёрными крестами. Они с неистовым рёвом стали наносить бомбовые удары по боевым порядкам подразделений.

Продвижение вперёд застопорилось. Дорога на Грушево оказалась прикрытой кочующими «Фердинандами» и двумя батареями противотанковых орудий. Обход её справа преграждала глубокая впадина, обросшая мелким кустарником. Создавшееся положение обострилось. Над окраиной поселка и за его околицей бушевало море огня. От прямых попаданий вражеских бомб и снарядов гибли люди, умолкали орудия и миномёты.

Маневрируя на бронетранспортёре между султанами взрывов, Родионов вышел к крайнему домику на юго-восточной окраине посёлка, где скопились подразделения бригады. Он огляделся, оценил обстановку и, с присущей ему неторопливостью, стал отдавать боевые распоряжения. Лицо его выглядело спокойным, безмятежным, как будто бы он командовал не в бою, а на учениях, но на душе всё же, словно в предчувствии чего-то недоброго, было тревожно.

- Где Огуж? - спросил он у Юдинцева.

Подполковник Огуж оказался поблизости, здесь же. Мы с ним смотрели, как лучше пробиться с полком через огневой заслон противника в Грушево. Рисковать нам не хотелось: полк и так уже имел значительные потери.

- Леонид Павлович, разверните две танковые роты, - показал Родионов рукой в сторону колхозного сада, - для прикрытия бригады слева. Остальной частью полка с батальоном Борисова постарайтесь пробиться в Грушево. Затем он вызвал к себе командующего артиллерией и сказал ему:

- Михаил Дмитриевич, перебросьте приданную артиллерию к восточной окраине на прямую наводку, и как можно быстрее, а дивизион Ажгибкова поставьте пробивать дорогу Огужу и Борисову на Грушево.

- Слушаюсь, товарищ полковник, приказано... - начал повторять приказание майор Рябов, но резкие автоматные очереди справа из впадины прервали его.

- Что это? - строго посмотрев на помощника начальника штаба по разведке, спросил Родионов.

- Фашистские автоматчики, товарищ полковник... - неуверенно начал докладывать Долговский. - Они из Грушево проникли...

- А Вы что, просмотрели их? - возмутился Родионов. - Товарищ Рябов, миномётный огонь по впадине. Товарищ Юдинцев, передайте Гарбузову, пусть одной ротой очистит кустарник от гитлеровцев.

Стрельба усилилась и шла, казалось, со всех сторон. На первый взгляд даже трудно было понять кто, откуда и куда ведёт огонь. В довершение всего поступило донесение от начальника тыла: «До батальона вражеской пехоты выходит в тыл... в тыл бригаде, прошу...».

- Откуда до батальона?.. - усомнился Родионов. - У страха всегда глаза велики, - но тут же, на всякий случай, он отдал распоряжение Алабушеву повернуть батальон навстречу этой пехоте и не допустить выхода её в тыл бригаде.

Правее дома, где стоял бронетранспортёр командира бригады, сапёры готовили траншею для наблюдательного пункта. Связисты тянули провода и устанавливали телефонные аппараты. Родионов посмотрел на их торопливую работу и сказал Юдинцеву:

- Поставьте на всякий случай наблюдателей на крышу.

Вскоре в примыкающей к этому месту злосчастной впадине заухали ручные гранаты. Над ошестинившимися кустами появились мутные комки дыма. Легко вздохнув, Родионов подумал: «Молодец Гарбузов, действует оперативно, а миномётчики всё ещё раскачиваются, до сих пор не могут открыть огонь».

После того, как были отданы все распоряжения, и танки, облепленные бойцами второго мотострелкового батальона, пошли на Грушево, Родионов прикинул, всё ли сделано, и что предпринять, если противник пойдет в контратаку ещё и со стороны Костева.

- Для нас, Казимир Дионисьевич, главное не сделать того, что хочет противник, - сказал он полковнику Стражецу, - надо как-то перехитрить его.

- В этом, Михаил Иосифович, и состоит искусство военачальника, - ответил Стражец. Он хотел и ещё что-то сказать, но усилившийся огонь в тылу бригады отвлек его внимание, и он понял, что его место там, где назревает опасность и с разрешения командира бригады направился в батальон капитана Алабушева.

К исходу дня обстановка в районе поселка Панченков улучшилась. Грохот орудий и треск автоматов прекратились. Над полем боя, словно после грозы, установилась томная тишина. Донесения комбатов были бодрящие, радужные. Батальон Алабушева, рассеяв массированным огнём густые цепи немцев в тылу бригады, готов был к выполнению новой задачи. «Тридцатьчетвёрки» подполковника Огуза, успешно отбив за восточной околицей посёлка танковую контратаку гитлеровцев, выходили на свой маршрут. На исковерканной снарядами пожне остались догорать лишь шесть неприятельских машин с потемневшими крестами на башнях да несколько изувеченных орудий со свастикой на щитах.

Батальон Борисова, совершив захват населённого пункта Грушево, разгромил там штаб пехотного полка 112-й пехотной дивизии и захватил полковое знамя. Действующие совместно с ним две танковые роты вышли к железнодорожной линии Лебедин - Ахтырка и перерезали её.

Приказ командующего фронтом 47-й армии перерезать эту важнейшую коммуникацию противника к исходу 19 августа был выполнен на сутки раньше. Были и другие донесения, и они радовали Михаила Иосифовича, но радость на фронте обычно длится недолго, она неожиданно меняется горькой печалью и оставляет на сердце тяжёлый осадок. Так получилось и на этот раз.

Родионов только что собрался пообедать (ординарец Павлов давно приставал к нему с таким предложением), но обед снова был прерван внезапным огнём противника из района

дальней роши, чуть видневшейся из-за железнодорожной насыпи. За дворами и на улицах поселка опять начались взрывы.

Танковые роты, находившиеся в поселке, по распоряжению Родионова ушли из-под огня вперед. Автомашины с мотострелками тоже стали проскакивать в сторону Грушево. Родионов решил не ввязываться в бой с противником, а обойти его справа. Уточнив обстановку, он подошёл к бронетранспортёру, где бойцы уже сворачивали связь, и, прежде чем тронуться с места, попросил офицера связи позвать полковника Каменковича и майора Рябова. В то же время он услышал, как за его спиной, жалуясь кому-то, ворчал ординарец Павлов:

- И якого дурня я сваял... Не настоял на своем... Не накормил Батю... Бачишь, як погано получилось...

Уловив эти слова, Родионов усмехнулся и подумал: «И когда только успел он украинский язык выучить? Ворчит, а того не понимает - до еды ли сейчас...» Родионов ценил ординарца Павлова и многое ему прощал. Был он неплохим помощником и подчас выполнял самые сложные задания не хуже любого офицера связи. А иногда выкидывал такие коленца - хоть стой, хоть падай.

Вскоре к Родионову подошёл взволнованный Каменкович. В его взгляде сквозили внутреннее напряжение и острая озабоченность.

- Что с вами, Марк Моисеевич? - спросил Родионов.

- Раненых много... в том числе тяжело ранен начальник штаба бригады, - еле выдавив слова, ответил Каменкович.

- Как тяжело?... - испуганно спросил Родионов. - Как это случилось?

- Готовил в штабной машине донесение в штаб корпуса, и как назло вблизи взорвался снаряд... Ну и осколок в спину, - пояснил Каменкович.

- Как же так?... - встревоженно произнес Родионов. - Где он?

Родионову не верилось, что начальник штаба ранен, у него это никак не укладывалось в сознании.

- Михаил Иосифович, он отправлен в госпиталь, - сказал Каменкович. - Просил передать вам, что в бригаду ещё вернётся.

Майор Степан Калинович Любарь в бригаду прибыл в апреле и за эти несколько месяцев сумел зарекомендовать себя с хорошей стороны. К штабной работе относился с большой любовью и, проявляя требовательность, многому научил своих подчинённых. Родионову жаль было с ним расставаться. Но война есть война, у неё свои законы и очень жестокие, она безжалостна и ни с чем не считается. Причем, одно горе в дом, как говорят, не приходит, оно, как но невидимой ниточке тянет за собой беду за бедой.

Не успел Родионов осмыслить случившееся с начальником штаба бригады, как майор Рябов доложил, что при артналёте противника погиб начальник штаба артдивизиона капитан Коробкин Василий Алексеевич.

- Да вы что, сговорились что ли... Так всю бригаду без начальников штабов оставите... - погорячился Родионов, набросившись на Каменковича и Рябова, точно они виноваты были в этом.

- Жаль, товарищ полковник, Коробкина, хороший был начальник штаба у Ажгибкова, - вымолвил Рябов.

- Жаль, конечно жаль, но война с этим не считается, - уже спокойнее сказал Родионов. – Назначьте начальником штаба дивизиона заместителя командира батареи капитана Ивана Павловича Нечипоренко.

- Справится ли?.. - усомнился Рябов.

- Справится... Будучи директором школы с учениками справлялся, справится и тут... - пояснил Родионов. - К тому же и характер у него штабной.

Потерю людей Родионов переносил болезненно, но, чтобы отвлечься от тяжких переживаний, он вынул карту и, развернув её, подумал: «Всё же на широком фронте ведёт наш корпус бой рассредоточено... Если противник к утру подтянет резервы - туговато будет.» То, что противник вот-вот начнет по-настоящему огрызаться, все знали: части корпуса, охватывая ахтырскую группировку с фланга, угрожали её тылам. Обдумывая обстановку, Родионов решил при наступлении с утра на Гудимовку и Должик пустить впереди танковый полк.

- Товарищ Павлов, - распорядился он, - передайте капитану Юдинцеву, пусть к рации вызовет подполковника Огужа.

Не прошло и двух минут, как к Родионову подошёл Юдинцев, но вместо того, чтобы доложить, как положено, он уставился на него глазами оцепенело и не знал, с чего начать и как сообщить о случившемся.

- Что произошло, почему молчите? - спросил настороженно Родионов,

- Несчастье, товарищ полковник... Огуж убит, - с дрожью в голосе вымолвил Юдинцев.

Родионов какое-то мгновение смотрел на него недоуменно, а потом перевёл свой растерянный взгляд на Каменковича, и в этот момент словно чем-то острым полоснуло его по сердцу. Он опять посмотрел на Юдинцева, в надежде - не ошибка ли это, но Юдинцев молчал, и ему показалось, что он не выдержит, не перенесет эту боль.

В памяти у него невольно вспыхнула прошлогодняя декабрьская сумятица в районе колхоза имени 8-го Марта, в междуречье Волги и Дона где он сам был тяжело ранен, где тяжёлую контузию получил начальник штаба бригады майор Н.А. Никитин и пал смертью храбрых начальник политотдела бригады батальонный комиссар Михаил Фёдорович Мишуров. Он вспомнил и про гибель в сальских степях командира танкового полка, предшественника Огужа, подполковника Николая Антоновича Дорошкевича и многих других. Он знал, что в бою обязательно кто-нибудь да погибнет, без этого не обойдёшься, но внутренне согласиться с этим было нелегко. Михаил Иосифович понимал, что теперь с

Леонидом Павловичем Огужем, так же, как и с подполковником Дорошкевичем, ему никогда больше не встретиться, но верить в это всё равно не хотелось.

- Ну что ж, пусть в командование полком вступит майор Ляхович, - сказал Родионов.
- Он под Сталинградом командовал, опыт имеет.

...Когда Юдинцев доложил Родионову, что подполковник Огуж убит - это действительно была ошибка, но ошибка малоутешительная - Огуж был смертельно ранен...

После того, как отразили контратаку гитлеровцев, лейтенант Игорь Владимирович Масальский приоткрыл люк башни и долго смотрел на горящий вражеский танк, который ему удалось остановить подкалиберным снарядом. Впереди горело и ещё несколько машин, но он их не видел и был ослеплён своей первой удачей в огневом поединке. Этот бой произвёл на лейтенанта Масальского сильное впечатление, и это естественно, ведь он после школьной скамьи и краткосрочной учёбы в танковом училище впервые участвовал в ожесточённой схватке с врагом. Воевал он уверенно, но нельзя сказать, что ничего не страшился, хотя перед опасностью рук не опускал. В Великом Исторопе он уничтожил противотанковую пушку и две огневые точки. В Малом Исторопе протаранил удирающий немецкий обоз с награбленным имуществом и смял миномётную установку, в населённом пункте Стеблянки поджёг вражеский бронетранспортёр и два автофургона.

Громил он и пехоту, а с танками с глазу на глаз до этого боя ещё не встречался, стрелял по ним только издали. И вот здесь, когда внезапно выросло перед ним это коричневое чудовище, его аж в пот бросило. От неожиданности он на какой-то миг оцепенел, оказался в шоковом состоянии. Но потом, словно кто-то его подтолкнул, и он, перешагнув через острую грань появившегося страха, собрался духом, внутренне подтянулся и увесисто подал команду:

- Подкалиберным заряжай!

- Готово! - донеслось до него по ТПУ, как из бездны.

Масальский навёл орудие на цель, но в этот момент раздался звук сильнейшего рикошетного удара вражеской болванки по башне танка. Игорь вздрогнул, в голове мелькнуло: «Упредить, упредить надо второй выстрел», - и нажал на спусковой механизм.

Орудие громынуло, а танк противника, как говорят, и глазом не моргнув, продолжал всё так же двигаться. Расстояние сокращалось. Опасность нарастала. Промах взволновал Масальского, и он едва не растерялся. Но тут же, сдержав свое волнение, снова подал команду:

- Заряжай!

В это время опять раздался оглушительный звук удара тупорылой болванки по лобовой броне. «Врешь, гадюка», - выругался про себя Масальский, - лобовую броню «тридцатьчетвёрки» не прошибёшь», - и снова нажал на спусковой механизм. Из вражеского танка вылетел огромный снап пламени, и танк, словно споткнувшись, остановился.

- Наконец-то... - легко вздохнул Масальский. Он ожил, повеселел и уже другим, более приподнятым голосом подал протяжно команду заряжающему:

- Подкалиберным заряжай!

Танк противника горел, но для надёжности Масальский решил ещё поддать ему жару. После третьего выстрела башня вражеского танка от взрыва в нём боекомплекта приподнялась, как скала, и рухнула на землю.

От напряженной схватки личный состав «тридцатьчетвёрки» долго не мог придти в себя. Танкисты сидели на своих местах, как заворожённые и думали о чём-то, думали... Они даже не заметили, как закончился бой и как всё утихло кругом. Очнулись лишь тогда, когда радист принял сигнал командира роты «Вперёд!» Масальский подал механику-водителю команду:

- Заводи!

Он видел, как по улице мимо них прошагали бойцы Алабушева и с шумом проскочили «малышки», танки Т-70, старшего лейтенанта, Бузюна. Игорь начал торопить механика. Как только машина тронулась с места, тут же распласталась левая гусеница. Танк остановился. Члены экипажа выскочили из машины и удивлённо смотрели на разбитую гусеницу.

- Вот это номер... И когда он только успел, гад, - возмутился механик-водитель.

- Осколочным катнул, - пояснил заряжающий.

- Потом пофилософствуете... за работу, ребята, - распорядился Масальский.

В цепи гусеницы торчало несколько искорёженных траков, их надо было заменить. Работа вначале не клеилась. Масальский нервничал. Он выхватил из рук заряжающего кувалду и сам стал забивать стальные пальцы в серьги новых траков.

- Быстрее поворачивайтесь, быстрее, - подгонял он то одного, то другого подчинённого.

Игорь боялся, что рота уйдёт и без него вступит в бой. Особенно его охватил страх, когда противник откуда-то обрушил артогонь по южной окраине поселка Панченков.

У него даже мелькнула мысль, а вдруг ему предъявят обвинение, что он умышленно отстал от роты, чтобы уклониться от боя. Тогда неминуемая чёрная скамья. Больше всего он боялся этого.

- Кажись, тяжёлыми хлещет, - вымолвил механик-водитель, натягивая гусеницу на катки.

- Это не артиллерия, это танки бьют, - пояснил заряжающий, - по гулу стрельбы чую...

Отрегулировав натяжение гусеницы и закрепив кривошип ленивца, Игорь Масальский подал команду:

- По местам! Вперёд!

Танк находился на открытой позиции у изгороди, между двух яблонь. Механик-водитель, трогаясь с места, круто повернул его вправо и с корнем вырвая из земли молодую яблоню, смял сливовое дерево и вишню. Масальский, не выдержал, ополчился на него:

- Куда смотрите, черт Вас побери?.. Сад губите!.. Ослепли!..

Он с детства был приучен беречь всё живое, беречь лес и растения. Это у него было в крови.

«Тридцатьчетвёрка» выскочила на главную улицу и понеслась на повышенной скорости догонять роту, оставляя за собой огромную завесу пыли. Лейтенант Масальский несмотря на отдельные взрывы вблизи вражеских снарядов, высунулся до пояса из люка башни и стал наблюдать за дорогой, чтобы не сбиться с пути. На южной окраине Панченков он увидел группу солдат, столпившихся около человека, лежащего на земле.

- Стоп!.. - остановил он машину. - это же наш командир полка...

На южной окраине Панченков подполковник Огуж, как никогда, взволнованно отдавал боевые распоряжения. В его словах сквозила необычная обеспокоенность, он нервничал. Его мучила давящая на сердце какая-то непонятная тоска. Он был внутренне охвачен недобрым предчувствием и, казалось, себе места не находил.

Что повлияло на его душевное состояние, трудно сказать. Может быть, подействовала смерть начальника штаба артдивизиона капитана Коробкина, который погиб буквально на его глазах, а может, что-нибудь другое. Этого никто не знал.

- Вы, Николай Васильевич, - сказал он мне, - следуйте с двумя танковыми ротами на Грушево. Постарайтесь от танков на машине не отставать, - напутствовал он. - Ну, а в случае чего - сразу же перебирайтесь в танк.

- Вам, Леонид Павлович, тоже надо бы управлять боем из танка, - посоветовал я.

- Знаю, не первый раз в бою, - ответил он.

И тут же, словно только что вспомнив, вынул карту из планшетки и, ткнув цветным карандашом на участок железной дороги Лебедин-Ахтырка, правее обозначенной на карте роши, сказал:

- Как только овладеете населённым пунктом Грушево, сажайте на танки роту автоматчиков и вот здесь перережьте железнодорожную линию.

- Но этот участок, товарищ подполковник, в стороне от нашего направления, - заметил я.

- Зато вы будете прикрыты опушкой леса от артогня противника со стороны Гудимовки, - пояснил он и добавил:

- Не забудьте там сразу же организовать круговую оборону на ночь. Хотя, к тому времени и я с третьей и четвёртой ротами подойду к вам.

Пожелав успеха, он подал мне руку, будто прощаясь надолго, и мне почему-то это показалось странным. В то время я никак не предполагал, что нам с ним больше никогда не встретиться.

Выполнив задачу по отражению контратаки, подполковник Огуж вывел танки на дорогу, но проверить их состояние не успел, помешал противник. Он неожиданно-негаданно обрушил на этот раз по посёлку дальнобойный артогонь.

По распоряжению Родионова - вывести танки из-под огня, Огуж пропустил мимо себя танковые роты и направился к своему «виллису». Шёл он медленно, не торопясь, шёл и останавливался, чтобы ещё раз взглянуть на посёлок, освобождённый от фашистских хищников. Он шёл и думал о чём-то своем, о далёком прошлом, не обращая внимания на отдельные взрывы вражеских снарядов.

В памяти горячей молнией промелькнули годы безотрадного детства и тяжёлой юности. Мать умерла, когда он только что родился, а вскоре и отец, кочегар большегрузного парохода, исколесивший почти все моря и океаны, скончался от тифа. Лёня остался один, без родных и близких. Детский приют и скитания по одесским трущобам глубокой занозой засели у него в сердце. Но всё это пройденное, пережитое и пережитое осталось далеко позади. Леонид вырос и, когда над отчизной стали развеваться красные флаги, на его пути тоже блеснули радостные дни. Он окончил одесское пехотное училище, женился. Его бесконечно радовали маленькие дети - Жанна и Вова. Он любил жену и детей и всегда беспокоился о них.

Перед войной Леонид Павлович окончил бронетанковые курсы, стал танкистом. Война его застала на границе, но семью он успел эвакуировать вглубь страны. До прибытия в бригаду воевал на западе и дважды был ранен. И всё это перед ним всплыло с такой ясностью, как будто было только ещё вчера.

Огуж шёл и думал, думал и не ведал того рокового, что ожидало его впереди.

Командирский танк стоял в конце улицы, у самой дороги. Двигатель работал на малых оборотах. Экипаж, выглядывая из люков, терпеливо ждал, когда подойдет командир полка и займёт своё место в боевом отделении. Но Леонид Павлович в танк не сел, он, махнув рукой, подал сигнал командиру танка двигаться за подразделениями.

Взвихрив за кормой дорожную пыль, «тридцатьчетвёрка» метеором рванулась вперёд. Огуж посмотрел ей вслед и подумал: «Прав Гоголь, какой же русский не любит быстрой езды!»

До «виллиса» осталось несколько шагов. Огуж остановился, чтобы ещё раз взглянуть вслед уходящему танку, и в этот момент вблизи произошёл сильный взрыв, всплеснувший огромным огненно-красным фонтаном землю. Острый осколок, величиною с ладонь, с резким ударом врезался в ногу Леонида Павловича. Он упал, и ему показалось, что всё небо запылало тёмно-багровым заревом, потом оно покачнулось и погасло. Больше он ничего не видел, жгучая боль чёрной тучей задёрнула всё перед ним.

Подбежали солдаты. Нога подполковника Огужа была разбита. Из рваной раны через порванную штанину лилась кровь, белела раздробленная кость.

- Врача, врача, - кто-то кричал испуганно.

Ни врача, ни санитарной машины рядом не оказалось, они перевозили раненых где-то в другом месте. За санитарной машиной и врачом послали «виллис».

«Тридцатьчетвёрка» Масальского остановилась в нескольких шагах от командира полка. Масальский, соскочив с танка, подошёл к нему. Огуж лежал на земле в луже крови и выглядел совсем неживым. Лицо у него было бледное, как полотно, губы бескровные, веки вздрагивали. Лежал он в забытьи и стонал. Над ним не очень умело хлопотали два солдата, они перевязывали рану и накладывали жгут на ногу. Своей неумелой возней они тревожили его и, казалось, этим причиняли ещё большую боль.

Когда Масальский опустился на землю, Огуж, точно почувяв это, пришёл в сознание. Он узнал лейтенанта Масальского и даже улыбнулся ему. Масальский прикоснулся к его руке, и Леониду Павловичу как-то сразу стало легче, будто боль свою он разделил с ним пополам. Он посмотрел Масальскому в глаза и сказал:

- Игорь, Вы не уходите от меня... Возьмите у меня в кармане документы, передайте их Ляховичу... - и, пошевелив рукой, бессильно лежащей на земле, снова потерял сознание.

Когда Леонид Павлович приходил в сознание, в голове лихорадочно скользили отрывочные мысли. Ему хотелось что-то вспомнить и непременно передать, сейчас же передать Масальскому, но тут же опять всё куда-то ускользало. Большая потеря крови обессилила его, то и дело появлялись провалы в памяти.

Подошла санитарная машина. Пока санитары готовили носилки, Огуж снова на какое-то мгновение очнулся и только успел вымолвить:

- И-игорь, скаж-жите Ляховичу и Цветкову... - и на этом мысль его оборвалась.

Военфельдшер и санитары осторожно уложили Леонида Павловича на висячие носилки и повезли в медсанбат. Но, по прибытию туда, медицинская помощь ему оказалась уже не нужна. Его похоронили в Малом Исторопе.

Лейтенант Масальский стоял на дороге и с горечью смотрел на уходящую санитарную машину. От переживаний ломило в висках. Он стоял и думал - что делать. Но, как только санитарная машина скрылась за поворотом улицы, Игорь вспомнил - надо немедленно догнать полк и доложить о случившемся командиру роты. Он рванулся к танку, но в этот момент его окликнул незнакомый капитан:

- Товарищ лейтенант, к начальнику штаба корпуса, - и показал рукой куда идти.

Масальский подошёл к генерал-майору Пошкису Александру Адамовичу взволнованный и с дрожью в голосе стал сбивчиво докладывать, как он здесь оказался. Пошкус слушал и удивлённо смотрел на него. Но разве мог Масальский быть спокойным и унять тревогу за состояние командира полка, которая камнем опустилась на его сердце?

- Вы чем-то расстроены, лейтенант? - спросил Пошкус.

- Де нет... я ничего... - начал Масальский. - Вот только с подполковником Огуж...

- Понимаю. Это хорошо, что Вы его так жалеете, - заметил Пошкус, - но сейчас не время предаваться печали. Подойдите сюда.

Он подал Масальскому бинокль и показал рукой на темнеющую вдали за железнодорожным полотном рощу.

- Смотрите, оттуда нас обстреливают танки полковника Асланова, они не разобрались и думают, что здесь противник, - сказал Пошкус. - Ваша задача: проскочить туда и передать, чтобы прекратили стрельбу по своим. Затем вернётесь и доложите мне о выполнении приказания. Задача ясна?

- Так точно, товарищ генерал! А если там противник? - спросил Масальский.

- И это не исключено. Ну что ж, тогда произведёте разведку и ... обратно. А как и что, на месте будет видней, - пояснил Пошкус. - Действуйте!

Масальский сел в танк, проверил работу танкового переговорного устройства и на ходу поставил задачу экипажу.

- Товарищ лейтенант, по гулу стрельбы чую, бьют не наши танки - пробурчал в ТПУ заряжающий.

- По гулу, по гулу... - передразнил его механик - Тоже мне нашелся музыкант из филармонии...

- Разговорчики! - огрызнулся на них Масальский. - Лучше за местностью смотрите.

«Не наши танки... Может и не наши, - подумал Масальский, - всё может быть». Хотя теперь они его не пугали. С немецкими танками он дело имел и готов с ними снова встретиться, он готов выдержать любое испытание. Ненависть к врагу теперь у него удесятилась, душевная стойкость окрепла. С юностью за эти дни он распрощался навсегда, возмужал, стал более строгим, уверенным и сосредоточенным.

«Тридцатьчетвёрка» стремительно шла по бугристому полю, раскачиваясь, как корабль в бушующем море. Косые лучи солнца из-за её кормы ярко освещали всю лежащую впереди местность. Она мигом добралась до крутого переезда, и, как только перевалила через него, Масальский, приоткрыв верхний люк высунул из башни (как поветовал генерал-майор Пошкус) красное полотнище и, устремив свой взор в сторону рощи, стал искать, где расположены танки Асланова.

Роща молчала и, казалось, что там ни души. Масальский приподнялся из люка и увидел впереди группу людей, совершающих перебежку наперерез движению танка. Он подумал: «Свои» - и убрал красное полотнище в машину. Теперь, посчитал он, и так его узнают. Но вдруг, как горохом, сыпанули по броне автоматные очереди. Масальский юркнул в башню и, не закрывая люка, прильнул к оптическому прицелу. Каково было его удивление, когда он увидел на солдатах лягушечьего цвета мундиры.

- Немцы, - крикнул он заряжающему. - Пулемёт заряжай!

Пулемёт ДТМ на этом танке был не с лентой, а с диском. Заряжающий оттянул затворную раму и доложил:

- Готово!

Масальский повернул башню влево и дал по пехоте противника длинную очередь. Пехота залегла, но в этот момент, как оживший вулкан, содрогнулась злосчастная роща. Масальский увидел три яркие вспышки танковых орудий, и почти одновременно с этим раздались сильные удары болванок по башне. Стреляли немецкие танки Т-4.

- Орудие заряжай! - подал он команду и, поставив прицел, произвёл выстрел в направлении рощи, но результата выстрела не видел.

В это время вражеский броневой снаряд, ударившись о землю, поднял перед танком огромную тучу пыли. Масальский продолжал вести огонь из пушки и думал, как ему быть. Выход напрашивался один - уйти за насыпь железной дороги. Но для этого надо танк повернуть назад, а развернёшься - сожгут, толщина кормовой брони тонка, не выдержит удара броневый снаряд.

Вдруг Масальского осенила мысль: «Маневрировать...маневрировать, чёрт возьми, и стремглав за насыпь...» Он тотчас передал механику-водителю, что и как надо делать.

Механик-водитель, проявив виртуозность, стал неожиданно для противника менять галсы машины то в одном, то в другом направлении по отношению к его танкам. Мотор ревел, словно чувствуя нависшую опасность, ревел, но работал послушно. Масальский стрелял, посылая снаряд за снарядом в огневые позиции противника, и вдруг, как пинком, его оттолкнул от прицела резкий удар в ходовую часть танка. Ему показалось, что сейчас произойдет то, чего он боялся - остановится машина. Он даже хотел открыть люк и посмотреть, что там произошло, но, когда прильнул к перископу, увидел необычную картину, какую вообще трудно представить себе.

Рядом с танком на такой же скорости катилось огромное колесо. Вначале Масальский никак не мог сообразить, откуда взялось это загадочное колесо, но потом понял и крикнул неизвестно кому:

- Ведь это же каток с нашего танка...

Чудеса и только!.. Вражеский снаряд настолько удачно попал, что выбил опорный каток с ходовой части и даже гусеницу не повредил. Скажем прямо - крепко повезло.

Механик-водитель, совершая замысловатые зигзаги и поднимая резкими поворотами машины облака пыли, приблизился к полотну железной дороги. Теперь, казалось, цель совсем близка и оставалось лишь совершить последний рывок через насыпь в безопасную зону.

Наступил самый решительный момент. Душевное волнение у экипажа росло, напряжённость усилилась. Масальский произвёл последний выстрел и, повернув башню орудием назад, подал команду механику-водителю:

- За насыпь, вперёд!

«Тридцатьчетвёрка», совершив крутой поворот в сторону насыпи, метеором влетела на полотно железной дороги, но, когда она стала переваливаться через него, сзади раздался такой треск, как будто вся кормовая часть разлетелась вдребезги и, казалось, что произошло нечто страшное, чудовищное. Это был последний и самый коварный удар вражеского снаряда по корпусу танка.

Масальский, как только «тридцатьчетвёрка» скатилась с насыпи, почувствовал запах гари, понял - в моторном отделении пожар, танк горит, нависла угроза взрыва боекомплекта. Что делать, как быть, как выйти из этого положения?.. Бросить танк - самим спастись? «Нет, нет... - подсказал ему какой-то внутренний голос - Машину тоже надо спасти!..» Масальский лихорадочно стал искать спасительную ниточку. И вдруг он заметил: когда механик-водитель сбрасывает обороты двигателя - пламя начинает пробиваться через перегородку в боевое отделение, а как только увеличивает их - пламя исчезает: огромная тяга турбины-вентилятора сбивает его.

Масальский решил, не останавливая движения, укротить пламя максимальными оборотами двигателя, а если удастся, то и совсем сорвать его и дотянуть танк до места, где получил задачу. Он по ТПУ стал вызывать механика-водителя, но ТПУ не работало (потом выяснилось - аккумуляторы были разбиты). Тогда он снял шлемофон, опустил вниз над ухом механика-водителя и передал ему всей мощью своего голоса:

- Переключайте на вторую передачу и дайте двигателю самые большие обороты, иначе сгорим!..

- Понял Вас, - ответил механик.

После переключения скорости двигатель заревел с такой силой, что казалось, вот он разлетится на мелкие куски. Пламя больше в боевое отделение не врывалось. «Тридцатьчетвёрка», испытывая мощную вибрацию, тянула за собой длинный шлейф чёрного дыма, она приближалась к месту остановки начальника штаба корпуса.

С трудом сдерживая свое волнение, Масальский, прикипев к перископу, внимательно всматривался в окружающую местность, будто снова он двигался в разведку. Он видел, как перед посёлком Панченков развёртывалась подошедшая стрелковая часть 47-й армии, готовясь к наступлению. Он видел, как продолжали то в одном, то в другом месте грохотать взрывы вражеских снарядов. Танк шёл, а Масальский всё время был настороже. Он знал, что творится в отсеках машины и что творилось на душе у каждого из членов экипажа. Он знал и молчал.

С южной окраины посёлка Панченков навстречу «тридцатьчетвёрке» Масальского торопливо шагал генерал Пошкус. Масальский рукой нажал на танкошлем механика-водителя, что означало – «Стоп, но обороты двигателя не сбрасывай», а сам выхватил огнетушитель и выскочил через люк тушить пламя в моторном отделении. Но, к его удивлению, он услышал лишь горячее шипение на днище танка и едкий запах гари, а пламени не было, оно было сбито большими оборотами двигателя.

Масальский доложил начальнику штаба корпуса о результатах разведки. Пошкус, молча выслушав, поблагодарил его и стал осматривать машину. Картина была неприглядная. Танк имел несколько вмятин от вражеских снарядов и две пробоины в

корпусе. Снаружи был выбит четвёртый опорный каток, а внутри разбиты аккумуляторы, водяной и масляный радиаторы и многое другое, лишь чудом уцелел двигатель. Правда, после того, как заглушили двигатель, завести его снова не смогли.

- Стойте здесь, - сказал Пошкус, - и ждите ремонтников.

Вскоре генерал Пошкус уехал, а по роще, что виднелась из-за полотна железной дороги, корпусная артиллерия обрушила огонь.

Деревней Грушево капитан Борисов овладел легко. После залпа наших орудий из танков «Фердинанды» произвели несколько ответных выстрелов и ушли. Артиллеристы противника тоже, бросив пушки, вместе с пехотой подались в сторону Лебедина. Небольшой гарнизон и штаб изрядно потрепанного пехотного полка 112-й пехотной дивизии, оставшись в Грушево без прикрытия, начал спешно сворачиваться, но было уже поздно: все выходы из деревни оказались закрыты. «Тридцатьчетвёрки» этот населённый пункт плотно охватили со всех сторон.

На улице среди гитлеровцев поднялась несусветная паника. Офицеры, словно ошалелые, бегали, кричали, размахивая пистолетами. Две пехотные роты и охранные подразделения, пытаясь оказать сопротивление, вели беспорядочный огонь. Около машин с заведёнными двигателями валялись готовые к погрузке средства связи и ящики со штабными документами.

Мотострелки капитана Борисова с ходу начали теснить противника к центру деревни. Подбадривая бойцов, капитан Борисов торопил их с атакой, он знал - чем скорее будет сломлено сопротивление врага, тем меньше потерь понесут подразделения. В разгаре боя из-за спин гвардейцев он увидел засуетившихся впереди немцев с канистрами бензина. Они разжигали костер у штабных фургонов и легковых машин. Борисову стало ясно - противник замечает какие-то следы.

- лейтенант Балашов, - крикнул комбат командиру роты, - к очагу пожара... потушить костер! - и вместе с бойцами ринулся к вражеским штабным машинам.

Борисов был необычайно смелый, быстрый, действовал не боясь риска. Когда он оказался у штабных машин, из-за крытого фургона на него набросился с ножом пьяный немецкий офицер, который размахнувшись нацелился нанести удар в грудь. Борисов молниеносно увернулся, отскочил в сторону, а затем с такой же быстротой ударил его по голове рукояткой пистолета. Немец пошатнулся и уронил нож, а лейтенант Балашов, подоспев тут же, пустил в него очередь из трофейного автомата.

- Что Вы делаете? - ополчился на него Борисов. - Готовый «язык» а Вы...

- Товарищ капитан, с ножом и пьяный - это не «язык», - пояснил Балашов. - Возьмём другого...

Выплеснутый из канистр бензин вспыхнул ярким пламенем, но сжечь штабные документы немцам не удалось. Вражеские факельщики были побиты. Оставшиеся в живых бросали оружие и сдавались в плен.

Когда я подошёл к Борису, он разгоряченный, в приподнятом настроении шумно отдавал распоряжения подчиненным. Надо было многое сделать на ходу: уточнить потери, подсчитать трофеи, выставить охрану к вражеским складам и отправить в штаб бригады захваченные штабные документы противника.

- Товарищ капитан, куда полковое фашистское знамя деть? - спросил лейтенант Балашов. - Может сжечь?

- Вы что, очумели? - возмутился Борис. - Такой трофей и сжечь?! В штаб бригады отправить.

Вот здесь я и познакомился ближе с Борисовым. Внешне он выглядел как будто только что созревшим юношей, но умудренным жизненным опытом. Командовать людьми умел. Был приветливым и добродушным. Говорил с увлечением, но без особых эмоций. Тонкий румянец, казалось, никогда не сходил с его лица. Светлые волосы росли не густо, как у многих, а опускались по лбу и затылку редкими прядями, скрадывая тем самым молодые его годы.

- Поздравляю с успехом, Александр Фёдорович, - приветствуя, сказал я ему.

- Успех у нас с вами общий, - ответил Борис. - Без танков мы штаб противника взять не смогли бы.

...Задерживаться в Грушево мы не стали. Батальон Борисова двинулся к деревне Рябушки, а танки с десантом роты автоматчиков пошли к железнодорожной линии Лебедин-Ахтырка.

Огневые позиции «тридцатьчетвёрки» заняли у полотна железной дороги, нацелив орудия вдоль рельсов в обе стороны. В железнодорожной будке, охваченной редкой изгородью, никого не оказалось. Вокруг неё всё заросло сочной зеленью. В придорожье и за рощей по колено стояла некошенная трава, а в ней безмятежно колыхалось море цветов. На усталых танкистов и автоматчиков, казалось, с особой нежностью смотрели белые ромашки, лиловые колокольчики, красный клевер и кукушкины слезки. Воздух был наполнен чудесным ароматом. Танкистов и автоматчиков очаровала эта дивная красота и на какое-то мгновение отвлекла их от боевых волнений.

- Товарищ майор, разрешите в нескольких местах взорвать рельсы? - обратился ко мне с просьбой командир роты Ахромов.

- Портить дорогу?.. Ни в коем случае. Теперь она наша, - пояснил я. - Но на всякий случай, чтобы вражеский поезд не проскочил, разберите со шпал часть рельс и отнесите их в сторону.

Экипажи нескольких танков, прихватив из машин инструменты, занялись демонтажем небольшого звена железнодорожного полотна. Автоматчики готовили в гуще травы огневые позиции для круговой охраны танков. Многие из них перед этим успели на скорую руку свить из ромашек венки и накинуть их на пилотки.

Плести венки не мужское дело, но автоматчики считали это маскировкой сверху применительно к местности. Красноармеец Николай Лазарев, опустил вещевой мешок на траву и, с грустью вздохнув, вымолвил:

- Вот бы девушек сюда...

Но кто-то, прервав его, озорно крикнул:

- Обойдешься, Коля, и без девушек, жениться тебе ещё рановато...

По натуре Лазарев был ко всему равнодушен. На шутки и подначки товарищей почти не реагировал и ни на кого не обижался. Но было и у него одно увлечение. В вещевом мешке он носил уйму всяких мелких деталей из разбитых трофейных раций и, при каждом удобном случае, вынимал их из мешка, перебирая осматривал и снова укладывал на место. Однажды ординарец полковника Родионова сержант Павлов сказал:

- Коля, выбрось все эти побрякушки из вещевого мешка, не мозоль ими спину.

- Это не побрякушки, - возразил Лазарев, - а детали из разбитых раций... После войны радиоприёмник буду делать из них.

- До тех пор они поржавеют, выбрось пока не поздно, - не унимался Павлов.

Лазарев посмотрел на него косо, не выронив больше ни одного слова.

... После моего донесения о выходе двух танковых рот к полотну железной дороги Лебедин - Ахтырка подполковник Огуж передал:

- Ждите, скоро и мы подойдем.

Перед закатом солнца со стороны Грушево показалась «тридцатьчетвёрка». Мы её ждали, но когда она подошла, подполковника Огужа в ней не оказалось и по рации с ним связаться нам не удалось. На моё замечание по поводу его отсутствия, командир его танка ответил:

- Подполковник Огуж приказал мне двигаться за подразделениями, а сам пошёл к «виллису», больше я его не видел.

Меня это насторожило. Отстать от полка он не мог. Не иначе как что-то с ним произошло. «А может, командир бригады его задержал, - подумал я. – Но тогда он предупредил бы нас по рации.»

Недоброе предчувствие встревожило меня, и я решил послать на розыски его танк.

- Товарищ майор, какие-то две «тридцатьчетвёрки» сюда идут, - доложил Ахремов.

«Тридцатьчетвёрки» с бешеной скоростью шли в расположение полка. В одной из них находился майор Ляхович, а в другой лейтенант Масальский. Эти танки были подбиты в бою под Великим Исторопом и находились в ремонте. В роте техобеспечения их восстановили, и они снова возвращались в строй. Нам лишь одно пока было непонятно - почему лейтенант Масальский оказался не в своем танке. Но позднее и это прояснилось.

Когда машины остановились, майор Ляхович выходить из танка не спешил, он, словно в забытьи, смотрел куда-то вдаль и молчал. На его лице была ярко выраженная скорбь, и это меня всерьёз встревожило. Я не выдержал его молчания, подошёл к нему вплотную и спросил:

- Где подполковник Огуж, товарищ майор?

Он слез с танка, огляделся и с горечью вымолвил: - Он тяжело ранен...

Мы какое-то время стояли друг против друга, не проронив ни единого слова. «Как же так», - подумал я. — «Давно ли мы с ним говорили, и вдруг такое...». Ляхович тоже думал о чём-то о своём. Потом, словно нехотя, дрожащим голосом сказал:

- Исполнять обязанности командира полка приказано мне. Объявите, пожалуйста, Николай Васильевич, об этом личному составу подразделений. Приказ оформим позднее.

Весть о тяжёлом ранении подполковника Огужа в одно мгновение облетела весь полк. Бойцы и офицеры это известие встретили с острой болью. Они с сыновьим беспокойством говорили: «Как же теперь будет наш «Батя» без ноги?..» и говорили тихо, словно боясь причинить ему шумом более тяжёлое страдание, а на душе каждого, как в бурлящем котле, закипала жгучая ненависть к врагу.

Наступила ночь. Пополнив запасы горючего и боеприпасов, мы решили дать отдых личному составу полка, но в эту ночь, несмотря на усталость, никому не спалось. Горечь потери многих товарищей и тяжёлое ранение командира полка тревожили сердца людей.

В полночь я решил проверить охрану танков и штаба полка. Вдруг кто-то крикнул, словно с испугу:

- Немцы!..

В темноте замелькали сутулые фигуры с автоматами, приближаясь к линии охраны полка.

- Огонь!.. - подал я команду и, вырвав из рук растерявшегося бойца Лазарева автомат, длинной очередью уложил трёх гитлеровцев, подскочивших вплотную к расположению танков.

Оглушительный грохот стрельбы всей роты автоматчиков всколыхнул ночную тишину. Из дежурных танков взлетели осветительные ракеты и застрочили танковые пулемёты. Немцы, ошеломлённые такой встречей, как очумелые шарахнулись обратно. Они, видимо, пробираясь к своим частям, случайно наткнулись на нас. Вскоре темень скрыла их где-то в своей пасти, но выстрелы не умолкали до самого рассвета.

Утром, перед выступлением, нам передали из штаба бригады печальное известие - в медсанбате скончался наш командир полка. Его похоронили в Малом Исторопе. Смерть подполковника Огужа Леонида Павловича для нас была тяжёлой утратой, и мы поклялись отомстить врагу за него.

- Почему мы стоим, Федя, что там случилось? - спросил я шофера.

- Та ничего особенного, товарищ майор, - с невозмутимым спокойствием ответил Богуненко.

- Тильки впереди одна машина артдивизиона поломалась, а другая не заводится.

- Тогда, может, объехать их надо, - посоветовал я.

- Та це можно, товарищ майор, тильки капитан Нечипоренко сказав: «Куда торопитесь, нимца здесь нема, бить некого, успеете», - доложил Богуненко.

«Вот как, «нимца нема», и торопиться незачем, - подумал я. - Быстро у нас исчезает фронтовая напряжённость... «Нимца нема», и уже расслабились.»

После раздумий о быстрой перемене человеческих чувств в зависимости от обстановки, мои мысли снова перекинулись в район, где мы вели боевые действия. Я, как и до этого, не стал вмешиваться в дела начальников колонн. Расстояние до места дислокации бригады осталось небольшое, и подгонять их особой нужды не было.

Я вспомнил, с какой быстротой развивались последующие события при наступлении нашей бригады и других частей корпуса на Украине. Войска ахтырской группировки противника готовились в это время нанести удар по левому флангу 47-й армии и приостановить наше продвижение вперёд.

Командующим армией перед 3-м гвардейским Сталинградским мехкорпусом была поставлена задача - сорвать совместно с общевойсковыми частями этот замысел врага.

Верховное Главное командование Советских Вооруженных Сил придавало огромное значение разгрому ахтырской группировки немецко-фашистских войск. Товарищ Сталин потребовал от командующего Воронежским фронтом генерала Ватутина ликвидации этой группировки в ближайшие дни. Он советовал не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить внимание на реальной и конкретной задаче ликвидации ахтырской группировки противника. От этого во многом зависел исход борьбы за Харьков.

Перед рассветом 19 августа на командный пункт командира 7-й гвардейской мехбригады приехал генерал Обухов.

- Я вас ищу в Грушево, а вы забрались в Рябушки и молчите, - сердито произнес он, чем-то взволнованный. - Когда заняли этот населённый пункт?

- Вчера вечером, товарищ генерал, - доложил Родионов.

- Вчера... А почему не донесли?.. - строго спросил Обухов.

- Про запас решили оставить?..

Родионов недоуменно посмотрел на капитана Юдинцева и виновато ответил:

- Сейчас исправим свою оплошность, товарищ генерал, - и тут же приказал Юдинцеву написать донесение в штаб корпуса о занятии бригадой населённого пункта Рябушки.

- Сегодняшним днём оформить, товарищ полковник? - спросил Юдинцев.

- Ну не задним же числом писать, - пояснил Родионов.

- У Вас, Михаил Иосифович, получается, как у расчётливого директора фабрики, который, перевыполнив план, часть процентов прячет на всякий случай для следующего месяца.

- Директор, товарищ генерал, проценты перевыполнения прячет из-за боязни, что план потом ему увеличат, а нам...

- Нам тоже в зависимости от этого могут поставить задачу поглубже, а теперь смотрите сюда.

Обухов вынул карту и, ознакомив командира бригады с общей обстановкой, сказал:

- Сегодня захваченный пленный показал, что из района Ахтырки 19-я танковая дивизия противника с утра 20 августа переходит в контратаку против частей 47-й армии. Нашему корпусу командующим армией приказано: сбить контратаку противника упреждающим ударом и выйти в район города Зенькова, - затем Обухов обвёл всех присутствующих своим озабоченным взглядом и, вздохнув, продолжал:

- Вы, Михаил Иосифович после того, как овладеете Гудимовкой, поверните бригаду строго на юг. Ваша ближайшая задача - занять Должик и Чупаховку, последующая - овладеть северной частью города Зенькова.

Уточнив все детали решения задачи предстоящего дня, генерал Обухов задерживаться в бригаде не стал, он спешил, чтобы успеть до рассвета заглянуть в 35-ю танковую бригаду. Корпус вёл бой на широком фронте, и всюду шла ожесточённая борьба. Управлять в этих условиях с одного пункта всеми частями и соединениями было нелегко. Поэтому командир корпуса время от времени выезжал на тот или иной участок и на месте оказывал своё влияние на ход боевых действий. Прощаясь с Родионовым, генерал спросил:

- Как, Михаил Иосифович, получилось, что Вы потеряли начальника штаба бригады и командира танкового полка?

Но что на это мог ответить Родионов? Да ничего, бой есть бой. Он больше всех переживал за потерю своих подчинённых, боль на душе у него не утихала ни на минуту.

- Командира полка мы Вам дадим, - сказал Обухов, - а начальника штаба, Михаил Иосифович, постарайтесь найти у себя.

ГУДИМОВКА

- Задачи ясны? - ещё раз спросил Родионов, обращаясь к подчинённым после объявления боевого приказа.

- Так точно, товарищ полковник! - уверенно ответили командиры подразделений.

- Ну что ж, тогда по местам. Только помните, надо действовать так, чтобы по всему было видно, что здесь наступает волжская Гвардия - предупредил Родионов.

Начало наступления частей корпуса и подошедших общевойсковых соединений совпало с восходом солнца. Каменкович посмотрел на безоблачное небо и озабоченно сказал:

- Погодка не радуется, Михаил Иосифович, скоро опять фашистские стервятники начнут бесчинствовать.

- Не омрачайте себя этой мыслью, Марк Моисеевич. Скоро у Вас будет радостная встреча с родными пенатами вашей юности, - напомнил Родионов, - вот об этом лучше думайте.

- Да, действительно, юность моя комсомольская пролетела в Хороле и Лубнах, - взволнованно произнёс Каменкович, - и сейчас мне, как никогда, хочется побывать в этих местах...

Но этот разговор тут же был прерван: началось наступление. Родионов увидел на поле боя рискованно снующую взад и вперед девушку и был поражён её бесстрашием.

- Кто это, и почему она лезет под пули? - спросил он Каменковича.

Каменкович посмотрел в бинокль и, с присущей ему улыбкой, ответил -

Это, Михаил Иосифович, та самая девушка, которая Вам доказывала, что медсанвзвод для неё тыл, а она хочет только на передовую, и просила перевести её в батальон.

- Таня Щербовая, - вспомнил Родионов. - Храбрая дивчина. А вообще-то не место женщинам в бою. Хороший был раньше порядок у моряков: не брать женщин на корабль. Или у горняков - не пускать женщин в шахту, а вот мы их в пекло боя посылаем...

- У попов тоже, Михаил Иосифович, было правило: не пускать женщин в алтарь, а ведь там никакой опасности для них, - сказал полковник Стражец.

- Смотря какой поп, а то и в алтаре греха не оберёшься... - с иронией заметил Родионов.

- Все эти домостроевские правила теперь ни к чему. У нас равноправие, и женщины такое же имеют право, как и мужчины, защищать свою Родину, - пояснил Каменкович.

- Защищать Родину - дело мужское, - подтвердил свою мысль Родионов и тут же распорядился:

- Товарищ Юдинцев, передайте майору Бекоеву: пусть научит своих медработников правильно совершать перебежки, а то немцы их всех перебьют.

Мотопехота приближалась к рубежу атаки. Родионов, наблюдая за её действиями, заметно волновался. Ему надо было не упустить время вызова танков с исходной в атаку и определить момент переноса артиллерийского огня в глубину обороны противника. В то же время его беспокоило чувство тревоги за майора Ляховича. Он опасался: справится ли Ляхович с возложенной на него задачей, сумеет ли так же, как и Огуж, управлять боем

подразделений. Он послал к нему на помощь полковника Стражеца, но и это не убавило его опасений.

Посматривая исподтишка за Родионовым, Каменкович разгадал его озабоченность. Он подошёл и по-дружески сказал:

- Надо было не Ляховичу, Михаил Иосифович, а Цветкову поручить командование полком. Ляхович - политработник...

- Нельзя, Марк Моисеевич, Цветкова тут же утвердят на эту должность, а я думаю взять его начальником штаба бригады, - пояснил Родионов. - Но, пока командира полка не пришлют, брать Цветкова из полка не будем: пусть помогает Ляховичу.

Каменкович, хотя и неохотно, но согласился с доводом комбрига.

Огонь артиллерии по переднему краю обороны противника усилился. Командиры батальонов донесли о выходе мотопехоты к линии атаки. Наступил неотложный момент решительного броска вперёд. Родионов махнул рукой Юдинцеву:

- Сигнал танкистам - «В атаку!»

Ляхович нервничал, волновался, и это естественно: теперь он целиком и полностью отвечал за действия полка. Командовать подразделениями он мог, но за ним числился серьёзный недостаток: недолюбливал рацию и подчас из-за этого терял связь с подчинёнными. Когда я напомнил ему об этом, он ответил:

- Учту, Николай Васильевич, учту!.. это в прошлом году на Дону я терялся, а теперь не подкачаю.

- Кто из вас командир полка? - вдруг из-за куста взревёл незнакомый оглушительный бас.

- Слушаю Вас, товарищ полковник, - взмахнув рукой к головному убору, ответил Ляхович.

- Значит, Вы!.. Я - замкомдив 29-й стрелковой дивизии. Мы наступаем правее вашей бригады, - пояснил он. - Прошу посадить одну роту наших стрелков на ваши правифланговые танки.

Ляхович растерянно посмотрел на меня, пожал плечами и как-то неуверенно стал объяснять:

- Не советую, товарищ полковник... Как только выйдем вот на ту возвышенность, - показал он рукой, - по танкам откроет огонь вся артиллерия противника и побьет всю вашу пехоту.

- Мои разведчики проверили - там нет никакой артиллерии. Надо посадить, - настойчиво требовал замкомдив.

В этот момент к нам подошёл полковник Стражец и, разобравшись в чем дело, разрешил посадить часть пехоты на танки Ахремова.

Пехотинцы облепили броню «тридцатьчетвёрок», как муравьи, оцетинив её отомкнутыми штыками.

- Крепче держись, царица полей, - крикнул Михаил Ахремов. - Когда вздумаете спешиться, постучите о броню, скорость машин сбавим.

Танки с исходной позиции вышли не одновременно, но вскоре выровнялись. Шли они ходко. Сухую ложину перед рубежом пересекли не снижая скорости.

Своим появлением у переднего края они как-то сразу внесли замешательство в ряды противника. Гитлеровцы, прекратив стрельбу, в панике покинули траншеи и спешно стали удирать. Они, как потом выяснилось, ждали, когда артиллеристы, находящиеся за их спиной, выкатят свои орудия на прямую наводку и начнут вместе с ними отражать атаку «тридцатьчетвёрок». Но около орудий в это время никого не оказалось. Артиллеристы, оставив их на огневых позициях, ушли в Гудимовку завтракать и там, решив за одно пошарить в кладовках местных жителей, задержались. А когда стали возвращаться, внезапный залп «катюш» и плотный огонь нашей артиллерии прижал их к земле и они к своим орудиям не попали. Пехота рейха без них не выдержала...

- Товарищ лейтенант, немцы драпают, - бодро доложил командиру танка заряжающий.

- Вижу, - отрывисто ответил лейтенант Марк Цирюльников.

Танк Цирюльникова двигался вдоль ухабистой дороги, не встречая на пути никаких препятствий. Правее наступала «тридцатьчетвёрка» лейтенанта Игоря Масальского, лучшего его друга по школе и танковому училищу. Они с детства были неразрывно связаны друг с другом. Рядом с Масальским Цирюльников обычно чувствовал себя твёрже и действовал более уверенно. Ему с ним даже в самую опасную минуту было не боязно.

Воевал Цирюльников неплохо, старался. Ему очень хотелось чем-то отличиться, совершить что-то необыкновенное. По натуре он был романтиком: идеализировал действительность, мечтал всегда о чём-то невероятном. Иногда у него даже появлялось острое желание уйти куда-нибудь на необитаемый остров и затеряться там надолго.

... Когда танки поднялись на возвышенность, экипажи увидели перед собой вражеские орудия с наведенными на них дулами. Но орудия не стреляли. Танкисты были в недоумении, насторожились. Они не знали, что расчёты этих орудий ушли в село завтракать.

Механик-водитель Уфимцев начал суетиться, дергать рычаги управления, поворачивая рывками танк то в одну, то в другую сторону. Лейтенант Цирюльников огрызнулся на него и предупредил:

- Орудия не давить!.. Видите, они без расчётов.

Но Уфимцева взбудоражили не только эти орудия. На его психику убийственно подействовали обрушенный противником артогонь из-за Гудимовки и появление вражеских самолётов. При каждом взрыве снаряда или бомбы вблизи танка он судорожно

втягивал голову в плечи, нервно вздрагивал, теряя самообладание. Взвинтив себя до белого каления, Уфимцев стал неуправляемым, на сигналы командира танка почти не реагировал.

В обычных условиях Уфимцев был человек как человек, никаких особенностей за ним не наблюдалось. Но стоило возникнуть какой-либо опасности, он становился сам не свой. Его бросало в дрожь. Разноцветные глаза (один глаз был серый, другой – карий) начинали сверкать, как молнии. Веки дёргались. Лицо принимало болезненно-бледный вид, и он ничего не соображал. В такие минуты Уфимцев мог сделать что угодно: бросить машину, товарищей, лишь бы укрыться где-нибудь.

Цирюльников этого не знал. Механик-водитель его танка вечером был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Ночью перед Гудимовкой взамен ему дали Уфимцева. Внешне Уфимцев выглядел нормально, а какой у него характер и как он ведёт себя в бою, Цирюльникову было неизвестно. Ему даже побеседовать с ним как следует не удалось - времени до начала боя оставалось мало. Правда, разговор у них состоялся, но почти на ходу.

- Машину знаешь? - спросил Цирюльников.

- Так точно, товарищ лейтенант, - ответил тот.

- В бою не подведёшь?

- Никак нет, товарищ лейтенант!

- Видишь эту красавицу? - показал он рукой на «тридцатьчетвёрку». - Принимай!

... Кипение боя нарастало. Из Гудимовки бежали люди, выскакивали машины с немецкими солдатами, с неистовым бешенством вырвались через огороды в поле с передками и без упряжи обезумевшие лошади. Они метались между взрывами бомб и снарядов, лезли под танки, падали...

- По лошадям не стрелять, - раздался в наушниках танковых радиостанций голос Ляховича.

«Да кто же по ним будет стрелять? - подумал Цирюльников. – Только откуда у немцев столько лошадей». И тут, как назло, резкий рывок танка прервал его размышления. Цирюльников и опомниться не успел, как в перископе замелькало, запрыгало всё поле боя...

Механик-водитель Уфимцев резко увеличил обороты двигателя, танк перескочил через кювет на избитый большак и помчался с сумасшедшей скоростью. Поднятая гусеницами пыль вихрем закружилась вокруг башни, забивая оптику и стекла триплексов. Цирюльников перед собой уже ничего не видел... Он стал вызывать по ТПУ механика-водителя, но тот не отзывался. Тогда Цирюльников решил встряхнуть его за ворот и в этот момент, как стопудовым молотом, грохнуло по башне вражеской болванкой. Танк покачнулся. Перед глазами сверкнули искры. Заряжающий упал. Мелкие кусочки металла, отлетев от брони, впились Цирюльникову в шею и лицо. В голове у него зазвенело. Сквозь звон он, словно из бездны, услышал в наушниках шлемофона истерический крик Уфимцева:

- Лейтенант, горим!.. Прыгать надо!.. Горим!.. Танк взорвётся!..

В сознании Цирюльниково молниеносно всплыл взрыв танка лейтенанта Ходыревского под Великим Исторопом. Мысль, что его танк так же вот-вот взорвётся, на какое-то мгновение ослепила его, и он, поддавшись страху, подал команду покинуть машину. Затем и сам, прихватив автомат, который положен был экипажу, кубарем слетел с брони на обочину дороги.

Покинутая экипажем «тридцатьчетвёрка» неслась по дороге с бешеной скоростью. Перед тем как выскочить из танка, Уфимцев в спешке резко рванул ногой педаль газа. Позади раздался скрежет. Тягу подачи горючего где-то заело, и назад она не отошла, сбросить газ не удалось. Двигатель, взвывая, увеличил обороты и погнал уже никем не управляемую машину с неудержимой силой.

Экипаж, отскочив с дороги в придорожные кусты, остановился. Цирюльников, ухватившись руками за голову, иступлённо стал смотреть вслед уходящей машине. Его подчинённые, словно прикусив языки, угрюмо молчали. Уфимцев, почувствовав свою вину, стоял, как пришибленный. Колени у него тояслись мелкой дрожью, глаза испуганно скользили из стороны в сторону.

- А ведь танк-то не горит, - вдруг прервав молчание, крикнул заряжающий. - Выходит, зря мы его бросили...

Эти слова, как ножом, полоснули по сердцу Цирюльниково. Они обожгли ему всё нутро. Обида за промах с каждой секундой стала всё острее и острее точить его мозг и особенно она усилилась, когда он подумал о последствиях этого необдуманного поступка. «Что я наделал?... Что я наделал?... - повторял он про себя. - Что теперь Игорь подумает обо мне...»

Он больше всего дорожил мнением своего друга, Игоря Масальского. Игорь для него был непререкаемым авторитетом. Он знал – Игорь в районе Панченково не бросил горящий танк, боролся с огнём до конца, спас машину, а он... «Игорь, дорогой, поверь я не хотел этого... - вырывалось у него из глубины сердца. - Я искуплю свою вину... Пусть обо мне не думают плохо... Подлецом я никогда не был и не буду...»

И действительно, разве Цирюльников думал когда-нибудь, что в его жизни произойдёт такой непоправимый поворот. Он был смят, раздавлен случившейся бедой. Но вдруг мелькнула мысль - догнать танк, догнать... это была единственная спасительная нить. А танк тем временем шёл всё с той же скоростью, слегка уползая с дороги.

- Левая гусеница слабо натянута, танк-то уходит вправо, - обеспокоенно произнёс стрелок-радист, как будто сейчас это было самое главное.

Танк действительно тянуло вправо, он постепенно сошёл с дороги, смял на пути тощие подсолнухи и порыжевшую ботву картофеля, а затем со всего маху плюхнулся в стоячий водоем. Мотор зашипел, над поверхностью воды поднялась голубоватая дымка. Пруд оказался глубоким. Из воды торчала лишь одна башня. И тут последняя надежда Цирюльниково - догнать танк, рухнула.

Отчаяние и злоба на механика-водителя обуяла его. Ему показалось, что весь земной шар своей тяжестью валится на него. Он даже не слышал стрельбы, которая раздавалась

где-то за его спиной. Лихорадочно работала мысль - как быть, что предпринять?.. И тут же в одно мгновение созрел план - уйти в пехоту и там искупить кровью свою вину.

- Вот что, ребята, - обратился он к подчинённым, косо взглянув на Уфимцева, - вы не виноваты... Идите в полк и плохо обо мне не думайте... Прощайте!

Заряжающий и стрелок-радист растерянно уставились глазами на взволнованного лейтенанта, застыв как мумии. А Уфимцев, сжавшись в жалкий комок, поник, словно в ледяную воду его опустили. Цирюльников, перекинув автомат через плечо, бегом направился к неизвестной высоте, где бой вели части 29-й стрелковой дивизии.

Танк из воды ремонтники вытащили двумя тягачами в тот же день и привели его в порядок. А через две недели мы получили пакет с документами лейтенанта Цирюльникова и подписанное командиром стрелковой дивизии сообщение: «Ваш веннослужащий, лейтенант Марк Цирюльников в бою за высоту юго-западнее Гудимовки совершил героический подвиг. После ранения командира стрелкового взвода принял на себя командование, поднял взвод, повёл его в атаку и занял высоту. В этом бою он пал смертью храбрых.»

После шоссе Курск - Обоянь мы двигались медленно. Машины, останавливаясь почти на каждой версте, еле ползли. Заснеженная дорога, сливаясь с белой гладью полей, то и дело терялась, но меня это не беспокоило. Мои мысли были заняты другим. Мне неотвязно свербила мозг произошедшая трагедия с Марком Цирюльниковым. Я хотел понять - почему на его психику так сильно подействовал панический крик механика-водителя Уфимцева?.. Почему он не проверил - горит ли машина, прежде чем покинуть её?..

Перебирая в памяти неприглядную картину этого события, я подумал, что и мы с Ляховичем были в чём-то виноваты, что-то недосмотрели...

- А долго, товарищ майор, нас будут держать здесь на формировке? - вдруг спросил Богуненко, прервав мои размышления.

Его одолевало своё. Он был поглощён мечтой - скорей вернуться на Украину вызволять свои родные места от ненавистного врага.

- План Верховного, Федя, до поры до времени никто не знает, - пояснил я, - но думаю, что здесь мы не задержимся.

Успокоив Богуненко, я опять мысленно перенёсся в район Гудимовки, в район боевых действий бригады.

На рубеже Гудимовка - Гостев оборонялись усиленные артиллерией остатки частей 88-й и 112-й пехотных дивизий немцев, отошедших под натиском наших войск из-за железнодорожной линии Лебедин - Ахтырка.

Гитлеровское командование, почувствовав нарастающую опасность в тылу ахтырской группировки, стремилось во что бы то ни стало затормозить наше наступление.

Генерал Обухов, находясь в бригаде полковника Асланова, передал Родионову:

- Михаил Иосифович, с наступлением на Должик надо спешить. Для прикрытия полтавского направления противник перебрасывает силы в район Ахтырки и Чупаховки с других направлений, учтите это!

Части нашего корпуса, действуя в центре ударной группировки 47-й армии, вели тяжёлые бои. Бригада полковника Асланова была контратакована у Сухого Яра и понесла большие потери. Используя складки местности и разбросанные повсюду густые перелески, гитлеровцы, подтянув танки и самоходные орудия, огнём из засад наносили чувствительные удары.

Но нам в этот день вначале повезло. Стремительный выход наших танков к вражеским позициям немцы проворонили. Они открыли огонь из глубины лишь тогда, когда танкисты подошли к Гудимовке. Самолёты противника появились тоже с опозданием. Бригада в горловину вошла легко, но в дальнейшем её действия несколько осложнились.

С выходом мотострелковых подразделений в Гудимовку, наши фланги оказались незащищёнными. Сосед справа был прижат к земле огнём противника и почти не продвинулся. С соседом слева, 35-й танковой бригадой, образовался огромный разрыв, и немцы на этом участке оказались никем не тронутыми.

Танкисты роты Ахремова, действуя с десантом 29-й стрелковой дивизии, через Гудимовку проскочили почти без задержки. Мотострелки Алабушева, наступая за танками, при появлении фашистских самолётов залегли перед селом и от танков отстали. Родионов нервничал.

- Товарищ Алабушев, почему прохлаждаетесь, почему лежите?.. - строго спросил он. - Вам что, не к спеху?..

- Танки, товарищ полковник, ушли и... - начал оправдываться комбат.

- Вы будете лежать, а танки что, должны вас ждать?.. - прервав его, вспылil Родионов.
- Поднимайте батальон и вперёд!

Он торопил комбатов. Ему хотелось скорее выйти к Должику и предупредить появление там передовых частей противника из Чупаховки. Алабушев, опустив трубку на телефонный аппарат, откашлялся, поправил марлевую повязку на голове и подозвал к себе своего заместителя.

- Аванес Амбарцумович, поднимите первую и вторую роту и в Гудимовку, - распорядился он.

Бойцы рванулись рассредоточенно, то ложась, то снова совершая рывками стремительные перебежки. Они ворвались в Гудимовку и завязали бой с противником.

Из Гудимовки часть немецких солдат, преследуемая ротой Ахремова, удрала на автомашинах, а часть из них, пропустив танки, осталась в селе. Это взволновало Родионова.

- Ахремов, как жених на масленичной неделе, промчался вихрем через село, а противника Алабушеву оставил, - сказал он с иронией Каменковичу.

- Несогласованность, - пожал плечами Каменкович. - я, пожалуй, подскочу к Алабушеву, а то не напортачил бы он, как под Великим Исторопом.

- Надо ли, «комиссар»? - хитровато прищурился Родионов. - Алабушев теперь научен горьким опытом.

Комбриг частенько по старой привычке называл своего замполита «комиссаром».

- Надо, Михаил Иосифович. Заодно и партбилеты вручу вновь принятым в партию, - пояснил Каменкович. - Не успел это сделать перед боем.

- Партбилеты... это хорошо! это воодушевит бойцов, - взглянув доверчиво ему в глаза, согласился Родионов.

Затем он развернул карту, испещрённую условными знаками, поморщился и, подозревая к себе Юдинцева, сказал:

- Передайте Ляховичу, куда его черти понесли?.. увлёкся... - со злостью промолвил он. - Пусть на своё направление поворачивает танки. И тут же, вспомнив что-то ямщицкое, продекламировал про себя: «В поле бес нас водит видно»

Каменкович всегда появлялся там, где возникала опасность или происходила задержка с продвижением вперёд. Он своим невозмутимым спокойствием умело вселял в бойцов бодрость духа и уверенность в успехе.

Он и на этот раз шёл в батальон Алабушева с той же целью, но на сердце у него, словно в предчувствии беды, появилась какая-то тяжесть, а мысли неотвязно кружились вокруг «родных Пенатов», о чём перед боем напомнил ему командир бригады. В душе он стал торопить события. Теперь ему, как никогда, хотелось скорее попасть в родной Хорол, попасть туда, где прошла его юность, где впервые вкусил сладость первой встречи с любимой и начал свой жизненный путь.

Город Хорол, известный лишь тем, что там родился талантливый украинский поэт Павло Тычина, для Каменковича был священным уголком, вобравшим в себя всё прекрасное в его жизни. Он вспомнил тихие улочки, скверы и сад городской, вспомнил комсомольские походы за город. К нему на какой-то миг вернулась юность. Мысленно уносясь в годы своей молодости, он даже и не заметил, как оказался в Гудимовке.

Гудимовку от противника Алабушев очистил, но он тут же был контратакован справа. За дворами села трещали автоматные очереди, шла пулемётная пальба, раздавались взрывы гранат и мин.

Каменкович решил подойти поближе к боевым порядкам батальона. Перед ним вырос невысокий дощатый заборчик. Он, не задумываясь, оперся о столбик и прыгнул через него, но неудачно. Ногой задел за что-то невидимое и упал. С минуту лежал не шевелясь, ощущая лишь резкую боль в колене. Над его головой, как молния, сверкнула огненная трасса. Проводив её недовольным взглядом, Каменкович выругался (что редко с ним бывало) затем встал и прихрамывая побрёл к полуразрушенному сараю. Вскоре к нему подбежал комсорг батальона лейтенант Михаил Иванович Карутин.

- Товарищ полковник, штаб батальона находится во-от за тем домом, - показал он рукой. - Идёмте туда.

- Отсюда видней, товарищ Карутин, - ответил Каменкович, - оттуда Вы разве увидите, как действуют ваши комсомольцы?..

Он и ещё что-то хотел сказать, но его внимание привлекло появление впереди девушки с санитарной сумкой. Она бежала, не сгибаясь и не обращая внимания на стрельбу. Она была верной мишенью для немцев.

Старший сержант Артюховский, приподнявшись с наспех подготовленного окопа, окрикнул:

- Куда лезешь под огонь, чертяга?.. Ведь убьют...

Он и ещё что-то дерзкое обронил, но девушка, косо взглянув на него, продолжала своё дело.

- Кто это? - спросил Каменкович.

- Наш санинструктор Таня Щербовая, - ответил Карутин.

«Как же я не узнал её?» - подумал Каменкович. - Комсомолка? - снова спросил он.

- Пока ещё нет, но заявление уже подала, - доложил Карутин. - Скоро будем принимать.

- С приёмом не надо тянуть, - посоветовал замполит. - Быстрей оформляйте дела.

- Обязательно оформим... Таня у нас не только раненых спасает, но, если надо, и боеприпасы поднесёт, и к пулемёту вторым номером станет, - похвастал Карутин.

Когда Таня тащила ползком тяжелораненого за сарай, Артюховский виновато крикнул:

- Ты уж, Таня, прости меня за ругань... Мне тебя стало жаль...

- Меня жаль, а раненых не жаль?.. - сердито отрезала Таня.

Артюховский хотел и ещё что-то сказать, но она так его пробуравила взглядом, что тот сразу же осёкся.

Стёпа был равнодушен к ней. Она с первого дня прибытия в батальон вошла в его душу, но он не знал, как к ней подойти. Таня была не из тех, кого можно было сразу завлечь. Она была строгая, она и в бою показала все лучшие черты своего характера: силу воли, бесстрашие, доброту и любовь к своему делу.

... Частая ружейно-пулемётная пальба за селом вдруг оборвалась. В боевых порядках гитлеровцев произошло какое-то замешательство. Прекратив контратаку, они ошалело ринулись назад, в сторону леса. Паническое бегство немцев удивило наших бойцов, они не знали, чем это вызвано. Сосед справа начал их преследовать.

Над полем боя и над Гудимовкой появились тяжёлые «юнкерсы». Прикрывая отступление своих солдат, они, не входя в пикирование, стали в разную сторону ронять бомбы.

Каменкович, не дождавшись, когда закончится авианалёт, направился к штабу батальона, чтобы поторопить Алабушева с выступлением на Должик. Он шёл открыто, пренебрегая осторожностью.

Недалеко от дома, где располагался штаб, словно поджидая его, взорвалась вражеская бомба. Подброшенный взрывной волной, Каменкович упал. В глазах у него потемнело, появилась тошнота, режущее жужжание в ушах и невероятный шум в голове.

Лейтенант Карутин, отставший от него на какое-то расстояние, вдруг увидел перед собой огромный серо-рыжий всплеск земли и огня, поглотивший полковника. По спине пробежали мурашки, остановилось дыхание, а в голове, как молния, промелькнула мысль: «Погиб!..».

Когда он подбежал к чернеющей воронке, в стороне от неё увидел лежащего на грядке полковника Каменковича с раскинутыми руками.

- Врача, врача... - закричал он бойцам, копошившимся невдалеке.

Военврач батальона Валентина Андреевна Павлова осмотрела Каменковича, измерила пульс и установила: тяжёлая контузия.

- Машину, - распорядилась она. - Таня, повезешь полковника в медсанбат и быстрей.

Подошёл Алабушев, посмотрел испуганно в окаменевшее лицо полковника и, отстранив санитаров с носилками, сказал:

- Валентина Андреевна, может полегит он немного здесь и отойдет?

- Он, товарищ капитан, в тяжёлом состоянии, его немедленно надо отправить в медсанбат, - настойчиво подтвердила своё решение врач.

- Ну что ж, отправляйте, - нехотя согласился комбат. Но тут его словно плетью хлестнула тревожная мысль - а как он перед командиром бригады отчитается... Ведь тот обязательно спросит - «Почему полковника не уберегли?..»

- Товарищ Анисов, соедините меня с командиром бригады, - подал он команду телефонисту.

Красноармеец Анисов, как заведённый автомат, стал бойко крутить рукоятку телефонного аппарата, а комбат тем временем думал - о чём в первую очередь доложить комбригу.

- Полковник... - шепнул Анисов и передал телефонную трубку комбату.

- Товарищ полковник, - начал дрожащим голосом докладывать Алабушев, - немцы прекратили огонь и будто чего-то испугались, бегут...

- Бегут, говоришь?.. Побежишь, когда Ляхович, потеряв своё направление, залез к ним с танками в тыл, - сердито пояснил Родионов. - Кончайте и вы там волынку, выводите батальон к стыку дорог и на Должик.

- Товарищ полковник, товарищ полковник... - отчаянно стал вызывать комбрига Алабушев, но связь оборвалась. Он так и не успел доложить ему о самом главном, о тяжёлой контузии полковника Каменковича. «Ведь потом всыплет, почему сразу не доложил», - подумал Алабушев.

- Ермаков, - крикнул он радисту, - вызывайте рацию командира бригады... Начальник штаба, командиров рот ко мне... Где зампотех?.. Автотранспорт сюда...

Алабушев был раздражён: нервничал, суетился, торопливо отдавал распоряжение за распоряжением, а мысль с тяжёлой контузии полковника Каменковича ни на минуту не выходила из головы. Она вывела его из равновесия. Он долго не мог взять себя в руки.

Мой штабной автобус двигался за атакующими танками на удалении трёхсот метров. Дорога была тряская, машина то и дело подпрыгивала, ударяясь колесами о бугры и выбоины. При подходе к переднему краю взмахом руки меня остановил полковник Стражец. Как он оказался здесь, никто не знал. Я подошёл к нему.

- Куда к чертям полез на этом драндулете?.. - ополчился он на меня. - Сожгут машину, и будешь пешком ходить.

- В бою, товарищ полковник, всё может быть, - ответил я, - а иначе от танков отстану и...

- И ничего не случится, - прервал он меня. - Машин в полку не густо, справится и один командир полка.

Потери танков в полку, действительно, были чувствительные, и в связи с этим положенную мне по штату «тридцатьчетвёрку» передали в роту Ахремова. После этого я вынужден был пересесть на колёсную машину с рацией и, передвигаясь в бою от укрытия к укрытию, помогать командиру полка управлять подразделениями. Но поскольку за укрытия я не заходил, а двигался за полком, как и на танке, открыто, полковник Стражец остановил мою машину и, предупредив меня, посоветовал зря не рисковать.

- Выйдем на плато, - махнул он лозой, как указкой, в сторону возвышенности. - Оттуда действия полка будут видны, как на ладони. Автобус оставьте здесь.

На возвышенности, к нашему удивлению, словно на смотре, стояли немецкие орудия, готовые к открытию огня. Их было много, больше десяти. Около них лежали штабелями бронебойные и осколочные снаряды. Наши танки прошли между ними осторожно, не помяли ни одной артиллерийской установки.

Полковник Стражец, пожав недоуменно плечами, подошёл к одной пушке, потрогал рукой ствол с облезлой краской и, словно кому-то доказывая свою точку зрения, с неприсутей ему горячностью произнёс:

- Быть этого не могло, чтобы немцы ни с того, ни с сего бросили свои пушки?.. Манштейн за это три шкуры содрал бы с них!..

- Манштейну, товарищ полковник, в пору свою шкуру сберечь, - вставил я. - Теперь его наши войска со всех сторон щиплют...

- Манштейн-то свою шкуру сбережёт, но повозиться с ним нам ещё придётся немало, - озабоченно промолвил он.

Нам не верилось, что гитлеровцы вот так запросто взяли и бросили свои орудия, но гадать мы не стали что у них произошло. Позднее, когда был опрошен капитаном Долговским пленный, всё прояснилось.

Осматривая вражеские артпозиции, полковник Стражец попутно начал мне рассказывать об особенностях ведения боя на пересечённой местности и о необходимости прочёсывания огнём подозрительных мест, где могут быть вражеские засады. Он в любой обстановке, как и в академии, где многие годы преподавал тактику, готов был читать нам лекции. Он учил нас в бою и вне боя.

Я, не отрывая глаз от действия своих танков, одним ухом слушал его. Бой в это время гремел на задворках Гудимовки и на левом фланге бригады.

Вдруг, как хлыстом резануло меня... Танки от развилки дорог за Гудимовкой пошли вправо, сбились с маршрута. Я рванулся к автобусу, а там меня по радиации уже распекал штаб бригады:

- Что случилось, почему молчит командир полка?..

Мой радист тоже пробовал связаться с майором Ляховичем, но радиостанция только трещала, как будто в ней горели еловые дрова. Радист чертыхнулся и стал вызывать Ахремова..

Шофёр автобуса рядовой Песков по моей команде погнал машину вперёд. Я решил догнать подразделения полка и вернуть их на своё направление.

- Ахремов, товарищ майор, Ахремов у радиации, - тронул меня за плечо радист.

- Куда вы прёте как очумелые?.. - остановив машину, я набросился на Ахремова. - Вы что, ослепли?..

Разговор был острый. Ахремов понял всё. Он только сопел в микрофон, не проронив ни одного слова в своё оправдание.

Танки ушли в сторону на порядочное расстояние. Рота Ахремова, упёршись в реку, стала тушить пожар на мосту. Немцы, облив мост бензином, подожгли его. Майор Ляхович с третьей ротой форсировал вброд эту водную преграду и захватил вблизи от неё винный завод. Он в погоне за немцами, удирающими из Гудимовки, настолько увлёкся, что даже забыл посмотреть на карту и определить, куда его несёт нечистая сила. Но вскоре он передал мне:

- Успокойся... Это мы сюда, подальше от Гудимовки, противника турнули... Теперь идём на своё направление!

Автомашину на время переговоров по радиации мы остановили у стыка дорог, на открытом месте. Рядовой Песков, озирая безоблачное небо, забеспокоился:

- Может, сойдём с дороги, товарищ майор, - обратился он ко мне, - а то как бы фашистские стервятники нас не накрыли?..

- Сейчас сойдем, дружище, - успокоил я его. - Только надо сначала разведчикам работу дать.

Мое внимание в этот миг было приковано к танку Т-70, замаскированному в кустах, левее дороги. Около этого танка копошились люди и как-то бурно размахивал руками мой помощник по разведке капитан Котенко. Вскоре он по моему сигналу подошёл ко мне.

- Что у вас там случилось, Иван Иванович? - спросил я.

- Младший лейтенант Данченко «малышку» приводит в порядок, - ответил он. - Гусеница порвана снарядом.

Младший лейтенант Павел Моисеевич Данченко среди танкистов был на хорошем счету. Он особенно отличился в бою за Великий Истороп, Стеблянку и Панченков. На его счету здесь было несколько уничтоженных противотанковых орудий и огневых точек противника. Он умело действовал и в разведке.

Внешне Павел Данченко выглядел робким, застенчивым, а в критические моменты словно перерождался, становился неузнаваемым. В нём неожиданно пробуждалась какая-то неведомая доселе сила, уверенность и бесстрашие. Таким его знали и в роте, и в полку.

- Полк на подходе, Иван Иванович, - сообщил я капитану Котенко, - Надо прошупать маршрут на Радчуки.

- Понял, товарищ майор. Это сделает младший лейтенант Данченко, - доложил он мне и тут же направился к нему.

Дорога на Радчуки была просёлочная, хорошо укатанная. От песчаного карьера за холмом она, как стрела, пролегла по центру прямой поляны, окаймлённой с обеих сторон густыми перелесками.

Подъехав к карьере, я стал наблюдать за этой дорогой и за всей долиной, поросшей переспелой травой. Поляна выглядела бурой и, как будто боясь отстать от уходящей вдаль дороги, невесть куда тянулась за ней узкой полосой.

Было тихо. Листья и те на деревьях не шелестели. Впереди ни души.

- Воздух! - нервно вскрикнул шофёр Песков.

На горизонте со стороны Радчуков появился немецкий самолёт. Летел он на небольшой высоте и прямо на нас.

- В карьер!.. - подал я команду шофёру.

Влетев в песчаную яму, мы выскочили из машины и прижались к боковой стенке карьера. «Мессер» на бреющем полёте обстрелял наш автобус и, чуть не врезавшись в вершину холма, скрылся где-то позади него. Нас обдало пороховой гарью.

- Бандюга!.. - смачно выругался Песков. - Ведь попортил машину...

Корпус автобуса был продырявлен в нескольких местах, а двигатель и рация, к нашему счастью, не пострадали.

Машину мы переставили правее, в более углублённое место, и стали поджидать появления из-за холма своих подразделений. Вскоре, взмахнув нам рукой, мимо нас проскочил на «семидесятке» младший лейтенант Данченко. Ему была поставлена задача установить на этом маршруте и в Радчуках наличие вражеских танков. Высунувшись из танка, он на ходу бегло осматривал окружающую местность и насвистывал себе под нос какую-то мелодию.

Вдруг справа из чащи безмолвного перелеска грянул выстрел и буквально над ухом Паши Данченко свирепо просвистел снаряд.

- В лес!.. - подал он команду водителю, решив ускользнуть от огня противника.

Механик-водитель, рванув на себя левый рычаг управления, повернул машину с дороги, но уйти в лес не успел. Затаившийся враг вторым снарядом пробил кормовую броню, и танк Т-70 окутался чёрно-бурым облаком дыма, через который стали вырываться языки пламени.

Младший лейтенант Данченко, прихватив гранату, выскочил из танка и, подбежав к переднему люку, стал вытаскивать из охваченной пламенем машины опустившего руки и голову механика-водителя. Он понял, что водитель уже мёртв, но ему и мёртвого хотелось спасти от огня.

- Товарищ майор, автоматчики к танку бегут, - в один голос доложили Песков и радист.

Гитлеровцы, увидев, как выскочил из горящей машины командир танка, бросились к нему. Они решили взять его живым.

Шофер и радист открыли по ним огонь из карабинов. Я по рации передал майору Ляховичу координаты, где засел немецкий танк, и просил его ускорить движение подразделений полка.

Вытаскивая через люк погибшего механика-водителя, младший лейтенант Данченко услышал за спиной резкий окрик:

- Хенде-Хох!

Паша не видел, как немцы под прикрытием дыма подобрались к нему, но мысль у него сработала быстро: «Сейчас я покажу вам Хенде-Хох!»

Выдернув зубами чеку и повернувшись к гитлеровцам, он ударил о землю гранату, злобно бросив им в лицо:

- Вот вам, сволочи, «Хенде-Хох!..»

Немецкие автоматчики, оцепенев от ужаса, не успели и глазом моргнуть, как горячие осколки скосили их...

Упал и Паша Данченко... Гитлеровцам взять его не удалось.

Остальные автоматчики, не успевшие подойти к отважному танкисту, после взрыва гранаты бросились назад, к месту засады. В чаще загрохотал двигатель замаскированного танка. Гитлеровцы зашевелились. То ли решив, что задание выполнено и пора уходить, то ли почувствовав приближение «тридцатьчетвёрок», они спешно начали подавать свой танк назад, на открытую местность.

Затрещали сучья и кусты. Гусеницы ломали, скручивали под собой густые поросли тонких берёз и ольхи. Двигатель ревел, разъяренно выталкивая из чащи бронированную тушу. Но уйти вражескому хищнику не удалось.

Как только с опушки высунулась кормовая часть танка, грянули один за другим два выстрела из «тридцатьчетвёрок» Игоря Масальского и Виктора Музырёва. Они вовремя подошли к этому месту, но чей выстрел был первым - сказать трудно.

Взрыв был бесподобный. Башня с чёрным крестом на броне отлетела далеко в сторону, выдернув несколько берёз с корнями и смяв их своей тяжестью. Вспыхнуло зарево пожарища. Горящие листья срывались с деревьев и летели во все стороны. Пылала обезглавленная коробка танка Т-4 и опушка леса. В это время, прочёсывая рошу, на полевою дорогу, идущую в Радчуки, стали выходить подразделения танкового полка и мотострелки капитана Алабушева.

Мы с Песковым подошли к танку младшего лейтенанта Данченко и молча обнажили головы.

- Коли бы младший лейтенант не стал вытаскивать погибшего водителя из танка, он успел бы уйти в лес, - прервав молчание, сказал рядовой Песков. - Но ему и мертвого товарища было жаль оставить в горячей машине...

Уточнив командирам подразделений задачи, Родионов подошёл к полемому сараю и сел на потемневшее от времени бревно. Он слегка вздрагивал, будто знобило его. Тяжко и горько было на душе. Сидел он нахмуренный, как свинцовая туча. Ещё бы... за каких-то два-три дня и такие потери. Сколько солдат и сержантов полегло. Не стало Ходыревского, Данченко, Огужа... Тяжело ранен Любарь, а тут ещё и Каменкович... «И зачем только разрешил я ему идти в батальон Алабушева?..» - подумал он. «Но разве всё учтёшь...»

Сообщение о тяжёлой контузии полковника Каменковича буквально покорило Родионова. Он сидел и думал о своём замполите, стараясь припомнить все самые мельчайшие подробности о нём, ведь он был самым близким его помощником.

Перед ним почти незримо предстал весь пройденный вместе с Каменковичем путь. Он вспомнил Вольск, где они формировали бригаду, вспомнил бои в междуречье Волги и Дона и многое другое. Всплыли и события, когда он вместе с ним переживал потерю начальника политотдела старшего батальонного комиссара Мишурова и командира танкового полка майора Дорошкевича. Это были тяжёлые, незабываемые утраты. И вот снова то же самое...

«Не сбылась твоя мечта, Марк Моисеевич, - словно беседуя, сказал он про себя. – А ведь ты первым хотел войти с передовым отрядом в свой родной Хорол, где началась твоя жизнь...»

Горькие раздумья комбрига прервал капитан Юдинцев. Он принес радиограмму начальника штаба корпуса генерал-майора Пошкус.

- Читайте, - сказал Родионов.

Юдинцев посмотрел в опечаленные глаза полковника, немного помялся и, словно нехотя, растягивая слова, начал читать радиограмму: «Генерал Обухов тяжело ранен. В командование корпусом приказано вступить мне. Задачи частям и соединениям остаются прежние. 7-ой и 9-ой мехбригадам ускорить продвижение на Должик. Пошкус.»

Родионов тягостно вздохнул. В груди что-то кольнуло. Перед глазами, как в тумане, проплыло озабоченное лицо Обухова. «Как же так, Виктор Тимофеевич?..» - спросил он мысленно, как будто тот был рядом с ним.

- Узнайте, капитан, как всё это с ним произошло? - вдруг обратился он к Юдинцеву. Затем встал и торопливо направился к бронетранспортёру.

К Родионову я подошёл, когда он сел в машину и доложил, что танки вернулись и вышли на своё направление.

- Вот и хорошо, товарищ Цветков, - кивнул он головой. – Соседу помогли, а теперь и свою задачу надо выполнять.

ВСТРЕЧНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ.

Ожесточённый бой с противником за населённые пункты Забуги и Комсомolec Украины бригада вела двое суток. Это было первое встречное столкновение с отдельными группами оснащённых танками Т-6 передовых частей 19-й танковой дивизии гитлеровцев.

С наступлением темноты мотострелки и танкисты вышли в яблоневый сад поселка Комсомolec Украины. Немцы отошли в Должик.

Поставив командирам подразделений задачу - овладеть поселками Должик и Чупаховка, Родионов разрешил дать людям отдых до начала атаки. |

- Пусть бойцы как следует поспят, - сказал он. - Выспаться надо не менее, чем на трое суток.

- Трёх часов на трое суток маловато, товарищ полковник, - улыбнулся Алабушев.

- Прохлаждаться, товарищ Алабушев, нам некогда, - развёл руками Родионов. - Воевать надо.

Родионов и сам знал, что трёх часов маловато, но надо было спешить, пока главные силы 19-й танковой дивизии не подошли сюда. Он посмотрел в загорелые лица подчиненных и добавил:

- У меня всё. Можете идти. Нам, Казимир Дионисьевич, - обратился он к полковнику Стражец, - тоже надо отдохнуть.

Было тихо, даже листья на деревьях не шелестели. В эту необычную тишину лишь врываются отдельные хлопки выстрелов со стороны противника и стрекочущие звуки кузнечиков. Полковник Стражец, вдыхая аромат спелых яблок фруктового сада, ко сну не спешил.

- В такую ночь, Михаил Иосифович, хорошо бы послушать ночную серенаду Моцарта, - словно невзначай обронил он эту давно тлевшую в голове мысль.

- Моцарта и Чайковского после войны послушаем, а сейчас спать, спать, Казимир Дионисьевич, - нехотя ответил Родионов.

Михаил Иосифович завёл будильник и лёг под плащ-накидку. Эти часы с резким звоном он всюду возил с собой. Будильник, по его мнению, в отличие от подчинённых, будит минута в минуту, без всяких поблажек.

У каждого командира бригады были свой причуды. Родионов не расставался с будильником. Командир 9-й мехбригады полковник Павел Иванович Горячев возил с собой ведёрный самовар, который дымил у него везде, и на КП, и на каждой остановке.

Уснуть Родионов сразу не смог. Его одолевали разные мысли. Он лежал и думал, всё ли сделано к предстоящей атаке, и удастся ли пройти через болото перед Чупаховкой. Должик и Чупаховка не выходили из головы. Они, как и другие населённые пункты, были частицей нашей Родины, и ответственность за их судьбу сейчас лежала на нём.

Голова тяжелела. Родионов ворочался с боку на бок, сетуя на усталость. А как только глаза начинали слипаться, перед ним точно наяву появлялись то Огуж, то Каменкович и тут же куда-то исчезали.

Долго перемежались одно за другим гнетущие видения. А когда он, словно в забытьи, начал засыпать, вдруг послышался голос генерала Обухова: «Миша, Должик возьмешь, в болото не лезь, обойди...»

Родионов вскочил, как ужаленный, отбросив в сторону плащ-накидку. Перед ним никого не оказалось. «Померещилось, - подумал он. - к тому же Мишей Виктор Тимофеевич меня никогда не называл... К чему бы всё это?..»

Вздохнув глубоко, Михаил Иосифович посмотрел на яркие звезды чёрной украинской ночи и снова лёг под плащ-накидку, повторяя про себя: «В болото не лезь, Миша, в болото не лезь...»

Многодневная усталость и душевное напряжение вдруг навалились на него всей тяжестью, и он мгновенно уснул.

Бойцы после непрерывного двухдневного боя спали в саду под яблонями, как убитые. Многие из них даже уснули с прижатыми к щеке ложками, оставив у изголовья котелки с недоеденной кашей. Бодрствовали только боевое охранение и разведчики. Не до сна было в подразделениях парторгам и комсоргам. Они тоже не спали. У каждого из них

накопилось немало заявлений о приёме в партию и комсомол, и все эти заявления надо было разобрать.

На правом фланге, под ветвистой яблоней антоновки, заседало комсомольское бюро первого мотострелкового батальона.

- С просьбой о приёме в комсомол подано восемнадцать заявлений, доложил членам бюро комсорг батальона младший лейтенант Михаил Иванович Карутин. - Часть людей, подавших заявления, мы пригласили на заседание сейчас, а остальных позовём потом.

- Они все уже здесь, - сообщил член бюро сержант Владимир Васильевич Руденко, - они в бой завтра хотят идти комсомольцами.

- Ну что, тогда начнём, - сказал Карутин и зачитал заявление гвардии красноармейца Андрея Цирши. Затем заслушали коротенькую, казалось, ничем не примечательную его автобиографию. Слово для рекомендации взял лейтенант Григорий Иванович Сорока.

- Бойца Циршу я знаю с первого дня пребывания его в батальоне. Храбрый воин. В бою под Панченково он подкрался к вражескому пулемёту и, разможжив прикладом голову пулемётчику, обеспечил продвижение взвода вперёд. В бою под Гудимовкой, - продолжал Сорока, - погиб командир взвода младший лейтенант И.П.Губин. Боец Цирша принял на себя командование взводом и с возгласом: «Отомстим паскудам за смерть нашего комвзвода...» поднял в атаку бойцов. Враг был отброшен с занимаемых позиций. Он представлен к награде.

- Короче, - предупредил Карутин.

- У меня всё, - ответил Сорока. - Предлагаю принять товарища Циршу в комсомол.

- У кого будут вопросы к товарищу Цирше? - обратился к членам бюро комсорг Карутин.

- Кем ты, Андрюша, после войны собираешься стать? - спросил сержант Станислав Мартынович Артюховский.

- Об этом я ещё не думал, но скорей всего геологом, - неуверенно ответил Цирша.

Проголосовали. Боец Цирша был принят в комсомол без возражений. Комсорг пожелал ему новых боевых успехов.

Таня Шербова, прижавшись к тёмному стволу яблони, с приветливой улыбкой кивнула Цирше, поздравляя его со знаменательным событием. Она радовалась за него. Ей казалось - будь все комсомольцами, и война скорей бы закончилась.

А заседание бюро продолжалось. Младший лейтенант Карутин зачитал заявление и анкетные данные начальника батальонной рации гвардии старшины Ермакова Ярослава Поликарповича. Ермаков, как и Цирша, коротко рассказал о себе. Заверил членов бюро, что в схватке с врагом не пожалеет ни сил, ни самой жизни.

Таня Щербовая, затаив дыхание, слушала его с вниманием и в то же время думала: «Какое хорошее имя у него - Ярослав! Дома, наверное, величали - Славик, Слава, а здесь ребята иногда в шутку зовут его Ярослав Мудрый... Был такой князь на Руси. Говорят, он дочь свою выдал замуж за французского короля. А если у нашего Ярослава будет дочь, интересно - за какого короля он выдаст её?..»

Озорные думы Тани прервала горячая речь члена бюро гвардии рядового Степана Тимофеевича Анисова.

- С товарищем Ермаковым в батальон мы пришли вместе. В бою он настоящий воин, страха не знает, - говорил Анисов. - Рацию бережёт, как малое дитё. При налёте вражеской авиации под Гудимовкой Слава увидел падающие на него авиабомбы и не сдрейфил. Он, чтобы спасти рацию, укрыл её своим телом... Взрыв бомбы произошёл совсем рядом. Комья земли, - продолжал Анисов, - сбили у него с головы пилотку, издолбили спину, но рация была спасена. Контузию товарищ Ермаков перенёс, не уходя с поля боя. Предлагаю принять его в комсомол.

- Правильно, - раздались голоса, - не возражаем.

Следующее заявление о вступлении в комсомол поступило от санинструктора батальона гвардии сержанта Щербовой Татьяны Ивановны, объявил комсорг Карутин.

Услышав свое имя, Таня вздрогнула. Сердце на какое-то мгновение замерло. На лице появился яркий румянец. Бойкие глаза насторожились. Но тут же, осилив свое волнение, она подошла к столу, сложенному из нескольких снарядных ящиков, и приготовилась к самому ответственному моменту в своей жизни. Душевное состояние у неё было такое же, как и во время принятия воинской присяги.

Комсорг батальона продолжал:

- Татьяна Игнатьевна Щербовая родилась... - но тут он запнулся, посмотрел на членов бюро и промолвил, - а когда, это не важно...

- Как это не важно?.. - вдруг прервала его Таня. - Возраст скрывать здесь незачем, не такая уж я старая... Мне и двадцати ещё нет... Родилась я в 1923 году на Украине... - начала она рассказывать немудрёную историю своей жизни.

Члены бюро, словно впервые увидели Таню, устремив свои взоры на её стройную фигуру. Таня стояла перед ними, как на духу, смиренно, в аккуратно пригнанном обмундировании, в лёгких брезентовых сапожках. Из-под берета у неё выбились светлые пряди волос, а когда говорила, зубы блестели, как жемчуг. В батальоне Таню любили за высокую нравственность и смелость, за отзывчивость и трудолюбие. Она не боялась никакой работы.

После выступления Тани, младший лейтенант Михаил Карутин добавил:

- В бою Таня проявила себя настоящей героиней. Под Гудимовкой в чаду огня и дыма вытаскала с поля боя 7 тяжелораненых бойцов, оказав им первую помощь...

- Зря-то уж не расхваливайте, - бросила реплику Таня, вызвав улыбки у присутствующих. - Спасать раненых - моя обязанность.

- Кем, товарищ Щербовая, вы собираетесь стать после войны? - спросил Анисов.

- Врачом. - не задумываясь выпалила Таня.

- Скажи, Таня, для чего ты вступаешь в комсомол? - поинтересовался Руденко.

- Чтобы увереннее крушить врагов нашей Родины, - ответила Таня.

Мечта Тани Щербовой стать врачом не осуществилась. Она погибла в бою под Ригой в сентябре 1944 года.

- Мне хотелось бы напомнить Тане, - начал своё выступление Артюховский, - чтобы она поменьше рисковала на поле боя, не лезла под пули...

- Не агитируй, Стёпа, не поможет... - прервала его Таня - Раненых без помощи не оставлю.

Заветная мечта Тани исполнилась, она стала комсомолкой. Её охватило радостное волнение. Она была на седьмом небе.

... Заседание бюро продолжалось до начала утренней атаки.

Ранним утром, когда солнечный свет ещё стелился по верхушкам деревьев, бригада повела наступление на Должик. Артподготовки не было. Почти не было... Родионов не хотел разрушать дома в посёлке.

- Постарайтесь, Михаил Дмитриевич, вести огонь так, чтобы постройки сохранить, - предупредил он майора Рябова. - Иначе негде будет жить людям.

Наступать на Должик было нелегко. Должик стоял на возвышенности, как на ладони. Справа, примыкая к огородам, раскинулось покатое поле, упираясь западной стороной в разросшийся на луговине мелкий кустарник. Слева, рассекая часть домов поселка, по узкой ложине протекала небольшая речушка Ташань. За поселком было озеро и топкое болото, но с наблюдательного пункта Михаила Иосифовича Родионова эта часть местности не просматривалась.

Когда танкисты и мотострелки приблизились к Должику, навстречу им вышли немецкие танки и автоматчики. Шли они неторопливо, то и дело прячась за домами. Огонь вели вяло, а затем вдруг начали пятиться, как бы заманивая наши танки ближе к поселку.

Родионов внимательно смотрел за ними и в то же время не упускал из виду фланги, фланги беспокоили его больше всего: сосед справа отстал, а слева с 9-й гвардейской мехбригадой образовался разрыв. Опасность здесь могла возникнуть в любом месте.

Наблюдая за ходом боя и местностью, Родионов вдруг заметил какое-то неуловимое движение в кустарнике правее поселка. Это насторожило его. Вскоре он понял замысел врага, отвлекающего своим маневром в посёлке внимание наших танкистов. Он увидел, как

гитлеровские солдаты, раздвигая кусты, выкатывали орудия прямой наводки для кинжального удара по нашим «тридцатьчетвёркам» с фланга.

- Рябов!.. Где Рябов?.. Цветков, предупредите танкистов, - взволнованно крикнул Родионов.

Его как иглой кольнуло, он был сам не свой. Но, к счастью, в это время «семидесятки» неполной роты старшего лейтенанта Бузюна, действующие уступом справа под прикрытием зарослей ивняка, наткнулись на эту батарею и атаковали её с тыла. Гитлеровцы, не успев занять огневые позиции, бросили свои орудия и разбежались.

- Разве дозовёшься артиллеристов, - сердито проворчал Родионов, - Молодец Бузюн!.. Товарищ Цветков, - обратился он ко мне после короткой паузы, - представьте его к нагр...

И не успев закончить мысль, он увидел, как слева из-за реки Ташань выкатившиеся из сараев вражеские орудия ударили по нашим левофланговым танкам. Одну «тридцатьчетвёрку» подбили у околицы, а вторая запылала за крайней хатой у спуска к реке.

- Рябов!.. - строго скомандовал Родионов и показал рукой в сторону вражеских орудий.

Залп нескольких пушек артиллерийского дивизиона смял эти орудия, а затем огонь был перекинут в посёлок, куда гитлеровцы стали откатываться после неудачи чтобы сковать наши танки ударом с флангов перед северной окраиной посёлка.

Подразделения бригады ворвались в Должик.

... Почувствовав, что теперь мне на командном пункте командира бригады делать нечего, я попросил у него разрешения подскочить в посёлок, ближе к танкам.

- Надо ли?.. - посмотрел Родионов мне в глаза. – А, впрочем, как хотите, - махнул рукой и наставительно добавил: - Только под огонь не лезьте.

На свой наблюдательный пункт Родионов пригласил меня перед атакой, когда танки и мотопехота находились ещё на исходной.

- Отсюда Вам будет видней, Николай Васильевич, - пояснил он мне, впервые назвав меня по имени и отчеству.

В то время я не знал, что он, имея в виду выдвинуть меня на должность начальника штаба бригады, присматривался ко мне.

Танкисты капитана Михаила Гавриловича Ахремова и мотострелки лейтенанта Ивана Николаевича Балашова вели жаркий бой с противником на задворках левее поселка, на обросшем фруктовыми деревьями берегу реки Ташань.

В гуще садово-огородного участка взрывы снарядов и мин рвали молодую зелень, рушили посадки плодовых растений, высоко поднимали столбы чернозёма с унавоженных гряд.

В яркой зелени сада кострами пылали фашистские танки и арттягачи, неуклюже сутулились перевернутые орудия и разбитые зарядные ящики, а между гряд блестяще-желтым отливом сверкала россыпь гильз бронебойных и осколочных снарядов. Дымились и наши танки.

Вблизи горящих машин от нещадной жары гнулись ветви слив и вишень, а листья, мгновенно свёртываясь, вспыхивали, как ружейный порох.

Впереди, в промежутках между кустистых акаций, то и дело мелькали угловатые каски вражеских солдат. Гитлеровцы, упорно сопротивляясь, нехотя отползали назад к южной окраине Должика. Натиск наших гвардейцев с каждым часом всё больше и больше нарастал.

Правофланговая танковая рота вела бой в самом посёлке, маневрируя между домами. Оттеснив противника с прямой улицы, взвод лейтенанта Михаила Андреевича Кудрявцева вышел на задворье правого ряда домов, где посреди огорода чернела огромная воронка от авиабомбы, в которую, казалось, уместилась бы вся накренившаяся по соседству хата вместе с крышей.

Лейтенант Кудрявцев наткнувшись на эту воронку подал команду механику-водителю обойти её справа. Механик-водитель, переключив скорость на низшую передачу и выжав сцепление правой гусеницы, на какой-то миг подставил борт своей машины, неожиданно выскочившему из-за приземистого сарая вражескому танку. Грянул выстрел. Раздался громовой удар фашистской болванки по «тридцатьчетвёрке» Кудрявцева. Но, к большому счастью, удар пришелся не по бортовой броне, а по опорному кольцу поворота башни. Башню заклинило. Звон тяжёлого удара оглушил лейтенанта Кудрявцева. По рукам от башни колочье скользнул электроток, мелкие частицы металла, отлетевшие от брони, впились в лицо и шею. Сердце забилося учащённо.

- Лейтенант, лейтенант, жив?.. - испуганно крикнул в ТПУ механик-водитель.

Кудрявцев молчал. В ушах у него тягуче звенело. На лбу появились бисеринки холодного пота. Затем он, словно очнувшись, решил разделаться с вражеским танком, но башня ни с места, как будто прикипела к опорному кольцу. Орудие смотрело в сторону. Кудрявцев нервничал, начал суетиться около поворотного механизма, а башня продолжала упрямо стоять на одном месте. «Что делать?..» - кипело на душе.

А из вражеского танка снова сверкнул выстрел, но на сей раз бронебойный снаряд, как острый стеклорез, прочертил со скрежетом наружную часть башни и взмыл вверх куда-то за посёлок.

Кудрявцев начал уже терять равновесие - не знал, как быть.

- Где же Масальский?.. Где Чапелин?.. - сердито кричал он в шлемофон радисту.

И в этот момент его подчиненные - Масальский и Чапелин, словно по чьей-то команде почти одновременно громыхнули из орудий своих «тридцатьчетвёрок» по фашистскому танку.

Раздался мощный взрыв. Над танком противника взвился тёмно-оранжевый зонт огня. Остов машины запылал чадным костром, перекинув сноп пламени на соломенную крышу сарая.

Кудрявцев ожил. У него словно камень с плеч свалился, на душе стало легче. Он даже стал гадать: кто же Масальский или Чапелин выручил его из беды... Кудрявцев не знал, что выстрелы были произведены с обеих «тридцатьчетвёрок» одновременно, он не уловил это.

В бою такие случаи были нередко, когда по одной и той же цели били несколько орудий, а потом разбирались - кто поразил цель и разбирались не просто из любопытства, а потому, что в то время за каждый подбитый танк противника давали денежное вознаграждение в сумме пятьсот рублей.

Взглянув мельком на горящий танк противника, Масальский прикинул в уме: «Третий на моем счету, неплохо...» А Чапелину казалось, что это дело его рук.

Механик-водитель «тридцатьчетвёрки» Масальского сержант Родионов в этот момент даже не преминул бросить реплику по ТПУ:

- Опять полтыщи, товарищ лейтенант!.. Куда только деньги будете девать?..

- В фонд обороны, - ответил Масальский и добавил: - Чем бухгалтерией заниматься, Женя, лучше за местностью и противником смотри.

Бой не утихал. Выстрелы и взрывы рвали воздух, деревья и дома, сотрясая землю. Во второй половине дня, после упорной схватки, противник из Должика был отброшен, а вскоре и луговина перед болотом была полностью от гитлеровцев очищена.

Стало тише. Ружейно-пулемётная трескотня прекратилась, и лишь артиллеристы с той и другой стороны болота продолжали изредка напоминать о себе.

Поздно вечером, когда над задымлённой боем окрестностью опустились мутные сумерки, командиры подразделений начали уточнять свои потери и нанесённый врагу урон.

- Кто из вас подбил фашистский танк около сарая? - спросил командир взвода лейтенант Кудрявцев Масальского и Чапелина.

- Я, товарищ лейтенант, - доложил Масальский.

- Как это ты?.. - вдруг взъерошился Чапелин, - когда я ударил по этому танку.

- М-да... Понятно, - вздохнул Кудрявцев. - Ну хорошо. Кто из вас виновник - разберёмся на месте. Пошли, - махнул он рукой.

Масальский и Чапелин шли за командиром взвода молча, недоумённо посматривая друг на друга. К подбитому танку они подошли с подветренной стороны. Смоляной липкий дым всё ещё обволакивал броню закопчённого остова машины. Башня с потемневшим стволом орудия лежала в стороне, уткнувшись дулом в помятую зелень кукурузы. Сарай догорал.

- Ну что, поздравляю вас обоих, - показывая рукой на две зияющие пробоины на бортовой броне фашистского танка, вымолвил лейтенант Кудрявцев. - Молодцы!

Масальский и Чапелин не удержались, обнялись и, похлопав друг друга по плечу, заулыбались.

- Что-то, Федя, плохо мы с вами двигаемся, - заметил я шоферу, оторвавшись от навязчивых дум о боях на Украине. - Так и до утра до Панино не доберёмся.

- Так тильки разве от мене це зависит, товарищ майор, - вспыхнул Богуненко. - Комбаты там впереди ругаются, шумят як на толкучке, а машины ни с места...

- Ну хорошо, пусть шумят, успеем, не на блины к теще едем, - успокоил я его и решил ни о чем больше не думать, а просто немного отдохнуть. Но, как ни старался отбросить все думы об этих боях, а так и не смог.

Передо мною снова, как наяву, предстали Должик и рубеж после него, где наша бригада упёрлась в заболоченную долину.

Отбросив передовые части противника с Должика, мы тем самым предотвратили готовящийся его удар по левому флангу 47-й армии.

После этого немецко-фашистское командование, почувствовав угрозу коммуникациям своей Ахтырской группировки, подбросило на линию Аленино - Чупаховка огромное количество огневых средств с целью задержать наше наступление. Здесь гитлеровцы, прикрываясь болотистой местностью, вели усиленный артобстрел наших боевых порядков и непрерывно бомбили с воздуха.

Попытки нашей и 9-й гвардейской мехбригады прорваться через болото к Чупаховке ни к чему не привели. Много мы потратили сил и энергии на устройство проходов и преодоление этой болотистой долины, но всё было безрезультатно. Противник, занимая выгодные позиции, все наши атаки легко отбивал.

Полковник Родионов стал искать выход из создавшегося положения. Он, прежде чем доложить свои соображения командиру корпуса, решил уточнить, какими силами противник занимает высоты в полосе правого соседа, ещё не подошедшего к этому рубежу. Он выслал туда разведку.

- Нам, Казимир Дионисьевич, надо захватить вот эти высоты, - показал он полковнику Стражец карандашом на карте, - тогда мы к Чупаховке выйдем справа и атакуем противника во фланг и даже с тыла.

- Правильно, - подтвердил Стражец. - Только к этим высотам надо подойти скрытно и захватить их без боя, иначе и сюда противник подтянет большие силы.

- Ночью, только ночью, - пояснил Родионов, - под прикрытием темноты.

Родионов после выбытия из строя начальника штаба бригады и заместителя по политчасти всё чаще и чаще стал советоваться с полковником Стражец. Он с доверием относился к его предложениям и расчётам на тот или иной бой.

Полковник Стражец в бригаде пользовался большим уважением. Как у него складывалась жизнь до этого, мы не знали, но он под пулями и снарядами ходил не согнувшись. Он был мужественным и обладал невероятным оптимизмом. Откуда у него всё это, мы тоже не знали, видимо ещё с гражданской войны.

- Вы, Казимир Дионисьевич, рискованно ходите во время боя по полю. Помните, снаряд и пуля со званием и должностью не считаются, - заметил Родионов.

- Осторожность, конечно, нужна, но в бою ведь каждому кажется, что погибнет не он, а кто-то другой, - ответил полковник Стражец.

- Рассчитывать на это не советую, Казимир Дионисьевич, - улыбнулся Родионов.

Полковник Стражец был высокообразованный, грамотный офицер, и это вполне естественно, ведь он до прибытия к нам на стажировку работал старшим преподавателем тактики в военной академии имени М.В. Фрунзе. Для нас он был настоящей военной энциклопедией. Мы по всем вопросам тактики и истории военного искусства обращались к нему, и он на все вопросы давал нам обстоятельные ответы.

... Разведка донесла: на возвышенности справа у противника силы незначительные. Солдаты проводят окопные работы. В боевых порядках замечено лишь несколько орудий и миномётов. Танков нет.

Эти данные окончательно уверили Родионова в необходимости совершить глубокий охват противника справа и нанести ему удар с тыла. Он доложил свои соображения командиру корпуса.

Генерал-майор Пошкус одобрил его замысел и одновременно сообщил, что 9-я гвардейская мехбригада в это же время будет совершать обход болота слева.

- Ну что ж, Казимир Дионисьевич, вот Чупаховку и Зеньков возьмём, и Вы вернётесь обратно в Москву, снова будете учить молодежь военному делу, - сказал Родионов.

- Знаете, Михаил Иосифович, мне не очень хотелось бы уходить из бригады, - ответил Стражец. - Здесь нет никаких условностей, все задачи решаются практически.

- Правильно, но теперь Вы подкрепили свои теоретические знания практикой и Вам значительно легче будет обучать слушателей в академии, - пояснил Родионов. |

- Так-то оно так, но мне хотелось бы ещё поучаствовать с бригадой в бою при форсировании широкой водной преграды, - глубоко вздохнул Стражец. - Ведь Днепр уже не за горами.

У Казимира Дионисьевича теперь из головы не уходила мысль о встрече с Днепром, но срок его стажировки в бригаде приближался к концу, и это беспокоило его.

В 19.00 в блиндаже полковника Родионова собрались командиры подразделений и частей. Последним втиснулся комбат Алабушев. Когда все расселись и приготовились выслушать боевую задачу, Ляхович подумал: «Неужели опять полезем через болото?..»

Комбаты Борисов и Гарбузов что-то шёпотом доказывали друг другу. Рябов и Ажгибков над чем-то смеялись. Дождавшись, когда все успокоятся, Родионов взял со стола приказ командира корпуса, подержал его в руке, а затем положил обратно на место и, оглядев застывшие в напряжении лица подчинённых, сказал:

- Топтаться у кромки болота больше не будем. Комкор разрешил обойти болото справа, нанести удар по противнику с фланга и к утру овладеть населёнными пунктами Аленино и Чупаховка.

Сделав паузу, словно для того, чтобы каждый из присутствующих усвоил предстоящий маневр, он поставил задачи подразделениям и частям.

Комбаты легко вздохнули.

- Правильно, болото не для нас, не для механизаторов, - промолвил Алабушев.

Майор Ляхович тоже повеселел. Он пуще всего боялся загнать танки в трясины.

- Ну что, если всё ясно, доведите задачу до каждого бойца, - сказал в заключение Родионов. - А с занимаемых позиций, - напомнил он, - будем уходить ночью, скрытно, по моему сигналу.

Как мы упустили врага из Чупаховки и Аленино, я до сих пор понять не могу. То ли мы долго копошились с перестроением боевых порядков при переходе на соседний участок справа, то ли противник разгадал наш замысел охвата его позиций с двух сторон, но факт остаётся фактом - он молниеносно смотался с этого рубежа.

... На высоте соседнего участка вражеский заслон мы легко смяли, а когда повернули подразделения для удара противнику во фланг, разведка донесла: гитлеровцев в Чупаховке и Аленине нет. Это известие для Родионова было, как гром среди ясного неба. Он на какое-то мгновение даже замер и, казалось, слова вымолвить не мог.

- Выходит перехитрил нас враг, Михаил Иосифович, - прервав молчание, выдохнул полковник Стражец.

- Хитрость тут не ахти какая, но коль проморгали, теперь надо догонять его, не дать ему закрепиться на новом рубеже, - сердито сказал Родионов.

- Это же редчайший случай, Михаил Иосифович, когда противник уходя не озарил ночное небо ни одним пожарищем, - философски рассудил полковник Стражец.

- Маскировка, Казимир Дионисьевич, маскировка... А иначе мы сели бы ему на хвост, - пояснил Родионов.

Бригада спешно начала готовиться к преследованию противника. Подразделения вытягивались в походные колонны вдоль просёлочной дороги, идущей на юг. Темень украинской летней ночи невольно внесла в действия подразделений сутолоку и нервозность. Отдельные танки и арттягачи не находили свои места в общей колонне.

Крики и ругань командиров сливались с шумом и грохотом машин. Но вскоре вся машина бригады тронулась с места. Поля и перелески впереди были окутаны мглой, и лишь

то нарастающий, то удаляющийся рокот боевых машин, да искры, вырывающиеся из выхлопных труб, указывали, где идут наши танки.

Родионов на ходу передал командиру корпуса: начал преследование отходящего противника.

Населённые пункты Николаевку, Гусарщину и Удовиченко мы заняли без боя. В Удовиченко, подтянув подразделения, заправили машины горючим и снова двинулись вперёд. А как только забрезжил рассвет, танки, артиллерия и мотопехота вошли в деревню Левченко и тут их дальнейшее продвижение противником было приостановлено. Бригада подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. Вслед за этим началась контратака немецких танков и пехоты. Разгорелся ожесточённый бой.

Бой перед населённым пунктом Левченко на рассвете 26 августа 1943 года, к нашему удивлению, начался как-то неожиданно. Действующая впереди разведка, наткнувшись на вражескую засаду, не успела вовремя донести штабу о встрече с противником. Бригада, ничего не подозревая, втянулась в деревню Левченко и тут же была внезапно накрыта артогнём противника. Подразделения бригады развернулись для боя, заняли огневые позиции между домами.

Дома в Левченко были построены в один ряд и обращены лицом в полуденную сторону. Перед деревней, откуда противник вёл огонь, красовалось широкое поле, а позади её зеленели сады и огороды, упираясь тыльной частью в тонкую, почти непроходимую ложину с заболоченной поймой и небольшим ручьём. Дорога, идущая с Удовиченко, пересекала эту болотистую ложину и одновременно делила Левченко на две равные части, словно на два раскинутых крыла. Через топкий ручей был построен деревянный мост, связывающий деревню Левченко с северной её окрестностью.

Перед Левченко разгорелся лобовой бой. Навстречу нашей бригаде выкатилась целая армада фашистских танков, артиллерии и пехоты, поддерживаемая бомбовыми ударами с воздуха. С гулким грохотом гремели выстрелы танковых и артиллерийских орудий, звонко грохали тяжёлые миномёты. Без умолку стучали бронебойки и противотанковые пушки. Над частоколом разрывов клубились космы дыма и пыли. Шёл непрерывный треск немецких пулемётов МГ и наших «максимов». Стрельба была торопливая, суматошная. По всему полю перед деревней полыхали взрывы снарядов и мин, раздавался мощный рёв танковых моторов и душераздирающий скрежет стальных гусениц. По всему полю и по всей деревне плыл тошнотворный запах взрывчатки.

Наткнувшись перед Левченко на непреодолимое сопротивление наших «тридцатьчетвёрок», артиллерии и миномётов, гитлеровцы стали на поле боя маневрировать. Танки, идущие во втором эшелоне, начали растекаться по сторонам, стараясь охватить наши открытые фланги справа и слева. Нарастала угроза окружения...

Вскоре несколько танков, размалёванных грязно-зелёными пятнами с десантом на броне вышли в обход слева и приближались к штабу корпуса. Штаб корпуса отошёл в Нигули.

Командир корпуса генерал Пошкус передал полковнику Родионову: во избежание ненужных потерь отвести бригаду из Левченко к населённому пункту Гусарщина.

В то же время он двинул из своего резерва 35-ю гвардейскую танковую бригаду к Гусарщине с целью совместными усилиями с 7-й гвардейской мехбригадой остановить прорвавшегося противника, а затем отбросить его назад.

Родионов, поморщив лоб, мысленно ругнулся. Приказ об отводе бригады из Левченко, где она, как казалось, ведёт успешно бой, произвёл на него гнетущее впечатление. Ему не хотелось оставлять Левченко. Он даже, используя свой резерв, приостановил противника, стремящегося охватить правый фланг бригады. Но приказ есть приказ.

Находясь на командно-наблюдательном пункте правее Удовиченко, Михаил Иосифович отдал распоряжение капитану Юдинцеву - передать по радиации командирам подразделений приказ о переходе поочередно к населённому пункту Гусарщина под прикрытием танков Т-34.

Приказ комбрига спешно начали передавать - радист сержант Нурали Абушаев с радиации, установленной на «виллисе» полковника Родионова и старшая радистка сержант Софья Богуславская с штабной радиостанции.

- Днепр, Днепр, я Волга... - стала вызывать командира танкового полка Соня.

А над головой фашистские самолёты, как чёрные демоны, с воем кружились, бросая разнокалиберные авиабомбы.

- Днепр, Днепр, я Волга. Как слышите...

И в это мгновение где-то вблизи раздался трескучий взрыв... Машина с радиостанцией, подпрыгнув, окуталась дымом. На лице у радистки появилась кровь, но микрофон из рук она не выпускала.

- Днепр, Днепр... - повторяла она настойчиво, а пламя уже подбиралось к её платью.

- Соня, бросай микрофон, выходи из машины, - истерично крикнул в открытую дверцу начальник радиостанции старшина Пётр Фёдорович Черноусенко.

- Как же брошу, когда радиограмма не передана, - ответила она.

И в это время снова правее автомашины взорвалась авиабомба. Старшину Черноусенко взрывной волной отбросило в сторону. Автофургон с радиостанцией, рассечённый горячими осколками, покачнулся и запылал ещё сильнее. Соня, охваченная огнём, осталась в горящей машине. Сони Богуславской не стало.

Вскоре штаб бригады перешёл в Гусарщину. Родионов ещё какое-то время продолжал с контрольно-наблюдательного пункта наблюдать за отрывом подразделений от противника и переходом их на новый рубеж.

Боевых машин в нашем танковом полку осталось немного: две роты, да и те неполные. Шли они из-под Чупаховки в голове колонны бригады. Перед рассветом 26 августа 1943 года в Удовиченко мы, как и вся бригада, сделали небольшую остановку, дозаправили

машины горючим и боеприпасами. Но к огорчению танкистов, у заправщиков машин не оказалось моторного масла. Майор Ляхович вспыхнул:

- Вы чем думали?.. - горячась, сказал он помпохозу. - Чтоб к утру масло было в полку - приказал он ему.

В танке лейтенанта Масальского выскочила масляная пробка и всё масло из бачка и масляного радиатора вытекло, осталось лишь немного в картере двигателя. Что делать, пришлось доложить командиру полка. Майор Ляхович, косо посмотрев на лейтенанта Масальского, сказал:

- Ну что ж, до Левченко, надеюсь, доползете, а там, как только подвезут масло - дозаправитесь и догоните полк.

Утром, как только забрезжил рассвет, полк тронулся с места. Мы с командиром полка подскочили вперёд, проверили состояние моста через небольшую речушку перед населённым пунктом Левченко и вышли к домам у прогона, чтобы пропустить боевые машины. Но когда колонна танков проскочила через деревянный мост, втянулась в узкий прогон этой деревни, внезапный артогонь противника и налёт авиации вынудили нас развернуть боевые машины для встречи врага и занять огневые позиции между домами вперемешку с орудиями артдивизиона, идущего за полком.

Началась боевая схватка. Мотопехота, приняв на ходу боевой порядок, расположилась впереди танков и домов по ту сторону улицы и на флангах. Бойцы лежали в неглубоких ячейках, наспех вырытых малыми саперными лопатами или же устраивались в появившихся воронках от авиабомб. Вокруг них рыхлили землю вражеские снаряды, рвались мины. Горячие осколки с вибрирующим всем проносились над их головами. Шёл невероятный грохот. На поле пылали вражеские танки, горели и наши машины.

Майор Ляхович, приняв радиограмму командира бригады передал мне:

- Противник обходит наши фланги. Получен приказ отойти к Гусарщине. Полк, прикрывая отход подразделений бригады, будет уходить последним по дороге, идущей на север через безымянную речушку. Идите к мосту и организуйте охрану его.

Берега безымянной речки около моста были покрыты зарослью кустарника. Мост с северной стороны почти не просматривался. В этот густой чапыжник для охраны моста я поставил «семидесятку» старшего лейтенанта Н. К. Бузюна, одну оставшуюся из его роты в полку. Задачу старший лейтенант Бузюн повторил, но был он чем-то встревожен. Его беспокоило какое-то предчувствие. На лице у него была рассеянность - как будто он что-то потерял. А затем, словно спохватившись, спросил:

- Когда мне сниматься с этого рубежа?

- Вместе с полком, - ответил я.

Стрельба в это время раздавалась уже не только впереди, но и на флангах. Зачастили автоматные очереди где-то и позади нас, и это меня насторожило.

От танка Т-70 старшего лейтенанта Бузюна я направился к штабу полка, расположившегося в метрах трёхстах перед Удовиченко. Когда вышел на открытое место

вдруг увидел левее себя картину, которая меня словно током ударила. Я был вне себя. В направлении меня бежали наши мотострелки во главе с командиром взвода, а за ними, с беспорядочной стрельбой, увязались фашистские автоматчики. Впопыхах я выхватил пистолет из кобуры и бросился навстречу этому взводу с истошным криком:

- Стойте!.. Кругом!.. В атаку!.. - и, конечно, добавил ещё что-то крепкое...

Мотострелки повернулись и залегли, открыв огонь по противнику. Гитлеровцы остановились и, прижав автоматы в живот, тоже стреляли, но стреляли уже и по мне, стреляли торопливо, суматошно, не прицеливаясь. Я, не обращая внимания на фонтанчики пыли от пуль перед собой, бежал в разгорячённом состоянии к мотострелкам, чтобы поднять их в атаку. Шинель у меня широко распахнулась и она, как потом оказалось, была пробита пулями в нескольких местах.

В то же время из густого чапыжника, где стояла «семидесятка», выбежал с тревожным криком старший лейтенант Бузюн:

- Товарищ майор!.. Товарищ майор!.. - но, не добежав до меня, упал...

В этот момент, размахивая пистолетом, я поднял мотострелков в атаку. Они с криком «Ура!» погнали вражеских автоматчиков назад.

Конечно, этот взвод мог бы ещё там, где он находился, побить этих гитлеровских автоматчиков, но сделать это он не сумел и привёл их сюда. Фамилию командира мотострелкового взвода я умышленно не упоминаю, воевал он неплохо.

Когда я вернулся и подошёл к старшему лейтенанту Бузюну Николаю Кузьмичу, он скрючившись лежал на земле и тяжело стонал. Вражеская пуля пробила его левый бок и застряла где-то внутри тела. Увидев меня, он, словно чего-то испугавшись, хотел рывком приподняться, но режущая, нестерпимая боль в животе вдруг усилилась, перед глазами поплыли тёмные круги, он снова прижался к земле, он понял, что с ним случилось.

- Зачем же Вы, Николай Кузьмич, выбежали ко мне? – сказал я. - Уж лучше бы танк вывели сюда.

- Мне Вас стало жаль... я думал пока сажусь в машину, Вас могут ... Я хотел оттащить Вас к своему танку... - сказал Бузюн, преодолевая острую боль.

- Вот видите, как нехорошо получилось, - развёл я руками.

Медиков и автомашины вблизи не оказалось. Вскоре к месту, где лежал товарищ Бузюн, подошла его «семидесятка» и со стороны штаба полка прибежали мои заместители: майор П.И.Ялоза и капитан И.И. Котенко.

Когда я распорядился срочно отвезти его на танке Т-70 в медсанвзвод на операцию, Бузюн как-то передёрнулся. Им овладела тревога, а может и затаённый страх, упрямый где-то в глубине души. Ему было не по себе. Ему, видимо казалось, что он не выдержит операцию и больше не вернётся в строй.

Больших трудов стоило нам устроить его на танк. Майор Ялоза сел на машину снаружи, а товарищ Котенко, механик-водитель и я осторожно подняли Николая Кузьмича на руки майору Ялозе.

- Ну что ж, дружище, выздоравливайте... Хотели меня спасти, а вот как получилось нехорошо... - тяжело вздохнул я, попрощавшись с ним.

Часом позже старший лейтенант Бузюн лежал уже на операционном столе, но спасти ему жизнь так и не удалось, погиб наш ротный командир «семидесятка», отважный воин, душевный человек. В моей памяти он остался навсегда.

- Товарищ майор, а что этот мотострелковый взвод, струхнул что ли?.. - Вдруг спросил меня осторожно капитан Котенко.

- Нет, не струсил... этот взвод прикрывал переход своей роты на новый рубеж, но... выполнив задачу, не сумел оторваться от противника и, перепутав направление, привёл его сюда.

В начале боя у лейтенанта Масальского не выходила из головы мысль об отсутствии смазки в двигателе. Он даже не стал отводить далеко свой танк от прогона, а поставил его тут же за вторым домом, тогда как остальные машины заняли свои места согласно боевому расчёту. Он больше всего боялся, что во время боя при совершении того или иного манёвра заклинит двигатель, и его танк окажется неподвижной мишенью для врага.

Маскируя машину, он видел впереди себя идущие под острым углом по отношению к нашим боевым позициям вражеские танки. Среди них были «тигры» и «фердинанды», шли они на большой скорости и в довольно плотных боевых порядках, стреляя не прицельно, наугад. Но, когда наши танкисты ударили по ним ответным огнём, они как бы опешили и, поломав боевую линию, ещё больше скучились, подставив в нашу сторону левые борта. Нашим танкистам стрелять стало легче, несколько вражеских машин запылало. Орудийный грохот усилился. Горели и наши танки.

Вращая перископ, Масальский увидел правее себя, как окуталась дымом «тридцатьчетвёрка» лейтенанта Ивана Александровича Чапелина. Она, не успев занять своё место между домами, была подбита посреди улицы.

Игоря это огорчило. Он решил расчитаться за «тридцатьчетвёрку» своего друга. Вначале его выстрелы не достигали цели, он нервничал. Затем успокоился и стал целиться более точно и в результате порвал гусеницу у одного «тигра». Гусеница сползла с катков и вражеский танк потянуло влево. Совершив крутой поворот, «тигр» подставил Масальскому корму. Масальский мгновенно произвёл выстрел, и «тигр» запылал.

- Горит, горит... - закричал в ТПУ механик-водитель Родионов.

- Не шуми, Женя, это ещё не победа, - огрызнулся Масальский и перенес огонь по другой цели.

Стрелял Игорь с азартом. Тремя выстрелами подбил ещё один танк противника, заклинив ему башню.

- Этот танк, лейтенант, теперь тоже не страшен, - опять выдохнул в ТПУ Родионов.

- Помолчи, Женя, не жужжи под руку, - одёрнул его Масальский и стал ловить очередную цель.

Что скрывать - «тигры» и «фердинанды» были грозные машины. Они имели 88 миллиметровые пушки, и наши танкисты вначале побаивались их. Но затем, когда подбили несколько таких машин, обрели уверенность в своих силах и уже не боялись их.

Смело действовали и артиллеристы капитана Ажгибкова. Они на руках выкатывали свои 75 миллиметровые пушки и вели беглый огонь прямой наводкой. Но, несмотря на упорное сопротивление наших подразделений, противник усиленно жал со всех сторон.

Командир взвода лейтенант Кудрявцев, дрожащим от нервного напряжения голосом передал по радиации лейтенанту Масальскому:

- Мотопехота, артиллерия и наши танки переходят на новый рубеж. Наш взвод прикрывает дорогу идущую в тыл через прогон к мосту... Вы будете отходить последним... Последним...

- Понял Вас, - ответил Масальский, - понял, но... - и вдруг запнулся, он хотел напомнить, что смазки-то в двигателе нет. - А впрочем будь что будет, - махнул он рукой.

Мотопехота, артиллерия и танки, отползая за дома, спешно уходили по задворкам и деревянному мосту, направляясь на новый рубеж.

Лейтенант Масальский, перед тем, как отойти из Левченко, увидел невесть откуда появившийся перед ним вражеский танк. С перепугу он ударил броневой снарядом в лобовую часть его башни и, видимо, только ослепил на какое-то время экипаж, судя потому, что экипаж не сразу стал искать цель, которая нанесла по нему удар.

У Масальского нервы не выдержали, он приказал механику-водителю подать машину назад. Когда Родионов тронул танк назад, сучья деревьев отогнутые башней в стороны, сошлись и танк Т-34 противнику стал не виден. Масальский вытер обратной, стороной ладони пот со лба и устало выдохнул экипажу в ТПУ:

- Надо уходить... Никого здесь наших не осталось...

Затем, кашлянув, он с хрипотой в голосе подал команду механику-водителю:

- Женя, в прогон и на Гусарщину!..

Прикрываясь от прицельного огня противника огородной зеленью, танк с глухим рокотом проскочил по задворкам в лощину, к деревянному мостику и здесь он оказался в мертвом, не поражаемом пространстве: вражеские снаряды летели через головы.

Масальский, вспомнив, что он уходит последним, проскочив через мост, остановил танк и, чтобы задержать здесь противника, двумя выстрелами осколочными снарядами разрушил мост.

Состояние экипажа было тревожное: ни у кого не уходила из головы мысль об отсутствии в двигателе смазки.

- Товарищ лейтенант, что будем делать, если двигатель заклинит? - спросил механик-водитель.

- Будем сражаться до последнего снаряда, - ответил Масальский.

Другого ответа от командира танка механик-водитель и не ждал, он спросил лишь для того, чтобы как-то успокоить себя.

Продвигаясь по лощине «тридцатьчетвёрка» какое-то время была вне поля зрения противника, а как только поднялась на возвышенное место, сразу же оказалась в зоне обстрела вражеских орудий. Бронебойные болванки с шепелявым свистом летели одна за другой, но ... пока везло, попадания не было. Правда, длилось это недолго.

Вскоре вражеские болванки сбили с крыльев танка запасные бачки с горючим и запасные ящики с боеприпасами, (и как только они не взорвались?..) Но Игорь Масальский, как всё это произошло, не видел. А когда он вспомнил про эти ящики со снарядами, его охватил испуг. Он понял - одно прямое попадание по ним и над танком произойдет огромной силы взрыв.

Чтобы предотвратить этот взрыв, Масальский решил сымитировать горение машины, ввести противника в заблуждение, обмануть его, а затем подползти к жалюзи трансмиссионного отделения и сбросить ящики с крыла танка.

Долго не думая, он зажёг дымовую шашку и, как только приоткрыл крышку верхнего люка, чтобы положить шашку на башню, глазам своим не поверил - ящиков со снарядами на крыле танка не было. Он, спустившись на сидение, легко вздохнул.

Дымовая шашка мгновенно окутала густым дымом весь корпус «тридцатьчетвёрки». Гитлеровцы вначале поверили, что танк ими подбит и прекратили вести по нему огонь. А танк, не сбавляя скорости, продолжал стремительно двигаться к Гусарщине, на новый рубеж.

- Не подведи, не подведи, милый... - обращаясь к двигателю, словно к живому, ласково повторял вслух механик-водитель. - Масло в Гусарщине раздобудем, обязательно раздобудем...

Вскоре, окутанный дымом танк подошёл к Удовиченко и, казалось, вот - вот скроется за дома этого населённого пункта. Но не тут-то было!

Гитлеровцы, увидев, что машина уходит, снова открыли по ней огонь и буквально перед домами Удовиченко в трансмиссионном и моторном отделениях раздался оглушительный треск. «Тридцатьчетвёрка», словно споткнувшись о что-то, остановилась. Из-под жалюзи моторного отделения взвихрился сноп огня.

Экипаж по команде лейтенанта Масальского выскочил из машины через люк механика-водителя и направился вслед за мотострелками к Гусарщине. Слегка раненым оказался лишь один заряжающий.

Рваные столбы жирного мазутного дыма высоко поднимались вверх над горящим танком. Игорь Масальский то и дело останавливался и с горечью на сердце смотрел на гибель своей «тридцатьчетвёрки».

Танки, артиллерия и мотострелки бригады отошли из населённого пункта Левченко и заняли огневые позиции севернее Удовиченко, на рубеже перед Гусарщиной. На этот же рубеж командир корпуса выдвинул из своего резерва и 35-ю танковую бригаду полковника Асланова. Гвардейцы двух бригад приготовились к встрече врага.

Гитлеровцы, преодолев безымянный ручей и пологую возвышенность севернее Левченко, с ходу ворвались в никем не занятое Удовиченко. Они спешили, торопились. Они были настроены смять, подавить нас, приостановить наше продвижение вперёд. Ломая плетни между домами и уродуя плодово-ягодные растения на задворках этого населённого пункта, фашистские танки выскочили на открытую местность выскочили и тут же были встречены залповым огнём «тридцатьчетвёрок» и артиллерии со стороны Гусарщины. Рой броневых болванок остановил их. Часть танков окуталась дымом. Остальные машины, сумбурно открыв встречный огонь, начали пятиться назад, в деревню, за дома.

Стрельба прекратилась. Немецкие танки из Удовиченко больше не высывались. На какое-то время наступила тишина, которую изредка прерывали то в одном, то в другом месте взрывы вражеских мин и снарядов. Вот тут-то вскоре и произошло то самое, чего не забыть мне до конца моих дней.

Недалеко от переднего края за Гусарщиной, где как стрелы метнулись ввысь стройные тополя, расположился штаб бригады. Пользуясь затишьем, я зашёл к исполнявшему обязанности начальника штаба капитану Юдинцеву и доложил о состоянии полка, о потерях личного состава и боевой техники. Он на скорую руку занес все данные в блокнот и тут же сообщил мне:

- Части 3-го стрелкового корпуса 47-й армии, действуя правее нас, заняли село Мартыновку. Дальнейшее продвижение их остановлено контратаками противника во фланг с северо-запада. Не исключено, - добавил он, - что ночью наша бригада будет переброшена к Мартыновке. Будьте готовы, там им танки нужны.

Решив с ним ряд других неотложных вопросов, из штаба бригады я направился к себе в полк. В пути меня окликнул полковник Стражец:

- Николай Васильевич, прошу на минутку ко мне, - и показал рукой на место рядом с собой, в тени под ветвистой берёзой. Выглядел полковник усталым и чем-то обеспокоенным. Что-то волновало его.

- Как дела, майор? - спросил он меня.

- Хвастаться нечем, товарищ полковник, - ответил я, - потери большие...

- М-да!.. Многовато они пожгли наших танков... - пожал плечами полковник Стражец.

- Противнику тоже досталось крепко, - заметил я, - людей и боевой техники потерял он немало...

- Это верно, но учтите, противнику без боевой техники легче бежать к Днепру, а нам, чтобы подстёгивать его, танки нужны, - с искрой иронии пояснил мне полковник.

Казимир Дионисьевич был огорчён не только большими потерями, которые мы понесли в этом бою, его тревожило и что-то другое, непонятное для меня. После небольшой паузы, с затаённой грустью на душе, он сказал:

- Жаль, но мне приказано вернуться обратно в академию. Завтра выезжаю, Николай Васильевич, - опять он обратился ко мне по имени и отчеству. - Не за горами тот день, когда вы подойдёте к Днепру.

Затем глубоко вздохнув, пристально посмотрел мне в глаза и, понизив голос, добавил: - Но, чтобы преодолеть эту водную преграду потребуется немало сил и умения. А как всё это произойдёт - мне очень хотелось бы знать. Поэтому не удивляйтесь, у меня к Вам просьба, большая просьба: как только форсируете Днепр и захватите плацдарм на правом берегу - напишите мне в Москву, как в этой операции действовали бригада и корпус, для меня это очень важно.

- Слушаюсь, товарищ полковник, - ответил я.

- О нет!.. Вы меня неправильно поняли, - вспыхнул он, - это не приказ, а дружеская просьба, запишите мой адрес.

Я вынул из кожаной планшетки полевую книжку и спросил:

- Товарищ полковник, а где ваша семья?

- Жена Ольга Михайловна живет в Москве. Вот наш адрес: Москва, проезд Девичьего поля, дом 2, квартира 125. Будете в столице - заходите.

Я обещал Казимиру Дионисьевичу выполнить его просьбу и обязательно выслать ему нужный материал о форсировании Днепра.

В это время над Гусарщиной, как злой демон, повис самолёт-разведчик врага. Это нас насторожило. Налёт вражеской авиации казался неминуемым. Вдруг кто-то испуганно крикнул:

- Воздух, воздух!..

Со стороны Зенькова налетели фашистские бомбардировщики. Они на Гусарщину стали бросать вперемешку с более крупными бомбами трескучие «хлопушки» - маленькие бомбочки с удлиненными взрывателями, что-то вроде мин, взрывающихся над поверхностью земли.

Укрыться вблизи нам с полковником было негде, да и едва ли он согласился бы бежать куда-то - это не в его характере.

Находясь в боевых порядках, зенитчики встретили самолёты противника плотным огнём. Они, не отрываясь от прицелов, молниеносно крутились на сиденьях, прикрывая бригаду. В небе комками ваты вспыхивали взрывы. Мы с полковником Стражец увидели, как один самолёт, оставляя за собой чёрно-бурый хвост дыма пошёл к земле.

- Всё же сбили, молодцы! - похвалил зенитчиков Казимир Дионисьевич и стал ещё пристальнее смотреть на непрерывное кружение бомбардировщиков над Гусарщиной.

Наблюдая за ним, я немного помялся, а затем, осмелившись, обратился к нему:

- Разрешите, товарищ полковник, пойти мне к своим танкам?

- Надо ли? Может побудете здесь, пока не закончится эта бандитская свистопляска, - кивнул он головой вверх.

- Надо, товарищ полковник, - стал я настаивать на своем.

- Ну что ж, тогда прощаемся. Возможно, что скоро не увидимся, - и, приподнявшись, подал мне руку.

Пожелав ему успеха в преподавательской работе в академии, я направился к командиру полка, чтобы доложить ему о возможной переброске ночью наших танков к населённому пункту Мартыновка.

Уходил я от полковника Стражец опечаленным, жаль было с ним раставаться. Он для нас офицеров в бригаде был настоящей высшей школой, он нас учил, как надо воевать. Он был вежлив и никого грубо не одёргивал. Мы это знали и ценили его за это. Там, где он появлялся, мы незаметно для себя подтягивались и старались быть собранными и чем-то похожими на него. Но что подделаешь, «се ля ви» (такова жизнь), как говорят французы. Придётся и нам попрощаться с ним - приказ есть приказ.

Прошёл я несколько метров и остановился, чтобы ещё раз с благодарностью за всё взглянуть на него, ещё раз мысленно пожелать ему всего наилучшего в жизни. И в этот момент раздался оглушительный взрыв авиабомбы. Меня толкнуло тугой воздушной волной и, одновременно от резкого удара чем-то в правое бедро, у меня посыпались искры из глаз. Я почувствовал сильную боль и ожёг на ноге, словно кто-то калёное железо приложил к телу. Потрогал рукой это место - штаны не порваны, крови нет. Наклонив вниз голову, я увидел около ступни похожий на лепёшку горячий осколок от авиабомбы величиной с ладонь. Стало ясно - удар им был нанесён плашмя. На ноге образовался огромный синяк.

Когда я опомнился - понял какое несчастье случилось: со стороны штаба бригады к месту взрыва бежали солдаты и офицер связи старший лейтенант Василий Денисович Уманец, а за ними, еле поспевая, семенила маленькая девчушка в военной форме - военфельдшер роты управления Вера Чиркова. Она на ходу теребила санитарную сумку, готовясь оказать первую помощь раненому. Но, как увидела, что осталось от полковника Стражец, опустив руки, обмерла. В глазах у неё всё поплыло, и она, не выдержав, зарыдала. Вера была смелой, мужественной, с поля боя вынесла не один десяток раненых бойцов, видела и погибших, и там, конечно, у неё не обходилось без слез, но в таком состоянии, охваченной испугом, её ещё никто не видел.

Взрыв авиабомбы произошёл на том месте, где я сидел около полковника Стражец... «Вот она - смерть-то где нас подстерегала, - мелькнуло у меня в голове, - какой-то миг и полковника нет...»

Меня стала мучить, терзать навязчивая мысль: «А может зря я отошёл от него, а может прикрыл бы его своим телом...» Мне всё казалось, что я в чём-то был виноват. Тяжёлый, горестный был этот день для нас.

Когда доложили Родионову о гибели полковника Стражец, он изменился в лице и как будто дар речи потерял. Долго сидел молча на бруствере траншеи и угрюмо смотрел неведомо куда.

Горькое чувство Михаила Иосифовича можно было понять. Ведь вот уже несколько дней он воюет без начальника штаба бригады майора Любаря, без заместителя по политчасти полковника Каменковича, без командира танкового полка подполковника Огужа а тут ещё и гибель заместителя по строевой части.

Придя в себя, Родионов встал с бруствера траншеи и, тяжело вздохнув, с горечью сказал капитану Юдинцеву:

- Надо же... Накануне отъезда в Москву погибнуть... Как жаль!..

Вскоре вражеские самолёты улетели. Мы собрали останки Казимира Дионисьевича Стражец и вечером похоронили его со всеми воинскими почестями, какие только были допустимы вблизи от переднего края.

Родился Казимир Дионисьевич в 1894 году в Одессе. Окончил школу прапорщиков. Принимал участие в первой мировой войне. В Красной армии с 1918 года. Участник гражданской войны. Трижды был ранен. Член ВКП(б) с 1919 года. Окончил военную академию имени М.В. Фрунзе и военную академию бронетанковых и механизированных войск. В совершенстве владел французским и английским языками.

Неожиданно оборвался его ратный путь. Не стало одного из лучших сынов Русской земли. В бою полковник Стражец меньше всего думал о себе, честно и самоотверженно выполнял долг перед Родиной. Он отдал жизнь за счастье своей Родины.

Время шло. На землю опустились плотные вечерние сумерки. В небе над Удовиченко, где нами были остановлены фашистские танки, поплыли осветительные ракеты.

7-я гвардейская мехбригада в этот день временно перешла в оперативное подчинение командира 23-го стрелкового корпуса 47-й армии для действий в районе села Мартыновка по отражению контратак противника со стороны совхоза Холодный, Могилотово.

Подразделения бригады, вытягиваясь с занимаемых позиций в Гусарщине, тронулись с места. Наступила тревожная, душная ночь. Темень кругом - хоть глаз выколи. Воздух недвижим, словно вода в стоячем пруду. Танки, арттягачи и автомашины с личным составом, строго соблюдая светомаскировку, продвигались медленно, ощупью, наугад. Просёлочная дорога оказалась узкой и колесила то в одну, то в другую сторону, огибая мелкие болотца и овраги.

Миновав небольшой перелесок, танкисты с открытых люков издали увидели огромный костер над Мартыновкой. Горели дома и сарай, бросая яркий отсвет далеко от села. На крышах построек торопливо мельтешила судорожная пляска огня.

В селе в это время бойцы обороняющихся стрелковых подразделений сновали взад и вперёд от дома к дому, стараясь выпустить на улицу из горящих дворов скот, пришедший в бешенство от бушующего огня, им хотелось спасти животных от гибели. Жители села в панике от страха, бросая всё, бежали в поле, в лес.

Вечернюю контратаку части 23-го стрелкового корпуса отбили, но противник не унимался, он и ночью продолжал швырять осколочные снаряды на горящее село, где в грохоте разрывов всё смешалось, и шумный треск пожара, и ошалелый рёв скота, и тяжёлые стоны раненых, и крепкая ругань бойцов. А за селом в черноте ночи то и дело пульсировали змейкой пулемётные очереди, вычерчивая в крив и вкось золотистые нити.

На второй день, на рассвете 27 августа, немцы снова бросились на позиции общевойсковых подразделений перед Мартыновкой. Впереди шли крестатые танки, а за ними сверкали угловатые каски солдат вермахта.

Наши «тридцатьчетвёрки» в это время стояли в ложине северо-восточнее села в полной боевой готовности. Мотопехота и артиллерия бригады развернулись за частями 23-го стрелкового корпуса уступом справа. Здесь же, у обросшей межи, окопались бронейщики роты ПТР. С той и с другой стороны палили пушки, взорвав хрупкую утреннюю тишину, трещали пулемёты. Вражеские танки приближались к переднему краю обороняющихся и, казалось, вот-вот сомнут их.

Уловив назревший момент, майор Ляхович подал команду танкистам полка:

- Вперёд!..

«Тридцатьчетвёрки» с грозным завыванием двигателей поднялись с ложины и из засады стали наносить внезапный удар по врагу во фланг. Это для гитлеровцев было полной неожиданностью. Густой огневой заслон наших танков остановил их. Запылало несколько машин, враг засуетился и, сумбурно отстреливаясь, начал откатываться в юго-западном направлении. Автоматчики в угловатых касках тоже отхлынули назад.

Спустя часа два немцы снова пошли в контратаку, стремясь обойти Мартыновку слева. Теперь их поддерживала не только артиллерия но и бомбардировщики. Вскоре и эта контратака была отбита.

В этом бою отличился со своим расчётом бронейщик роты противотанковых ружей сержант Саша Великов. Подпустив вражеский танк Т-3 на близкое расстояние, он двумя выстрелами из бронейки в борт остановил его.

Острые язычки пламени вырвались из-под верхних катков и зазмеились по всей гусенице, заплясали над жалюзи моторного отделения и вокруг башни. Танк горел.

Саша Великов от радости аж подпрыгнул. Ещё бы, такая удача. А поздним вечером подал заявление о вступлении в партию. «Научившись бить фашистские танки, - писал он, - в дальнейших боях с честью оправдаю высокое звание коммуниста. Поэтому прошу

партийную организацию роты принять меня кандидатом в члены ВКП(б)». В тот же вечер его приняли в партию.

В Мартыновке мы двое суток вели тяжёлые бои. Неимоверный натиск противника отбили, а затем с трудом, но всё же снова стали продвигаться вперёд.

В течение 28, 29 и 30 августа на направлении наступления 47-й армии, которая явно угрожала коммуникациям и путям отхода Ахтырской группировки немцев за Днепр, гитлеровское командование предприняло срочные меры, чтобы приостановить дальнейшее продвижение наших войск. Для этой цели оно подтянуло свежие силы с других направлений, в том числе и часть сил танковой дивизии «Великая Германия» и бросило на наши боевые порядки большое количество пикирующих бомбардировщиков и штурмовой авиации. Однако все эти силовые попытки сдержать нас не имели успеха. Войска 47-й армии, в том числе и части 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса продолжали развивать наступление.

После 31 августа бои, начиная от Левченко и вплоть до реки Псёл перед Гадячью, носили ожесточённый характер. Тяжёлый железный гул и нескончаемый громовой раскат пальбы заполнили всю округу. Многие населённые пункты переходили из рук в руки по несколько раз.

Гвардейцы нашего корпуса совместно с воинами 47-й армии в этих боях наносили чувствительные удары по врагу, сбивая его арьергарды и заслоны на пути отхода главных сил, вынуждая их развёртываться на невыгодных рубежах.

В ходе сражений в 3-м гвардейском Сталинградском мехкорпусе произошла смена командования. Командиром корпуса временно стал заместитель генерала Обухова по строевой части полковник Катков Фёдор Григорьевич. Генерал-майор Пошкус, исполняющий обязанности командира корпуса, был отозван в Москву на должность начальника кафедры тактики в военную академию бронетанковых и механизированных войск. Генерал Обухов всё ещё находился на излечении в армейском госпитале.

7-я гвардейская мехбригада в эти дни вышла из оперативного подчинения 23-го стрелкового корпуса и снова вошла в состав своего мехкорпуса.

В первую половину сентября войска 47-й армии и 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса вышли на ближние подступы к городу Гадяч. Противник упорно сопротивлялся, пытаясь удержать плацдарм на восточном берегу реки Псёл и не допустить выхода советских войск на западную сторону реки. Но гвардейцы 7-й и 9-й мехбригад совместно с бойцами 23-й стрелковой дивизии 232-го стрелкового корпуса, овладев крупным населённым пунктом Вельбовка, приблизились к руслу реки, к переправам.

Гитлеровцы, отступая, минировали дороги и подступы к реке, взрывали мосты. С высокого правобережья, с городских улиц и площадей нещадно метали разнокалиберные снаряды и мины, стреляли с чердаков, окон и подвалов. Лобовая атака, с форсированием реки с ходу, казалась совсем невозможной.

Однако командующий 47-й армии генерал Павел Петрович Корзун принял решение: форсировать Псёл с ходу, но не перед городом, а чуть севернее его и, при огневой

поддержке частей 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса с левобережья, а также при содействии 2-го танкового корпуса 40-армии с северо-запада, овладеть городом Гадяч.

Общевойсковые части спешно начали подготовку к форсированию реки. За одни сутки лишь в 23-й стрелковой дивизии генерала-майора Александра Игнатьевича Королёва построили для переправ десятки малых и больших плотов. Одновременно местные жители собрали и обеспечили дивизию рыбацкими лодками и всем, что могло держаться на воде.

Форсирование реки началось в ночь на 11 сентября, но скрыть эту операцию от глаз противника не удалось. Над рекой повисли осветительные ракеты, загромыхали миномёты и орудия. И всё же вражеский огонь не смог помешать бойцам преодолеть водную преграду реки Псёл и её притока Грунь. Бойцы их переплыли и тотчас же ворвались в город Гадяч, завязав яростные уличные бои. Они к рассвету очистили от противника центральные кварталы, уничтожив до батальона фашистских вояк, а затем отбросили их остатки за город. Над зданием горсовета взвился красный флаг.

Переправа частей 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса через реку Псёл была несколько задержана из-за опоздания с подачей к переправам фронтового понтонного парка.

Полтавскую область, по которой мы наступали, когда-то Гоголь прославил своими произведениями. Прекрасный, песенный край. Сейчас перед нами на высоком берегу неторопливой реки Псёл был раскинут чудесный уголок Полтавщины - город Гадяч.

Командующему 47-й армии генералу Павлу Петровичу Корзуну, как и многим другим, хотелось не издали, а на месте осмотреть этот утопающий в яркой зелени город, освобождённый от фашистских захватчиков его войсками.

Во второй половине дня 16 сентября, когда солнце уже клонилось к закату, Павел Петрович Корзун с группой офицеров штаба армии направился на трёх легковых автомашинах в город Гадяч.

Перед поездкой он своим офицерам рассказывал о всё усиливающемся сопротивлении врага на дальних подступах к Днепру.

- Гитлеровцы, - говорил он, - стремятся сдержать натиск наших войск, чтобы успеть более организованно переправиться за реку и закрепиться там. А наша задача, - продолжал он, - сорвать этот замысел и с ходу опрокинуть противника в реку, на его плечах прорваться на правобережье. Теперь нам надо гнать их, гнать безостановочно.

Машины шли по ровному песчаному берегу к понтонному мосту. По нему ещё утром прошли части 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса, и они уже где-то впереди вели бой. На их пути у поворота дороги на обочине лежал бронетранспортёр разведроты 7-й гвардейской мехбригады, наскочивший на противотанковую мину.

Песчаный участок берега перед понтонным мостом был изъезжен гусеницами танков и колёсными машинами и, казалось, вражеских мин быть не могло. Многие думали, что бронетранспортёр 7-й мехбригады случайно наткнулся на необнаруженную саперами противотанковую мину.

И всё же офицеры штаба армии с опаской посматривали на проезжую часть дороги, старались не сбиться с объезженной колеи, старались, но вдруг раздался оглушительный взрыв. Сопровождающие командующего машины остановились. Всех, кто в них был, охватил ужас - командующий погиб... Его машина наскочила на вражескую мину. Генерала Павла Петровича Корзуна не стало.

Подступы к реке немцы минировали с особой хитростью. Они здесь в песчаную колею дорог поставили деревянные мины Т-42, которые миноискатель не мог обнаружить. Они применяли и ярусное минирование подхода к переправам с той и другой сторон реки. На левобережье реки Псёл на этих минах подорвалось несколько наших машин.

На второй день командующего армией генерала Корзуна Павла Петровича похоронили со всеми воинскими почестями в городе Гадяч. Командующим 47-й армией стал генерал-лейтенант Жмаченко Филипп Федосьевич.

ГНАТЬ ИХ, ГНАТЬ...

- Товарищ майор, Вам не холодно? - вдруг спросил шофер Богуненко, прервав мое раздумье о проведённых нами боях на Украине.

- Вообще-то прохладно, но пока терпимо, Федя. Вот приедем в Панино отогреемся, - ответил я и снова предался фронтовым воспоминаниям.

Переправившись через Псёл, мы почти без задержки прошли по городу Гадяч, по высокому правобережью и вскоре вышли к крутому спуску, ведущему к населённому пункту Сары. Это село было большое. Дома в нем, словно попрятавшись от постороннего глаза, утопали в зелени фруктовых садов. Яблоки, обласканные горячим летним солнцем, рдели, как маки, свисая с ветвей объемистых яблонь и манили к себе бойцов.

- Как закончится война, обязательно приеду в Сары, женюсь на здешней красавице и буду здесь жить, - сказал начальник батальонной радиостанции сержант Ермаков. - Смотрите, какое тут раздолье.

- Хитёр ты, Ярослав Поликарпович! Выходит, садоводом хочешь заделаться? - спросил телефонист Анисов.

- Нет, Степа! Скорее всего ночным сторожем стану, сады буду стеречь, - ответил Ермаков.

- Сады или девчат?... - кто-то выкрикнул издали под общий смех.

Однако для шуток времени было в обрез. Как только бойцы вошли в село - завязалась ружейно-пулемётная перепалка с врагом. Немцы, устраивая на улицах разного рода завалы, решили сдержать на какое-то время наше наступление, но «тридцатьчетвёрки» быстро сделали свое дело, протаранив эти завалы.

Противник бежал из села. Штаб бригады в это время находился на северной окраине Сары в полутёмном помещении, где на столе над фитилем в снарядной гильзе торопливо бился желто-красный мотылёк, распространяя удушливый запах солярной копоти. За столом, насупив брови, упёршись глазами в одну точку, молча сидел командир корпуса

полковник Фёдор Григорьевич Катков. Полковнику Родионову и офицерам штаба было непонятно - то ли он недоволен действиями бригады, то ли думал о чем-то другом, но его молчание тяготило их. Потом он, словно очнувшись, спросил Родионова:

- Вы, Михаил Иосифович, всё так и будете воевать без начальника штаба бригады и без командира танкового полка?..

- Жду, когда пришлют, товарищ полковник, - ответил Родионов.

- Надо не ждать, а требовать от кадровиков, - сердито выдохнул комкор.

Коптящее пламя блиндажной «люстры» на столе заколебалось, вырисовывая витиеватые тени на стене. Затем, постучав карандашом по столу, Фёдор Григорьевич уточил данные о состоянии бригады, о наличии машин в танковом полку и артиллерийских орудий в артдивизионе.

- Не густо, - промолвил он и, подтянув ближе к себе карту полковника Родионова, начертил на ней две красные стрелы и сказал:

- Ближайшая задача вашей бригаде, Михаил Иосифович, - населённый пункт Ручки, последующая - железнодорожная станция Сенча. Выполняйте. Желаю успеха, - встал из-за стола и уехал в другую бригаду.

Полковник Катков Фёдор Григорьевич по натуре был горячий и дотошный. Во время боя не любил сидеть на одном месте. Он подчас, как метеор, неожиданно появлялся не только в том или ином батальоне, но и в любой роте на переднем крае. С нерадивых стружку снимал строго.

От его горячности доставалось иногда и невиновным. В бой распоряжения чаще всего отдавал не командирам бригад, а начальникам штабов, но при этом добавлял:

- Доложите своему командиру и выполняйте!

Вскоре, после убытия с КП бригады командира корпуса, в селе Сары, как по заказу, вдруг прекратилась ружейно-пулемётная трескотня и лишь кое-где раздавались ещё одиночные выстрелы неумных вояк. На восточной окраине села, среди кудрявых яблонь и слив, полыхали ярким пламенем две приземистые хаты и два убогих сарая.

Гитлеровцы, удирая из села, в несусветной спешке не успели напакостить, нанести местным жителям тяжёлый ущерб, им было уже не до этого.

Михаил Иосифович, тоже торопясь, поставил задачу разведчикам, действующим на бронетранспортёрах - не отставать от хвоста удирающей колонны противника, сопровождать её мощным огнём из крупнокалиберных пулемётов, передовому отряду бригады следовать за разведчиками и первый населённый пункт Ручки занять с ходу. Огневое сопротивление противник мог оказать нам с высот западнее Ручки и с железнодорожной станции Сенча.

Немецко-фашистские войска, сбитые с рубежа реки Псёл, отходили из Лубны, Ромодана, Хорола, Кременчуга, минуя дороги, разрушая мосты и переправы, взрывая станционные здания и другие сооружения.

Из села Сары арьергард противника отступал в беспорядке. Автомашины с людьми и арттягачи с пушками, обгоняя друг друга, старались быстрее оторваться от наседавших на них бронетранспортёров разведроты 7-й гвардейской механизированной бригады и уйти на новый промежуточный рубеж.

Бронетранспортёры, преследующие гитлеровцев, были развернуты в боевую линию. В центре, по большаку, шла машина старшего сержанта Алакеева, справа по стерне - машина старшего сержанта Ивана Антоновича Подоляна, а слева дороги - машина старшего сержанта Ивана Никоноровича Алименкова. Первые номера крупнокалиберных пулемётов, установленных на бронетранспортёрах, словно с музыкой, сопровождали врага короткими очередями светящихся трасс.

Гитлеровцам было жутковато, ни отдыха, ни передышки, так, пожалуй, и до правого берега Днепра не добраться.

Немцы огрызались, вели беспорядочный ответный огонь с отдельных машин из пулемётов МГ-1, раздавался и треск автоматов.

Объезжая подбитый фургон с фашистской свастикой, бронетранспортёр Алакеева по оплошности водителя влетел колесами в кювет и накренился влево. В этот момент по броне машины пробарабанила пулемётная очередь врага, задев одной пулей правое плечо первого номера пулемётной установки младшего сержанта Тимофея Даниловича Самарского.

Командир машины Калый Алакеев нервно цыкнул на водителя машины:

- Что, не можешь руль держать?... - и стал за пулемёт, кивнув головой санинструктору, - Перевяжите Тишке плечо!

Вскарабкавшись из кювета, бронетранспортёр с бешеной скоростью помчался по большаку. Серая лента дороги стремительно уходила назад. Под машиной шуршала щебёнка и, перекатываясь, прыгали мелкие камушки, ударяясь о задний мост и днище двигателя. Водитель с привычной легкостью крутил послушную баранку и с особой ловкостью обходил воронки, ухабы, рытвины и другие неровности дороги. Бронетранспортёр приблизился к удирающему арттягачу с пушкой.

- Почему же немцы не останавливаются и не стреляют из пушки по нам? - спросил сам себя Алакеев.

Но услышав это ему ответил младший сержант Самарский, сидя на ящике из-под боеприпасов с перевязанным плечом:

- А может снарядов у них нет!..

Озадаченно хмыкнув, Алакеев сказал:

- Раз так, тогда мы им сейчас покажем, где русские раки зимуют!..- и дал из пулемёта по притулившемуся в кузове вражескому расчёту очередь... вторую... третью...

- Вот так-то, - прокряхтел он, когда увидел как машина с пушкой, теряя скорость и управление, ткнулась к обочине дороги и заглохла.

- Фёдор, догоним и вторую артпушку, - крикнул он водителю.

Алакеев был в приподнятом, возбуждённом настроении. Ему казалось, что он освобождает от фашистских захватчиков не Украину, а свою родную Киргизию, свои предгорья и поля. Ему, конечно, и Украина была по душе, была близкой и тоже родной. Он говорил своему другу одесситу Падоряну:

- Вот освободим, Ваня, твой красивый край от фашистов, кончится война и поедем в гости ко мне в Киргизию.

- Сначала, Калый, в Одессе побываем, а потом уж и в Киргизию, - ответил ему Падорян.

Впереди от косоприцельного огня из бронетранспортёров старших сержантов Падоряна и Алименкова вспыхнули две автомашины. С горящих кузовов горохом высыпались оставшиеся в живых гитлеровцы, скатываясь на обочины дороги, падая в кюветы, а затем, как трусливые зайцы, бросились в стороны от большака. Пулемётные очереди разведчиков тут же остановили их на жнивье. В то же время вдоль обочины навстречу бронетранспортёрам, бросив автомат, бежал один немец с поднятыми руками.

- На ловца и зверь, товарищ старший сержант, - крикнул водитель машины.

- Это «добровольный язык», Фёдор, - пояснил ему Калый.

«Добровольный язык» оказался унтерофицером и дал ценные показания.

Командиру разведроты лейтенанту Михаилу Ивановичу Николаеву из показаний пленного унтерофицера стало известно: в населённом пункте Ручки гитлеровцы оставили небольшой заслон, усиленный батареей противотанковых пушек и до полка пехоты с артиллерией занимают оборону на промежуточном рубеже в районе высот западнее Ручки.

Лейтенант Николаев передал эти разведданные командиру бригады и, остановив бронетранспортёры, увёл их в укрытие.

А вскоре передовой отряд бригады, усиленный танками, смял вражеский заслон, поспешно занявший оборону в населённом пункте Ручки, с ходу форсировал реку Хорол, но дальнейшее его продвижение было остановлено артминоётным огнём противника с высот 163,5 и 166,5.

Вслед за передовым отрядом в Ручки вошли и главные силы 7-й гвардейской мехбригады. Они беспрепятственно переправились на противоположный берег реки Хорол и заняли исходное положение для наступления на высоты, удерживаемые противником.

Левее нас на этот же рубеж вышли и подразделения 9-й гвардейской мехбригады. Они тоже, встретив упорное сопротивление противника, были здесь остановлены.

Танки нашего 43-го гвардейского танкового полка, прополоскав в реке Хорол гусеницы, свернули с дороги к небольшой рощице северо-западнее реки Ручки и

неожиданно наткнулись на немецких автоматчиков. Они бежали в сторону железнодорожной станции Сенча, догоняя свои отступающие части. Пулемётный огонь из «тридцатьчетвёрок» и автоматные очереди десанта с брони привели гитлеровцев в невероятное смятение, они не знали куда деться. Многие, бросая оружие, сдавались в плен, а некоторым из них всё же удалось скрыться в зелени кустарника. Пленных отвели в штаб бригады.

Предотвратив выход этих автоматчиков в тыл нашим мотострелковым подразделениям, танкисты, расставив машины, приступили к приведению их в порядок: устраняли мелкие повреждения и неисправности, заправляли основные и запасные баки горючим, пополняли боеприпасы.

Время шло. Шагало уже сентябрь, а осенью пока и не пахло. В бездонном, безоблачном небе солнце горело по-летнему ярко. Чудесная зелень украинских рощ терять свою свежесть ещё не собиралась. Хорошая погода и теплынь радовали бойцов.

В полуденный час, когда солнце повисло над головой, к нам на КП прибыл вновь назначенный командир полка майор Иван Степанович Митенков и, не мешкая, сразу же приступил к приёму подразделений полка. Вначале осмотрел танки на исходной, а их в полку осталось немного. Это его удивило. Он огорчённо спросил майора Ляховича:

- И это всё?..

- Как видите... Ведь воюем... - ответил тот.

- Гм... Не густо, - вздохнул Митенков.

Затем построили личный состав, не имеющий танков. Майор Митенков поздоровался с гвардейцами, прошёлся неспеша вдоль строя, внимательно вглядываясь в солдатские лица. Выправка танкистов произвела на него хорошее впечатление. Все были подтянуты, выглядели молодцевато и всё же на лицах у них он заметил не только радость от боевых успехов полка, но и следы горечи от потерь друзей и машин в бою.

- И все это «безлошадные» экипажи, - вскользь заметил он идущему рядом замполиту майору Ляховичу, но тот лишь кивнул головой, не обронив ни одного слова.

- А мы, товарищ майор, можем и «пеший по танковому»... - бросил кто-то реплику из строя.

- Теперь не то время... - сказал Митенков, - Если понадобится - танки дадут. А пока будем гнать врага теми силами, что есть.

В это время, словно по заказу, вблизи расположения полка, недалеко от танков, раздался трескучий взрыв снаряда, вздыбив фонтан земли. Противник с дальних высот начал швырять фугаски.

- Командирам рот и взводов отвести людей в укрытие, - подал команду майор Митенков.

- Товарищ майор, - подбежал впопыхах к командиру полка писарь штаба старший сержант Яков Иванович Катаев, - Вас комбриг к телефону...

- Иду, - кивнул головой Митенков.

После короткого разговора с командиром бригады майор Митенков подошёл ко мне и недоуменно сказал:

- Вас, Николай Васильевич, приказано немедленно отправить к командиру корпуса вот на эту высоту, - показал он рукой на карте, - А вместо Вас начальником штаба танкового полка назначен ваш заместитель майор Ялоза Павел Иванович.

Для меня это было как гром среди ясного неба. Я никак не ожидал такого сюрприза. «Выходит, из полка и бригады отзывают... - мелькнула мысль. - Но почему?.. Почему?..» - подумал я. Уходить из полка мне не хотелось, жаль было расставаться с людьми.

За короткую дорогу до наблюдательного пункта командира корпуса я многое передумал, в голову лезли всякие мысли. Распаляя себя разного рода догадками, я и не заметил, как машина подкатила к обросшему кустарником подножью небольшой высоты. Впереди, подняв красный флажок, дорогу преградил часовой.

- Дальше нельзя... Машину поставьте вот сюда, - показал он рукой, - и замаскируйте.

Я слез с машины, подставил лицо прохладному ветерку, осмотрелся и только собрался идти к комкору, как ко мне подбежал часовой и, как бы по секрету, доложил:

- Товарищ майор, учтите, у командира корпуса находится командующий из армии...

Меня это удивило и встревожило. «Ну что ж, будь что будет...» - подумал я. Подтянув пояс и поправив фуражку на голове, направился на высоту к примитивно оборудованному пункту наблюдения. У входа в траншею, ведущему к маскировочной сети, натянутой на кольях, меня встретил адъютант командира корпуса и, вскинув залихватски руку к пилотке, чеканно произнес:

- Проходите, товарищ майор, Вас ждут командующий бронетанковыми войсками 47-й армии и командир корпуса, - затем понизив голос, доверительно добавил, - Вас, оказывается, командующий хорошо знает...

«Кто же это такой?.. - стал я в уме перебирать всех генералов, которых знал, но додуматься о ком шла речь так и не смог. А когда увидел беседующего генерала с командиром корпуса под тенью маскировочной сети, меня мгновенно озарила улыбка. «Это же генерал-майор Илья Иванович Кретов! - мелькнуло в голове. - Какая встреча!..» Мы с ним перед битвой на Курской дуге учились на краткосрочных курсах в Москве в Бронетанковой академии. Он был слушателем и по совместительству нештатным начальником курса. Я тоже был слушателем и старшим учебной группы. По службе мне часто приходилось обращаться к нему - докладывать о ходе учебы, о дисциплине в группе и многое другое.

Увидев меня генерал Кретов тоже заулыбался и своей доброй улыбкой ввёл меня в смущение.

- Товарищ генерал, разрешите обратиться к командиру корпуса, - приложив руку к головному убору, произнес я негромко дрожащим голосом.

- Обращайтесь, - кивнул он головой.

- Товарищ полковник, по Вашему... - начал я.

- Садитесь, товарищ Цветков, - прервал меня полковник Катков. - Мы с командующим вызвали Вас чтобы объявить, что Вы с сего числа назначены начальником штаба 7-й гвардейской мехбригады.

- Справлюсь ли я... - вдруг вырвалось у меня из уст.

- Да Вы что, товарищ Цветков?.. - удивлённо выдохнул генерал Кретов. - Учёбу на курсах в академии закончили успешно. Начальником штаба танкового полка работали неплохо. Опыт штабной работы у Вас есть. Надо расти. Сомнений в отношении Вас у нас нет.

- Поняли?.. Сегодня же приступите к работе, - как топором рубанул жёстким голосом полковник Катков.

Затем он, изложив коротко обстановку перед частями корпуса, сказал:

- Противник сейчас, огрызаясь, бежит к Днепру. Нам, чтоб не плестись у него в хвосте, надо обгонять его, устраивать засады, ловушки, перерезать ему пути отхода, бить его в хвост и в гриву. Надо не давать врагу закрепляться на промежуточных рубежах, где он хочет задержать нас и выиграть время, чтобы подтянуть свои силы на правый берег Днепра. Для этого, - продолжал он, - создайте в бригаде команду «ночников» и пусть она вместе с разведчиками заходит ночью в тыл к врагу и создает там панику, наносит удары в затылок...

Генерал-майор Кретов поддержал эту идею командира корпуса, задал мне несколько вопросов и сказал:

- Ну что ж, товарищ Цветков, поздравляю Вас с новым назначением, желаю успеха в работе, - и на прощание пожал мне руку.

17 сентября сопротивление противника на промежуточном рубеже в районе высот западнее реки Ручки было сломлено. 7-я гвардейская механизированная бригада снова тронулась с места, начала развивать успех в направлении железнодорожной станции Сенча.

Перед началом наступления подразделения бригады дважды делали попытку сбить врага с занимаемых им высот, но успеха не имели.

В одной из атак у «тридцатьчетвёрки» младшего лейтенанта Лаврентия Ивановича Царенко ударом бронебойной болванки заклинило башню, но Царенко не растерялся, умело маневрируя, он начал утюжить гусеницами вражеские окопы и пулемётные гнезда. Смял несколько огневых точек и два миномёта, а затем ошибочно подставил борт своей машины фашистской пушке и танк был подбит. По гусенице и правому крылу взвихрился огонь. Взметнувшееся пламя из пробоины поползло на жалюзи и крышку мотора и, казалось, опасность была неминуемой, но Царенко не вздрогнул - отвёл горящую машину из-под огня противника и пожар потушил.

После потери в этой атаке ещё одного танка, полковник Родионов, сказал:

- Николай Васильевич, давайте попробуем сегодня ночью перебросить в тыл врагу детище полковника Каткова - команду «ночников», усилим её взводом бронетранспортёров, разведротой, и утром, перед зарёй, когда гитлеровцы, боясь уснуть, клюют носом, атакуем их с тыла и фронта. Немцы, - продолжал он, - боятся окружения и непременно дрогнут. Переброской «ночников» в тыл займетесь Вы.

Для меня это было первое боевое задание в новой должности. После моего прибытия в бригаду и вступления в должность начальника штаба бригады, мы с полковником Родионовым сформировали команду «ночников» в составе взвода автоматчиков, пулемётного взвода и взвода 82-миллиметровых миномётов, обеспечив её тремя автомашинами. Старшим команды стал лейтенант Иван Евгеньевич Смоляноко - лихой, смелый, сообразительный воин. Под стать ему были и командир пулемётного взвода младший лейтенант Виктор Иванович Кондаков и командир миномётного взвода младший лейтенант Вахтанг Константинович Мебадури. Команду «ночников» бойцы в шутку прозвали «лёгкой кавалерией», а лейтенанта Смоляноко от крестили «Будённым».

С наступлением темноты, команда «ночников», усиленная разведвзводом бронетранспортёров, пошла в обход вражеской обороны справа. Машины, чтобы не сбиться с пути, шли по заросшей дороге мелколесья медленно, с постоянными остановками. Темень в лесу была беспросветная.

- Звезд, а звезд-то на небе... Их и за год не сосчитать, - задрал кверху голову, удивлённо произнес пулемётчик бронетранспортёра младший сержант Василий Арсентьевич Титов.

- Ты, звездочет!.. За местностью смотри, а звезды считать будем после войны, - рявкнул на него старший сержант Иван Антонович Подолян.

- Да что тут в темноте увидишь, - ответил Титов.

- Разведчик, Вася, и в темноте должен всё видеть, - назидательно пояснил Подолян.

Время шло. Ночь, казалось, была уже на исходе. Лейтенант Смоляноко то и дело поглядывал на светящиеся стрелки часов.

- И чего там Алакеев впереди копошится, - сказал он, повернув голову к шофёру, - еле плетётся.

- Так темно же, товарищ лейтенант, - заметил шофер.

- Темно, говоришь... Так на то она и ночь, Костя, - смекнул Смоляноко. Вскоре мелколесье оборвалось. Перед глазами бойцов команды «ночников» предстало обычное фронтовое зрелище. От высоты с отметкой 163.5 и до населённого пункта Берёзовой Луки в небе над всей оборонительной линией поотивника ярко вспыхивали, гасли и снова загорались осветительные ракеты.

- Фейерверк запускают, стервецы, - усмехнулся шофер Костя.

- Это они страх от себя отгоняют, - пояснил лейтенант Смоляноко, - ночи боятся.

Мерцающий свет ракет для «ночников» был хорошим ориентиром, по нему без труда можно было определить, где находится противник. Приблизившись к северо-западным скатам высоты 165.5 команда «ночников» спешила. Автомашины поставили в укрытие. Лейтенант Смолянок, подзвав к себе командиров подразделений своей команды и разведчиков, уточнил, как надо действовать.

- Автоматчики и станковые пулемёты займут боевую позицию вон на той бугристой меже, - показал он рукой, когда противник осветил ракетами местность.

- Но ведь там немцы, - заметил младший лейтенант Кондаков.

- Вот по ним мы и будем стрелять, - пояснил лейтенант Смолянок. - А миномётчикам вести огонь отсюда.

Осветительные ракеты на какое-то время потухли, стало темно. Но вскоре они снова прошуршали вверх, обнажив всю занятую противником высоту.

- Бронетранспортёры, - продолжал Смолянок, - маневрируя на флангах и впереди, поведут непрерывный огонь то с одного, то с другого места и тем самым создадут видимость наличия у нас больших сил.

- Товарищ лейтенант, как быть с населённым пунктом Нижняя Будаковка, там ведь у гитлеровцев сосредоточены машины и кухни? - спросил разведчик Алакаев.

- Кто из вас больше всех любит кухни? - шутил поинтересовался лейтенант Смолянок.

- Старший сержант Падолян, - смеясь, подсказал Алименков.

- Вот он и займётся ими, - ответил командир команды «ночников» лейтенант Смолянок.

Автоматчики и расчёты двух станковых пулемётов незаметно для противника подкрались к этой оборонительной позиции с тыла. Бронетранспортёры, чтобы не демаскировать себя преждевременно, остались позади. Они совершат рывок вперёд лишь по сигналу лейтенанта Смолянка. Причем бронетранспортёр старшего сержанта Падаляна выйдет к населённому пункту Нижняя Будаковка и будет вести огонь по засевшим там гитлеровцам.

Перед рассветом бойцы команды «ночников» внезапно обрушили ружейно-пулемётный и миномётный огонь с тыла, в затылок врагу, вызвав панику на переднем крае и в глубине обороны. В деревне Нижняя Будаковка запыхало несколько автомашин, началась несусветная сумятица. Офицеры бегали, размахивая пистолетами, солдаты метались из стороны в сторону.

Приняв по радиации на наблюдательном пункте сигнал от лейтенанта Смолянка о начале действий команды «ночников», комбриг полковник Родионов махнул рукой командующему артиллерией бригады майору Рябову:

- Начинайте, Михаил Дмитриевич... Огонь!..

Орудия и миномёты, прервав зыбкую тишину уходящей ночи, загромыхали перед всей высотой. Командиры батальонов выдвинули свои противотанковые пушки на прямую

наводку. Мотопехота и танки, воспользовавшись шоковым состоянием гитлеровцев, погнали их с занимаемых ими позиций. Не прошло и двух часов, как сопротивление противника было сломлено. Враг бежал.

Одновременно с нами перешёл в наступление и наш сосед слева, 9-я гвардейская мехбригада.

Очистив от противника высоту западнее реки Ручки и населённый пункт Нижнюю Будановку, 7-я гвардейская мехбригада повела наступление в направлении железнодорожной станции Сенча. Колонны подразделений шли ходко, на больших скоростях. Впереди колонн сверкали отполированные землёю траки гусениц двух «тридцатьчетвёрок» танкового полка, оставляя за собой облако пыли и осевший туман на луговых рощицах.

Наступило утро. Солнце, оторвавшись от горизонта, поползло к верхушке неба. Его косые лучи бросали ослепительные блики на ветровые стекла колёсных машин. Впереди то в одном, то в другом месте трепетало зарево пожаров. Немцы отступая жгли дома, сараи, амбары, стога и скирды соломы. Всюду стлался сине-чёрный дым.

Родионов торопил командиров подразделений. Он то и дело передавал по радиии:

- Я Волга, я Волга. Всем, всем, всем - ускорьте ход! Ускорьте ход!

Ему казалось, что опоздай малость, немцы впереди всё пожгут. Через каждые полчаса и, как только машины сбавляли скорость, он запрашивал по радиии:

- Волга-1, Волга-2. Почему замедлили продвижение? Доложите обстановку!

Преодолевая стелющуюся под колёсами машин избитую щебенчатую дорогу, колонны уменьшали скорость, а местами, встретив заминированные участки пути, и вовсе останавливались и ждали, пока саперы разминируют дорожное полотно.

Разминировав проезжую часть дороги, саперы, забивали на её обочине колышек с дощечкой, на которой четко бросалась в глаза короткая надпись: «Мин на дороге нет». Боевые колонны машин снова начинали движение.

Преследуя противника, 7-я гвардейская мехбригада в течение 17 сентября освободила от фашистских захватчиков целый ряд населённых пунктов и к исходу дня вышла к железнодорожной станции Сенча.

Перед станцией то в одном, то в другом месте вспыхивали взрывы осколочных снарядов и мин. Гитлеровцы решили перекрыть большак и задержать на какое-то время наше продвижение. После нескольких ответных залпов из танковых орудий противник стрельбу прекратил и, не успев поджечь все дома и постройки, со станции спешно бежал.

Бригада вышла на станцию Сенча, когда уже опустились густые сумерки. Вскоре наступила ночь. Темень давила на землю и на плечи бойцов. Родионов распорядился привести боевую технику и оружие в порядок, пополнить запасы горючего и боеприпасов, дать людям отдых.

О занятии железнодорожной станции Сенча мы донесли командиру корпуса. Вскоре полковник Фёдор Григорьевич Катков передал нам шифровкой по радиации:

- Ближайшая задача вашей бригаде Ромодан, следующая Хорол, - затем добавил: - Ужинать завтра вы должны в Ромодане, а завтракать послезавтра в Хороле.

Как только появилась на горизонте алая полоска зари, 7-я гвардейская мехбригада выступила с железнодорожной станции Сенча. Прервав утреннюю тишину загудели моторы. На дороге закружились серые клубы пыли, поднятые колёсами машин. По земле, как туман, стелилась синева дыма, выбрасываемого из выхлопных труб.

Было светло. Роса ещё плотно лежала на нескошенной траве, прижимая тонкие стебельки ближе к земле.

Бригада, как и накануне, вначале совершала наступательный марш на большой скорости, без остановок, а затем опять на пути стали встречаться препятствия - завалы, разрытые поперёк дороги канавы, заминированные участки дорожного полотна. Колонны подразделений были вынуждены снижать скорость и совершать по бездорожью объезд этих препятствий.

Впереди, как и всегда, шла разведка. Старший сержант Калый Алакеев торопился, спешил со своим взводом бронетранспортёров, чтобы догнать отходящие части противника, войти с ними в прямое соприкосновение и не дать им возможности минировать, портить дорогу.

При подходе к одному посёлку, расположенному вблизи дороги, наперерез разведчикам побежали чем-то встревоженные женщины. Они в отчаянии размахивали руками, просили остановиться на минутку. Притормозив машину, старший сержант Алакеев спросил:

- Что случилось, мамыши?..

- Ридненьки диты наши, коров... коровушек и теляток фашисты угнали, - говорили они наперебой, смешивая русские и украинские слова. – Во-он они, бачите пыль впереди... Гонят их в Ромодан.

- Успокойтесь, гражданочки, мы их сейчас догоним и вызволим из «плена» ваших коровушек, - улыбнулся Алакеев.

Ускорив движение, разведчики догнали гитлеровских погонщиков скота и дали для острастки пару очередей из пулемёта вверх, предупредив их, чтобы остановились. Но гитлеровцы рук поднимать не стали, они озверело начали расстреливать скот из автоматов, а затем, спасаясь от возмездия, ринулись к лесу.

- Ах туды твою... сволочи, - выругался смачно по-русски Алакеев и подал команду: - Огонь!

Пулемётные трассы остановили подлых завоевателей, отправив их всех в потусторонний мир. Взбудораженные стрельбой коровы и телята разбежались по всему жёлтому полю и по заросшему пустырю. На дороге остались убитые и израненные животные. Некоторые из них, приподнимая головы, жалобно мычали.

- Мерзавцы, - сквозь зубы процедил Алакеев, - Какое зверство!

Тут Калый невольно вспомнил, как однажды перед войной он пас с отцом, старым чабаном, колхозных овец у себя в Киргизии и там на его глазах неведомо откуда наскочили на отару волки... Они задрали немало овец и ягнят...

- Но то были волки, а эти подонки хуже волков, - тяжело вздохнув он махнул рукой.

Подошедшие машины передового отряда погрузили израненный скот в кузова и перевезли к скотным дворам местных жителей.

... Под вечер, 18 сентября, когда солнце клонилось к закату и с Севера игриво подул легкий ветерок, к Ромодану почти одновременно подошли с трех сторон наша 7-я, 8-я и 9-я мехбригады. В городе над крышами домов торопливо перекатывались густые волны чёрного дыма, горели жилые здания, железнодорожный вокзал и общественные постройки.

Немцы в Ромодане большого сопротивления нам не оказали, они, будучи охваченными с трёх сторон, после артиллерийского налета оставили город. Перед их бегством на северной окраине прогремел громовой взрыв. Хлебный элеватор, приподнявшись, судорожно вздрогнул и мгновенно осел, рассыпав обломки стен и кровли вблизи основания обнажив горы горелого зерна. Но разрушить полностью город фашистам не удалось, не успели.

В Ромодане были взяты большие трофеи, в том числе наш танк Т-34, когда-то захваченный гитлеровцами. Танк был заминирован. Немало пришлось повозиться бригадному инженеру капитану Владимиру Ивановичу Черняеву вместе с сапёрами, чтобы его разминировать.

Незадолго до заката солнца полковник Родионов на северной окраине Ромодана в ветхой избушке, где на время обосновался штаб бригады, сказал командирам подразделений:

- Ромодан освобождён. Следующая задача - Хорол. Но там едва ли враг имеет большие силы. Поэтому, - продолжал он, - командир корпуса приказал для наступления на Хорол выделить лишь по передовому отряду от 7-й и 8-й мехбригад. Отряду нашей бригады наступать в город с северо-восточной, а отряду 8-й мехбригады с западной стороны и завтра к утру освободить Хорол от вероломных захватчиков. Главные силы бригад остаются в Ромодане.

Родионов умолк, устремив свой взор на лица присутствующих командиров, чтобы убедиться, всё ли они поняли. Затем он объявил состав передового отряда и указал время для выступления.

Передовой отряд 7-й мехбригады в составе 2-го мотострелкового батальона капитана Борисова, усиленный артиллерией, сапёрным взводом и взводом разведчиков, успешно совершил ночной наступательный марш на бронетранспортёрах по пыльной просёлочной дороге Ромодан - Хорол и на рассвете 19 сентября завязал уличный бой с противником на северо-восточной окраине Хороля. В то же время с западной стороны города вклинились в бой бойцы передового отряда 8-й гвардейской мехбригады.

Противник, охваченный гвардейцами двух мехбригад с двух сторон, в течение трех часов был полностью смят. Некоторым захватчикам удалось ускользнуть в южном направлении. Одновременно в городе были обезврежены вражеские факельщики и подрывники, делавшие попытки поджечь и взорвать дома.

После разгрома в Хороле фашистских захватчиков, батальон капитана Борисова оставался там до позднего вечера, до подхода туда стрелковых частей, идущих за нами, а затем возвратился в город Ромодан.

Полковник Родионов приветливо встретил вернувшихся из Хороля гвардейцев, горячо поздравил их с боевым успехом. В этот день он был в хорошем настроении, его радовали успехи бригады и корпуса. Ещё бы, в течение суток освобождены от гитлеровских захватчиков два города: Ромодан и Хорол. Михаил Иосифович невольно вспомнил своего замполита полковника Марка Моисеевича Каменковича, находящегося на излечении после тяжёлой контузии.

- Николай Васильевич, - обратился он ко мне, - сообщите в медсанбат полковнику Каменковичу, что пенаты его детства и юности освобождены, фашистов в Хороле больше нет.

Полковнику Каменковичу страстно хотелось принять участие в бою за родной Хорол, за край своего детства, отрочества и юности, войти в этот город вместе с гвардейцами бригады, но, к сожалению, тяжёлая контузия головы не позволила ему это сделать.

Стремительное наступление Красной Армии в летне-осенний период 1943 года успешно развивалось по всей левобережной Украине. По отступающим немецко-фашистским войскам всюду наносились мощные удары по флангам и с тыла. Для отходящего противника всё время создавалась угроза охвата в клещи, угроза окружения. Отбрасывая части противника с промежуточных рубежей, наши войска устраивали им засады, перерезали коммуникации, вносили дезорганизацию в управление, истребляли живую силу и боевую технику.

3-й гвардейский Сталинградский мехкорпус, выполняя задачи на важнейших направлениях 47-й армии Воронежского фронта, настойчиво пробивал путь её войскам к Днепру, не давал врагу закрепляться на выгодных рубежах, за которые тот упорно цеплялся.

20 сентября 1943 года 7-я, 8-я и 9-я гвардейские мехбригады 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса выступили из города Ромодана по маршруту: Яблонево, Белоусовка, Байковщина с задачей: не позднее 21 сентября овладеть крупным населённым пунктом Байковщина и перерезать железнодорожную линию Пирятин-Золотоноша.

35-я гвардейская танковая бригада полковника Асланова, имея большие потери, по приказу командира корпуса передала оставшуюся у неё боевую технику 8-й гвардейской мехбригаде и в дальнейших боях на Украине не участвовала. Она осталась в Ромодане.

Наступательный марш к Днепру совершался в трудных условиях. Дорога была искалечена, разбита, мосты через водные преграды взорваны. Особенно тяжёлой оказалась переправа через реку Сула. Ширина её не ахти какая, но перед ней во всю ширь

простиралась болотистая низина, изрезанная многочисленными протоками. Деревянный свайный мост, проложенный через пойму Сулы, гитлеровцы разрушили.

Командирам передовых подразделений казалось, что они наткнулись на непреодолимое препятствие. Но на помощь гвардейцам пришли местные жители. Они показали место, где проходит, хотя и узкая, но сухая дорожка к руслу реки. Правда и на ней местами пришлось устраивать деревянный настил. Доски достали с окрестных деревень, сапёры и мотострелки приступили к работе.

К исходу дня к реке подошли армейские переправочные средства и перед рассветом следующего дня, по наведенному мосту, мы перешли на противоположный берег реки Сула.

Помех от врага при переправе со стороны Лубны не было. Город Лубны освободил от фашистов 2-й танковый корпус 40-й армии.

Вырвавшись из пойменной трясины, 7-я Гвардейская мехбригада вышла на оперативный простор. Впереди, справа и слева сверкали зарницы пожаров: горели стога и скирды, горели хутора и деревни. Немцы, отступая, жгли всё, что попадало им на пути.

Родионов торопил, требовал от командиров подразделений стремительных действий, требовал не снижать темпа наступления.

Впереди бригады по тряской дороге шли бронетранспортёры. Разведчики, объезжая колдобины и другие шероховатости дороги, спешили. За бронетранспортёром старшего сержанта Калый Алакеева «атчана батыря» (бесстрашного витязя) из Киргизии двигались машины старших сержантов Падояна и Алименкова.

Кругом, объятые косыми лучами восходящего солнца, простирались широкие ровные поля и луговины. Они невольно напомнили Алакееву далёкую солнечную Киргизию и ласковые прощальные слова своего отца, старого чабана: «Возьми, мой атчан батырь, вот эту пиалу с собой», - сказал он, благословляя сына на подвиг ратный, - пусть она принесет тебе и твоим товарищам счастье в походе.

Голубую, как весеннее небо, многогранную пиалу, окаймленную золотым ободком, Алакеев бережно хранил при наступлении под Сталинградом и на Дону в вещевом мешке и пил из неё крепкий чай только после успешных действий в разведке. Но в бою под Гудимовкой горячий осколок вражеской мины пробил вещевой мешок, и пиала, покрытая светло-голубой глазурью, рассыпалась на мелкие кусочки.

Потеря пиалы, как дорогого амулета, встревожила «атчана батыря», подействовала на него удручающе. Он ходил сам не свой, и как никогда, мучительно переживал. Но помог ему одессит Падоян. Он рассказал, что посуда бьётся только к счастью, и Алакеев поверил в эту мудрую русскую примету. Печаль с его души исчезла... Он собрал все мелкие кусочки любимой пиалы и завернул в вышитый платочек, присланный в посылке девушками из далёкой Караганды. Он стал их хранить так же бережно, как и пиалу, но отцу об этом в письме и словом не обмолвился.

- Товарищ старший сержант, впереди немцы! - прервав его размышления, доложил водитель бронетранспортёра.

Рукой схватив висевший на груди полевой бинокль, Алакеев мигом поднес его к глазам и стал внимательно наблюдать, что за противник появился на пути его движения. Впереди на дороге стояли две немецкие автомашины с раскрытыми бортами. Гитлеровцы, разгрузив с них часть мин и шанцевый инструмент, приступили к минированию полотна гравийной дороги.

- Ай, бандюги, - выругался Калый, - дорогу минами заряжают...

Он, не мешкая, подал команду взводу бронетранспортёров - развернуться и атаковать минёров противника.

Немцы, увлеченные работой, вначале не обратили внимания на появившиеся вдали бронетранспортёры. Они, вероятно, посчитали их за свои, отставшие от колонны машины. Но когда над их головой засвистели крупнокалиберные трассирующие пули, они всполошились, побросали всё из рук и, как ошалелые, бросились в кузова автомашин, чтобы скорее удрать из-под огня, но уйти им всем не удалось.

Разведчики, приближаясь к ним, на ходу вели сосредоточенный огонь из всех бронетранспортёров. Прямое попадание трассирующей пули в бензобак одной машины, вначале вызвало яркую вспышку над машиной, а затем грянул огромный взрыв бензина и мин, оставшихся на дне кузова. Кабину и борта грузовика разбросало в стороны. Гитлеровцы, вскочившие в него, погибли.

Вторая автомашина, под прикрытием взрыва и сверкнувшего огня от задней машины, вырвалась вперёд и тут же скрылась из глаз наших разведчиков.

На ослепительно синем небе, как летом, ярко полыхало, скользнувшее из-за горизонта, осеннее солнце. Было тепло, но разведчики этого уже не замечали. Подойдя к тому месту, где гитлеровцы начали минировать дорогу, они остановились. Командир взвода бронетранспортёров старший сержант Алакеев решил убрать с дороги мины, перенести их на обочину, и тем самым допустил большую оплошность.

Мины с дороги гвардейцы быстро убрали, их не так уж много было, но время упустили. Вторая вражеская машина, оторвавшись от них за эти короткие минуты, пока разведчики возились с минами, ушла далеко, далеко. О ней Алакеев вспомнил лишь тогда, когда взглянул на карту и увидел на ней у населённого пункта Яблонево синюю извилистую линию реки Оржица ...

- Чёрт побери, - крикнул он неизвестно кому, - а ведь они мост через Оржицу взорвут!.. Как это мы упустили их? - затем, вскочив в бронетранспортёр, подал команду взводу: - По машинам!

Бронетранспортёры ринулись вперёд, но было уже поздно. Алакеев нервничал, бил себя рукой в грудь за нерасторопность. Мрачные мысли, тесня друг друга, закружились в его голове.

- Растяпа... - выдавил он из уст это хорошо знакомое ему русское слово.

Никогда с ним такого не было. «Если взорвут, черти, мост через Оржицу, так и скажу комбригу: виноват в этом только я», - решил он про себя.

А так оно и получилось. Подъезжая к Яблонево, разведчики ещё издали увидели, как взметнулся над Оржицей взрыв. Обломки моста полетели вверх. Над рекой повисло рваное облако дыма.

- Товарищ старший сержант, теперь они, наверное, взорвут мост и у Белоусовки через реку Чумгак, - крикнул Алакееву младший сержант Самарский.

Алакеев, косо посмотрев на него, крикнул от боли на душе за допущенный промах, немного помялся, о чём-то думая, а затем вынул из сумки переговорную таблицу и стал передавать по рации командиру разведроты лейтенанту Николаеву: «В Яблонево противника нет. Мост через Оржицу взорван. Выхожу на Белоусовку пешим порядком. Алакеев».

Сколотив из состава экипажей бронетранспортёров небольшую группу пешей разведки, Калый Алакеев направился с ними на Белоусовку. С бронетранспортёрами у реки Оржицы остались водители машин и старший сержант Падолян.

Полдень был в разгаре. Пешие разведчики, выдвинув вперёд дозорных, шли торопливо. Они то и дело бросали взоры на поднимающиеся ввысь то в одном, то в другом месте облака дыма. И опять горели стога и скирды, горели хутора и села, гибли белые украинские хаты и крылатые ветряные мельницы, опустошались широкие поля и сады, уничтожались леса и перелески. Сердце сжималось до боли от неслыханного варварства фашистских извергов.

Вскоре впереди показалась Белоусовка. Хаты там стояли все целёхонькие, а крыш над ними небыло, виселись одни голые стропилины.

- Братцы, смотрите - крыши с хат в Белоусовке куда-то исчезли ... - прервав общее молчание товарищей, крикнул Василий Титов, - Уж не гитлеровцы ли их утащили?

- Они скорее сожгли бы, чем тащить их, такова уж их фашистская порода, - пояснил Тимофей Самарский.

Долго судили и рядили разведчики, почему всё село оказалось без крыш. Но когда они вошли в Белоусовку, одна добрая старушка им растолковала:

- Милые, страху-то сколько было!.. Когда мы узнали, что немцы-то, отступая, поджигают соломенные крыши, жгут хаты и сараи, тогда мы собрались ночью всем миром, сняли с крыш солому, отнесли в поле и там её спалили, - развела руками старушка.

- Вот поэтому наше село и осталось целёхонькое: им некуда было огонь сувать.

- А кто же это придумал, мамаша? - спросил Вася Титов.

- Есть у нас такие... - недоговорив, махнула она рукой.

Немцев в Белоусовке не было, они только что ушли, взорвав мост через реку Чумгак.

Калый Алакеев написал на клочке бумаги донесение и послал его с младшим сержантом Титовым командиру роты.

- Теперь у нас встреча с противником будет у железнодорожной линии Пирятин - Золотоноша, - сказал Алакеев своим разведчикам.

Выполняя приказ командира корпуса, 7-я и 8-я гвардейские мехбригады, преодолев водные преграды в районе Яблонево и Белоусовки, в ночь на 22 сентября разгромили противника в селе Байковщина и перерезали железнодорожную линию Пирятин – Золотоноша.

ЗОЛОТОНОША

Утром 22 сентября 1943 года, как только забрезжил чуть тронутый легким багрянцем рассвет, части 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса повели наступление в направлении города Золотоноши. На правом фланге вдоль небольшой речушки Золотоноши совершала наступательный марш механизированная бригада полковника Родионова. В центре боевого порядка корпуса вдоль железнодорожного полотна Пирятин - Золотоноша двигались гвардейцы полковника Даниила Никитовича Белого, а на левом фланге продвигалась механизированная бригада полковника Павла Ивановича Горячего.

7-я и 8-я гвардейские мехбригады имели задачу ворваться в Золотоношу и освободить город от немецко-фашистских захватчиков, а 9-я гвардейская мехбригада тем временем должна была овладеть крупным опорным пунктом немцев Вознесенское и захватить переправу через реку Днепр в районе города Черкассы.

Было сухо, тепло. Дни в это время стояли солнечные, тихие. Бойцам казалось, что лето в этом году уходит не собирается. Погода радовала воинов. А кругом такая красота - не опишешь.

- Ну и лето нынче - что надо! - крикнул на ходу с позади идущей машины ординарец полковника Родионова, Павлов.

- Так это же не настоящее, а бабье лето, - ответил ему мой шофёр Богуненко.

- Бабье лето прошло, Федя, - пояснил Павлов, - это наше солдатское лето!

Поднимая клубы пыли, колонны частей шли быстро, стремительно. Они торопились успеть, пока над головой с омерзительным воем не появились вражеские самолёты. К тому же, на скорость движения нашей правой колонны не в меньшей мере влияли находящиеся вместе с командиром бригады и оперативной группой в голове главных сил командир корпуса полковник Катков и командующий бронетанковыми войсками 47-й армии генерал Кретов. Они всё время подгоняли нас:

- Быстрее... быстрее!.. Золотоноша нас ждет!

7-я гвардейская мехбригада, преследуя отходящего противника, заняла село Рождественское и ряд небольших селений. Впереди показалась Скориковка. Этот населённый пункт занимал большую площадь и весь утопал в ещё не успевшей поблекнуть зелени. Перед окнами белоснежных хат стояли, как свечи, пирамидальные тополя. Косые лучи солнца золотили верхушки крыш и деревьев. Было тихо, и бойцам казалось, что в этом селе все ещё спят, и там нет гитлеровцев. Но эта тишина оказалась обманчивой.

Когда разведчики бригады подошли к северной окраине Скориковки, по ним из укрытий огородной зелени, из-за хат и сараев фашисты ударили ружейно-пулемётным огнём. Разведчики приостановились. На помощь им выдвинулся вперёд на танке помощник начальника штаба 48-го гвардейского танкового полка по разведке старший лейтенант Иван Иванович Котенко. Наблюдая за противником, он заметил, как справа из-за поваленного плетня сверкнул острый язычок пламени, но удара снарядом по броне танка не последовало, враг промахнулся.

- Осколочным!.. Короткая!.. - подал команду экипажу Котенко.

Танк сделал мгновенную остановку, раздался ответный выстрел, и вражеская пушка умолкла. Воодушевлённые этим успехом, танкисты рванулись вперёд, но впереди затаившаяся за сараем ещё одна артиллерийская пушка противника, словно из засады, внезапным ударом бронбойным снарядом подбила «тридцатьчетвёрку», машина запылала.

Старший лейтенант Котенко раненый, с обожжённым лицом и волосами, выскочил вместе с экипажем из танка и отполз в укрытие, в заросли кукурузы. Продвижение разведчиков застопорилось.

В то же время по команде полковника Родионова, спешившись с машин, развернулись и пошли в атаку 1-й и 2-й мотострелковые батальоны. Стрельба усилилась, над головой засвистели пули. С южной окраины села открыли огонь две вражеские пушки, видимо те, которые подбили «тридцатьчетвёрку» старшего лейтенанта Котенко.

- Товарищ Цветков, передайте майору Рябову: артиллерию сюда, на прямую наводку, - крикнул мне командир бригады, наблюдая из-за крайней хаты за ходом боя.

Но вблизи оказался командир артдивизиона капитан Ажгибков. Он выдвинул 1-ю артбатарею на прямую наводку, а командиру 2-й батареи поставил задачу - подавить артиллерийские пушки противника на южной окраине села.

- Начальник штаба, перебросьте усиленную роту мотострелков в обход села слева, поставьте задачу - отрезать путь отхода противника на Золотоношу, - отдал распоряжение мне комкор полковник Катков.

- Начальник штаба, передайте артиллеристам: закрыть путь отступления противнику по дороге из села Драбовцы на Золотоношу, - отдал приказание мне командующий бронетанковыми войсками армии генерал Кретов.

- Начальник штаба... Начальник штаба...

Родионов смотрел недоуменно на «вышестоящих» и думал: «Увлёклись что ли?.. Помощники... Уж отдавали бы свои распоряжения прямо комбатам».

И действительно, все распоряжения командиром корпуса и командующим бронетанковыми войсками армии отдавались не командиру бригады, а мне. Я только успевал повторять: «Слушаюсь!.. Слушаюсь!..»

Присутствие на нашем наблюдательном пункте «вышестоящих», как их называл комбриг, и чрезмерное проявление ими активности в какой-то мере сковало действия

командира бригады, да и меня они задёржали. Такие нюансы в управлении подчинёнными в боевой обстановке нередко имели место.

Бой кипел. Впереди и справа были немцы, дробно шла ружейно-пулемётная трескотня. Под рукой у меня, кроме командира и бойцов комендантского взвода, почти никого не осталось: всех офицеров связи, своих помощников и посыльных я разослал с распоряжениями комкора и командующего к командирам подразделений. В скоротечной схватке, когда телефонная связь ещё не развернута, а по радию сразу всех не вызовешь, связь посыльными была самая устойчивая, самая верная, вот ей я в этой обстановке и воспользовался.

Вскоре стрельба стала утихать. Мы продвинулись к южной окраине села. От командиров батальонов стали поступать донесения. Были захвачены пленные. Взяты трофеи. Уцелевшие гитлеровцы бежали на правый берег речушки Золотоноши в сторону села Гельмязов.

Командир 9-й гвардейской мехбригады полковник Горячев донёс по радию командиру корпуса:

- Веду ожесточенный бой за Вознесенск, противник оказывает упорное сопротивление...

У отступающего противника под натиском наших войск в это время не было сплошного фронта. Его оборона состояла из сети узлов сопротивления, причём не всегда связанных между собой системой огня, не говоря уже о локтевой связи. Поэтому в немецкой обороне были бреши, в которые просачивались наши подразделения и части.

Между Скориковкой и Вознесенским, где вели бои 7-я и 9-я мехбригады, тоже образовалась огромная брешь. В эту брешь рано утром 22 сентября стремительно проскочила 8-я мехбригада и вышла к юго-восточной окраине Золотоноши, в тыл противнику.

В 7:00 командир 8-й мехбригады полковник Белый передал шифровкой по радию командиру корпуса:

- Ворвался в Золотоношу, веду тяжёлый бой в районе вокзала...

Одновременно корпусная разведка, действующая на правом фланге, сообщила, что по большаку из села Драбовцы отступает колонна немцев в направлении Золотоноши.

3-й гвардейский Сталинградский мехкорпус вклинился здесь далеко вперёд, а гитлеровцы, как справа, так и слева, оказались позади. Отступая из Драбовцов, они спешили в Золотоношу. Потеря Золотоноши для них означала потерю последнего рубежа на подступах к Днепру и Черкассам в этом районе.

На южной окраине Скориковки полковник Катков предупредил по радию командира 8-й мехбригады о движении к городу Золотоноше частей противника из Драбовцов, а полковнику Родионову приказал выделить сильный отряд, выйти на Северо-западную окраину Золотоноши, выбить оттуда гитлеровцев и не допустить в город отступающие части противника из села Драбовцы.

Полковник Родионов выделил в передовой отряд два мотострелковых батальона, усилил его артиллерией, миномётами, ротой автоматчиков и двумя танками. Командиром отряда назначил командира 43-го танкового полка майора Ивана Степановича Митенкова.

- Николай Васильевич, - обратился он ко мне, - командир танкового полка майор Митенков в бригаде человек новый. Я решил проверить, как он покажет себя в настоящем бою. Вы отправитесь с ним. Понаблюдайте, а если что - помогите ему. С Вами пойдёт и майор Михаил Дмитриевич Рябов.

С остальной частью бригады Михаил Иосифович оседлал дорогу Вознесенск - Золотоноша, чтобы не пропустить теснимых 9-й гвардейской мехбригадой частей противника из Вознесенска в Золотоношу.

В это сентябрьское чудесное утро, когда над головой висело бездонное синеголубое небо, а косые лучи солнца золотились на плакучих ивовых ветвях, белые приземистые хатки села Скориковки, только что освобожденные от фашистских захватчиков, остались позади.

Усиленный передовой отряд под командованием майора Митенкова спешно, буквально в пожарном порядке, двинулся вперёд. Бурно зарокотали моторы автомашин и танков, стремительно покатались колёса и гусеницы, взвихрив дорожную пыль. Бойцы ещё с машин издали увидели вьющийся над Золотоношей дым - горели заводские корпуса и жилые здания.

В 8.00 гвардейцы 7-й механизированной бригады пересекли небольшую речушку перед городом и с ходу ворвались в северо-восточную часть Золотоноши. Мотопехота спешила и охватывая улицы и переулки, бросилась в атаку.

Артиллеристы капитана Ажгбкова на руках выкатывали 76-миллиметровые орудия на прямую наводку, наносили удары по вражеским пушкам и скоплению пехоты. Миномётчики, установив миномёты на перекрестках улиц, готовили их к стрельбе.

- Вахтанг, будь другом, поддержи миномётным огоньком мою роту перед выходом на центральную площадь, - обратился с просьбой к командиру миномётного взвода, лейтенанту Мебадури лейтенант Сорока.

- На меня, Гриша, шибко не надейся, действуй так, как будто меня тут нет, - ответил Мебадури, а затем подумав немного, добавил: - но если тебэ будет туго - малость поддержи...

- Как же так, Вахтанг, - тяжело вздохнул лейтенант Сорока.

- Мин очэн мало, дорогой, разумеешь, - поднажав на последнее слово, пояснил Мебадури, - а то разве пожалел бы я их для поддержки тэбя...

Бой кипел. Над кварталами города стоял сплошной гул. Бойцы 7-й и 8-й мехбригад напористо штурмовали площади, улицы, проезды и глухие переулки, где засели фашистские вояки, стремясь удержать город в своих руках, и вскоре злобное их упорство было сломлено. Бросая оружие и оставив после себя руины, пепел и мертвые тела замученных, ни в чем не повинных людей, бежали в лес, который рос западнее города.

Гитлеровцы в Золотоноше подожгли все заводские корпуса, разрушили многие дома, школы, театр, склады, элеватор с зерном, взорвали железнодорожную станцию. За время оккупации они уничтожили здесь более пяти тысяч местных жителей. Тысячи девушек и юношей угнали в фашистскую неволю, в Германию.

Продвигаясь от дома к дому, от улицы к улице, подразделения 7-й гвардейской мехбригады к девяти часам утра вышли на Северо-западную окраину Золотоноши. Здесь они были встречены миномётным огнём со стороны отдельных домов, находящихся в семистах метрах от этой окраины.

К городу подошли отступающие части противника из Драбовцов и с ходу бросились в контратаку. Они со звериной разъяренностью лезли через кукурузное поле и по дороге, стремясь ворваться в город, но обрушившийся на них огонь нашей артиллерии и миномётов с городской окраины отрезвил их. Воины бригады эту бешеную контратаку отбили, но гитлеровцы на этом не успокоились. Они снова и снова бросались в контратаку. Им, во что бы то ни стало, надо было отбросить нас из Золотоноши и открыть себе и своим частям отступающим с севера, путь на село Деньги и станцию Чапаевка, к переправам через Днепр.

Выход навстречу гитлеровцам двух наших танков ослабил их натиск, фрицы откатились за отдельные дома.

В то же время полковник Родионов, оседлавший частью сил бригады дорогу Вознесенск - Золотоноша, вёл упорный бой с противником, отступающим под ударами гвардейцев 9-й мехбригады из Вознесенска, и тоже стремящихся прорваться в Золотоношу. Но здесь гитлеровцы оказались прижатыми с двух сторон: с севера бойцами полковника Горячева, а с юга воинами полковника Родионова.

Попад в боевые тиски и не сумев прорваться к Золотоноше, немцы суматошно, в полном беспорядке бросились влево, в сторону хутора Крапивное.

Вовремя разгаданный командиром корпуса замысел немцев - войти в Золотоношу и закрепиться там, чтобы потом пропустить все отступающие разрозненные части к Днепру, был сорван.

Гитлеровцам, отходящим со стороны Драбовцов, тоже ничего не оставалось, как искать выход в другом месте, и они этот выход нашли. Они разнюхали образовавшуюся брешь между Золотоношей и частью сил 7-й мехбригады, оседлавшей дорогу, идущую из Вознесенска, и бросились в эту брешь, чтобы уйти на Крапивное и соединиться там с частями, бегущими из Вознесенска.

Артиллеристы 7-й и 8-й мехбригад с юго-восточной и северо-восточной части города открыли по ним перекрестный огонь. Немцы бежали, как ошалелые, оставляя убитых и раненых. Вскоре мы приняли радиogramму командира нашей бригады и командира корпуса:

- Прекратите артогонь. Бьете по своим!

Отдельные снаряды, перелетая через головы бегущих гитлеровцев, падали в расположение наших подразделений и штабов севернее образовавшегося коридора.

Артогонь прекратили, но бой не утихал. Автоматная пальба, вспыхивала то в одном, то в другом месте. К городским окраинам то и дело подкатывались вражеские подразделения со стороны Драбовцов, Гельмязова и села Безбородьки, но наткнувшись на наши боевые порядки, шарахались из стороны в сторону, спасаясь от встречных ударов бросались в близлежащий лес, в болото.

Наступил полдень. Солнце повисло над головой, нежно лаская сиянием лучей природу. Бойцов радовали не только теплынь и чудесные дни прекрасной украинской осени, но и успехи частей Красной Армии на левобережье седого Днепра. Им казалось, что это ещё не осень, а настоящее солдатское лето.

Гвардейцы 7-й и 9-й мехбригад полностью овладели Золотоношей, но в то же время в городе ещё оставались немцы. Они прятались на чердаках и в подвалах. Нам пришлось выделить роту автоматчиков для прочёсывания городских кварталов. Большую помощь автоматчикам оказывали жители каждой улицы, каждого переулка и даже дети. Они показывали им тёмные уголки, где могли укрываться гитлеровцы.

Когда командир отделения сержант Олег Иванович Цыганок (он же и комсорг роты автоматчиков) вышел с группой бойцов из глухого закоулка на одну из улиц, он увидел, как из-за угла большого уцелевшего дома выскочили два сорванца, горячо обсуждая что-то очень важное. Они размахивали руками, спорили. Выглядели эти сорванцы не старше десяти-одиннадцати лет. Заметив бойцов, один из них, с янтарной шевелюрой, крикнул:

- Дяденька, дядя!

- Какой же это дяденька, Серёга, - прервав его, сказал другой мальчик, - он сержант!

- А ты откуда знаешь?

- Я слышал красноармейцы так его называли.

- Тогда, Ванюха, ты начинай, - сказал Серёга. - Сначала расскажи про фашистов в подвале, а потом уже будем проситься в разведчики.

- Не учи, знаю! - сердито ответил Ванюха.

Автоматчики подошли к ним поближе, и только сержант Цыганок хотел предупредить, чтобы они сейчас же шли домой, как Ванюха подскочил к нему и по-солдатски отчеканил:

- Товарищ сержант, в подвале детского дома прячутся три страшнейших фашиста...

- Мы, товарищ сержант, заглянули туда, а они на нас автоматами..., - не утерпев добавил Серёга, - но мы убежали.

- Ну что ж, друзья, пошли, показывайте, где они, - сказал сержант Цыганок, - только в подвал не лезьте...

Автоматчики подошли к детскому дому, приготовили гранаты, взяли оружие на изготовку и осторожно опустили в подвальное помещение. Там они долго шарили в темноте, но потом наткнулись на трёх спрятавшихся гитлеровцев, трусливо прижавшихся к стене. Сопrotивления они не оказали, сдались без боя. Бойцы разоружили их и повели на улицу. Сержант Цыганок поблагодарил мальчиков за помощь и сказал:

- Теперь, Ванюха и Серёга, идите домой. Ходить по улице опасно, везде ещё стреляют.

- Стрельбу мы не боимся, - заявил Серёга. - Вы, товарищ сержант, возьмите нас с собой. Мы у вас разведчиками будем.

- Возьмите, товарищ сержант, мы вам поможем фашистов бить, - начал упрашивать и Ванюха. - Автоматы у нас есть... маленькие немецкие.

- Где они у вас? - спросил Цыганок.

- Спрятаны! - ответил Серёга.

- Принесите их сюда! - подал команду Олег Цыганок.

- Пошли, Серёга! - подхватил его за руку Ванюха, и они скрылись за угловым домом.

Ждать их долго не пришлось. Не прошло и нескольких минут, как Ванюха и Серёга снова появились из-за углового дома. Они шли чуть ли не строевым шагом с автоматами на груди, как настоящие солдаты. Автоматы были заряжены.

- Где же вы достали эти «игрушки»? - спросил сержант Цыганок, забрав у них автоматы.

- Трофеи! - с гордостью ответил Серёга. - Сегодня утром пришли к нам во двор два фашиста, поставили автоматы к стенке дома и пошли к колодцу воду пить, а мы тем временем и утащили их.

- Мы обезоавтоматили их, - поправил Серёгу Ванюха.

- Так, так, значит обезоружили их, - улыбнулся Цыганок. - А теперь марш по домам, - скомандовал он этим юным героям.

- Нет, мы с вами, мы разведчиками хотим стать!

- Когда вырастете, тогда и станете разведчиками.

- Но тогда войны не будет!

- Войны не будет, а разведчики всё равно будут нужны. Будете руду искать, нефть, золото, алмазы ... - пояснил им сержант Цыганок. - А сейчас вам учиться надо, через неделю в школу пойдете...

- Какой Вы несговорчивый, - проворчал Серега, и пошли они домой нехотя, огорченные неудачей.

В городе, за несколько дневных часов, автоматчики бригады выловили с чердаков, подвалов и других тёмных мест более двадцати гитлеровских вояк.

В 19.00 в Золотоношу вошли передовые подразделения 9-й гвардейской мехбригады. Мне удалось направить их на западную окраину города, для прикрытия его со стороны леса. Время шло, а разрозненные группы немцев всё ещё подходили и подходили к Золотоноше. Под вечер в город вошли и партизаны. Они вместе с нашими бойцами принимали участие

в отражении контратак противника. Оружейно-пулемётная стрельба долго не прекращалась, она вспыхивала то в одном, то в другом районе города, а временами переходила в сплошной гул.

В вечерней перепалке с ворвавшимися со стороны леса гитлеровцами погибли: замполит командира 43-го гвардейского танкового полка нашей бригады майор Соломон Исакович Ляхович, инженер 1-го мотострелкового батальона старший лейтенант Н.Н. Горбунов, сержант А.Ф. Вальковский, красноармейцы П.Д. Кислицын, Е.М. Ковалёв, М.Л. Поляков и другие гвардейцы.

Поздней ночью, когда кругом установилась немая тишина, командир корпуса полковник Катков приказал полковнику Родионову вывести 7-ю гвардейскую мехбригаду из Золотоноши к большаку, идущему на Деньгу и Чапаевку.

Бойцы уходили, а город, вырванный из цепких фашистских когтей, казалось впервые легко вздохнув, спокойно спал. Гвардейцам в эту ночь отдохнуть не удалось, некогда... Бригада получила задачу очистить от гитлеровцев всё левобережье в этом районе. В результате мы несколько дней вели упорные бои за сёла Деньги, Чапаевка и Иркеев, за хутор Крапивное и вместе с другими частями корпуса 27 сентября вышли к седому Днепру и начали готовиться к форсированию его, чтобы потом завязать бой за город Черкассы. Но к исходу дня нам эту задачу командующий войсками 47-й армии изменил...

ОГНЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ

Немецко-фашистское командование, пытаясь любой ценой не допустить форсирования советскими войсками Днепра, сосредотачивало на правобережье реки всё новые и новые силы. Оно считало, что войска Красной Армии не смогут без длительной подготовки, а возможно и вообще, преодолеть такую большую водную преграду, как Днепр. Им казалось, что высокий, крутой правый берег Днепра, господствующий над низким левым берегом, является непреодолимым барьером для кого бы то ни было.

Уверившись в неприступности своей обороны, гитлеровцы продолжили по всему правобережью возводить мощные инженерные сооружения, используя все преимущества занимаемых ими позиций.

Но, несмотря на всё это, войска Красной Армии, не дожидаясь прибытия понтонных парков, на ряде участков с ходу, на подручных средствах форсировали Днепр, вызвав тем самым растерянность гитлеровского командования и, опрокинули все его планы на длительную задержку советских войск.

То же самое произошло и в центре полосы наступления 47-й армии в районе города Канева, где части 23-й стрелковой дивизии с острова Каневский, покрытого густым разнолиственным лесом, имеющего скрытые подступы и большое удобство для подхода к реке, с ходу, на рыбачьих лодках, самодельных плотках и других плавучих средствах, в ночное время форсировали Днепр и захватили небольшой плацдарм перед высотой 175,9.

В связи с этим, чтобы не распылять свои силы, командующий войсками 47-й армии приказал: перебросить 3-й гвардейский Сталинградский мехкорпус из района перед городом Черкассы в центр полосы наступления армии для наращивания усилий при форсировании Днепра.

Корпусу была поставлена задача - сосредоточиться в районе острова Каневский и начать форсирование на правый берег Днепра в пяти километрах северо-восточнее Канева, для действий на левом участке захваченного плацдарма.

При наступлении по левобережью Украины у наших гвардейцев Днепр из головы не выходил. Они рвались к нему с ожесточёнными боями, спешили, а когда вблизи Черкасс увидели днепровские кручи и зеркальную гладь Днепра, их охватил неудержимый порыв - скорей освободить его от нацистской нечисти.

Телефонист батальона Алабушева волжанин Степан Тимофеевич Анисов, сняв с головы пилотку, низко поклонился и от всей души крикнул:

- Здравствуй, батюшко-Днепр!.. Привет тебе от матушки-Волги!.. Волгу мы отстояли... А теперь и тебя вызволим из фашистской неволи и станешь ты снова вольной, песенной рекой!

В батальоне капитана Гарбузова, ещё до восхода солнца старший повар сержант Сериков Григорий Ильич подкатил свою кухню к подразделениям и, размашисто взмахнув рукой, запел: «Реве та стогне Днипр широкий!..»

Бойцы, ожидающие его с котелками, удивлённо смотрели на него, а кто-то из них под общий смех, крикнул:

- Ты что, Гриша, уж не глотнул ли спозаранку «наркомовскую порцию»?

- Я не пьющий, - ответил Сериков, - а пою потому, что вот-вот начнём освобождать вековечный наш Днепр от фашистского отребья!

Сержант Сериков, уроженец Орловской области, член партии, в батальоне был не только искусным поваром, но и отличным стрелком. На его счету уже числилось более десятка гитлеровцев, ушедших от его пуль в потусторонний мир.

Первый раз Гриша участвовал в атаке 22 ноября 1942 года под Сталинградом, когда замыкали кольцо окружения фашистской армии Паулюса.

А произошло это так. В разгар боя на хуторе Советский боец Сериков (тогда он ещё не был сержантом) подкатил кухню за угол полуразрушенного дома, торопливо набил сумку противогаса гранатами, подцепил к поясному ремню новенький армейский нож, перекинул через голову ремень автомата, огляделся и, оставив около кухни своего помощника, повара Фёдора Павловича Поцелуева, слегка согнувшись побежал через улицу к домам, где вели бой красноармейцы роты лейтенанта Константина Васильевича Котельникова. Но, как на зло, на другой стороне улицы наткнулся на начальника штаба батальона старшего лейтенанта Нанавьяна.

- Товарищ Сериков, Вы куда?.. Где ваша кухня?.. - спросил Нанавьян.

- Кухня там... в укрытии, товарищ старший лейтенант, - кивнул он головой, прижимая автомат к груди, - а я иду помогать бывшей своей роте фашистов бить...

- Ваше дело, товарищ Сериков, обед готовить, а там и без Вас обойдутся, - пояснил Нанавьян.

- Товарищ старший лейтенант, а если после войны дома спросят: «Расскажи, Гриша, как ты под Сталинградом немца окружал?..» А я им что?.. Ответчу: «Не окружал, а кашу варил!..» Так что ли?..

- Э, да что с Вами поделаешь, идите, - махнул рукой Нанавьян, - только про кухню не забудьте.

Вскоре Григорий Сериков пристроился к одному из отделений своей бывшей роты и начал азартно строчить из автомата по гитлеровцам длиннющими очередями, но тут кто-то одёрнул его:

- Гриша, побереги патроны. .. Каши-то небось больше порции не положишь, а тут вон как разошёлся!..

После такого колкого замечания, Сериков стал тщательно целиться и стрелять уже только короткими очередями.

Позднее, с разрешения командира батальона, они с поваром Федей Поцелуевым частенько ходили по очереди сражаться с врагом, а иногда даже и жребий бросали - кому кашу верить, а кому идти фашистов бить. Но на этот раз счастье сражаться выпало Грише Серикову. Он вместе с ротой Котельникова будет первым врываться на правобережье Днепра, видимо, поэтому, подкатив сюда кухню, запел про Днепр от радости.

Здесь же под Черкассами, в покрытом густым лесом прибрежье Днепра, гвардейцы 7-й, 8-й и 9-й механизированных бригад собирали у местных жителей рыбацьи лодки, припрятанные ими в лесу от немцев, строили для переправы по воде артиллерийских орудий и миномётов плоты из сухих бревен с разобранных сараев прибрежных деревень, резали армейскими ножами из прутьев палочки-пробки, на случай, если лодка будет пробита вражескими пулями - заткнуть ими пробоины и не допустить протечки воды в лодку.

Работа кипела, и вдруг приказ - форсирование Днепра будет в другом месте, с острова Каневский!..

Остров Каневский мы с Родионовым нашли на карте быстро, наметили маршрут и установили порядок движения к нему подразделений бригады.

Этот остров был образован узким протоком, именуемым «Старик», охватывающим вокруг немалый участок земли с лесом на левобережье Днепра. Он имел хороший брод с твёрдым грунтом, удобный для прохода всех видов транспорта. Но гладь реки перед островом Каневский всё же хорошо просматривалась немцами со стороны населённого пункта Бучак и Каневских высот, откуда они то и дело вели артогонь.

Переброска бригады в новый район для нас особой трудности не представляла, но сложность заключалась в том, что мы не имели горючего, вследствие чего не могли сразу выступить. К тому же, заболел Родионов, у него вскрылась рана, полученная весной в бою под Новочеркасском, поднялась температура и, естественно, он чувствовал себя не так, как надо. Бригадные врачи не отходили от него, но их советы - идти хотя бы в медсанвзвод, он и слышать не хотел. Я тоже, как бы между прочим посоветовал ему:

- Вам, Михаил Иосифович, в медсанбат бы лечь ...

- А что Вы, Николай Васильевич, будете делать один?.. Ни замполита, ни зама по строевой нет... Эх!.. - махнул он рукой.

- Справимся, товарищ полковник, поднатужимся... У меня помощники толковые - Юдинцев, Рябов и другие, - ответил я.

Он косо посмотрел на меня, но больше ничего не сказал.

Горючее для нашей 7-й мехбригады мы частично собрали на месте, и пару цистерн нам прислали из штаба корпуса. Дозаправились, после полуночи 28 сентября выступили из-под Черкасс. 8-я и 9-я мехбригады, не имея горючего, остались на месте, они стали ждать, когда им подвезут бензин и смазку для двигателей.

Совершив безостановочный марш к острову Каневский, бригада сосредоточилась на опушке леса недалеко от села Решетки, где с оперативной группой находился уже и командир корпуса.

Полковник Фёдор Григорьевич Катков с нетерпением ждал нас, его торопил командующий армией. Мы сразу же вышли на рекогносцировку ближе к реке, где комкор ознакомил нас с командиром бригады с обстановкой и поставил задачу на форсирование реки.

- Подразделения бригады на правый берег Днепра, - сказал он, обращаясь ко мне, - поведёте вы, товарищ Цветков. Командный пункт бригады оборудуйте в районе оврага перед высотой 175,9. Место для КП подберёте там на месте сами. Начало форсирования реки в 13.00. Связь со мной по телефону и рации. А Вам, Михаил Иосифович, - вздохнув, сказал, - надо отправиться в медсанбат. В таком состоянии Вы не воин.

- Не могу я, товарищ комкор, в такой ответственный момент оставить бригаду, - раздраженно ответил Родионов.

- Можете или не можете, Михаил Иосифович, об этом Вам лучше меня скажут врачи, вот с ними и решайте, - сказал полковник Катков и пошёл к себе на КП.

Родионов обидчиво посмотрел ему вслед, тяжело вздохнул и тут же поставил подошедшим сюда командирам батальонов и артиллеристам боевые задачи, а мне сказал:

- Как только, Николай Васильевич, подготовите там КП, - махнул он рукой в сторону другого берега, - сообщите мне, я сразу же переберусь к Вам, а пока действуйте, - и направился с бригадным врачом майором Тадиозом Давыдовичем Бекоевым к санитарной машине.

28 сентября 1943 года в 13:00 7-я гвардейская мехбригада, впервые в своей практике, приступила к форсированию такой огромной водной преграды, как Днепр.

Вначале над рекой стояла тишина и гладь воды была покрыта мелкой рябью, но эта тишина казалась сиюминутной, обманчивой...

Так оно и получилось. Как только бригадные разведчики и бойцы батальона Алабушева погрузились в подготовленные лодки, в полупонтоны и другие средства переправы, захватив пулемёты, миномёты и боеприпасы к ним, и оттолкнулись от берега, противник открыл из района населённого пункта Бучак и с Каневских высот ураганный артогонь. Днепр забурился, заклокотал, снаряды и мины рвались то в одном, то в другом месте. Плавсредства бросало с волны на волну, как игрушки, окатывая их водой. Горячие осколки свистели над головой, пробивали борта переправочных средств, несли смерть и ранения бойцам и командирам.

Наши артиллеристы, хотя и с опозданием, но тоже открыли с левобережья мощный ответный огонь, правда, подавить вражеские орудия им так и не удалось, снаряды и мины в районе форсирования всё так же продолжали рваться.

Надувную лодку, в которой находилась санинструктор батальона Таня Щербовая, увешанная санитарной сумкой, сумкой противогаса и трофейным автоматом, опрокинуло взрывом снаряда. Бойцы, а вместе с ними и Таня, оказались в воде. Тяжело барахтаясь, она всеми силами старалась удержаться на плаву, но тяжесть сумок и оружия тянула её ко дну реки. Таня захлёбывалась и что-то кричала, но разве в такой круговерти и грохоте услышит кто?.. Руки у неё немели, слабли и, казалось уже всё, не доплыть до правого берега. Но на счастье, рядом оказался сержант Руденко.

- Володя, Володя... - во всю мочь закричала она, уже обессиленная.

Он, подплыв, подхватил её и потащил к берегу, задыхаясь от тяжести.

- Таня, бросай автомат, нам легче будет плыть, - сказал ей Володя.

- Как это брошу, ведь не на прогулку идём, - ответила Таня.

- Танюша, потом мы тебе другой доставем, - стал упрашивать Руденко.

- Когда-то ещё доставете, а стрелять-то сейчас надо!

Таня была упрямая, с трофейным автоматом никогда не раставалась. Она уже не думала о том, что вот-вот утонет, а готовилась к бою. Сержант Руденко с трудом дотащил её до берега и сказал:

- А теперь, Таня, бегом вот к тому овражку, - показал он рукой, - там будет безопаснее.

- Мое место здесь, сержант. Сейчас раненых с реки будут вытаскивать, им помощь нужна, - резанула она.

Таня села на песчаный бугорок, разулась, слила воду из сапожек, проверила медикаменты и встала. В этот момент перед ней, как торпеда, уткнулась в берег плоскодонная лодка из которой вместе с бойцами выскочила вся мокрая и взволнованная военврач батальона Валентина Андреевна Павлова и, увидев Таню Щербовую, подбежала к ней.

- Танечка, дорогая, жива?.. - и, забыв о субординации, обняла её. - Какой ужас!.. Какой ужас!.. - повторяла она. - Сама видела, как люди тонули и ничем помочь им было нельзя... - затем, вспомнив о раненых при переправе осколками мин и снарядов, сказала:

- Таня, видишь впереди овражек? Там будет наш медпункт. Вот туда и надо направлять раненых, а на левый берег их мы будем эвакуировать ночью, - распорядилась она.

Подразделения 1-го мотострелкового батальона, хотя и с потерями, но Днепр преодолели и вышли к подножью высоты 175,5.

Вслед за ними и мотострелки 3-го батальона, спустив на воду лодки, погрузились в них и, оттолкнувшись веслами от берега, стремительно поплыли к правому берегу.

Артогонь противника не утихал. Бесперывно раздавались мощные взрывы снарядов и мин и, словно в преисподней, высоко поднимались огромные фонтаны воды, а затем обрушивались на головы гвардейцев. Были и прямые попадания в переправочные средства.

Воинам порой казалось, что злой демон их тащит в пучину разбушевавшейся реки. Было жутко. Многие так и не доплыли до правого берега, оказались под водой.

Преодолев реку, мотострелки капитана Гарбузова отошли от кромки воды, где то и дело свистели осколки снарядов и мин.

С оперативной группой, саперами и ротой автоматчиков я сошёл на правый берег в тот момент, когда капитан Алабушев с бойцами уже полз по скату к высоте 175,9, а капитан Гарбузов у её подножья ставил подразделениям боевые задачи. Я подошёл к нему и начал его торопить.

- Решительней действуйте, товарищ капитан, - сказал я, - иначе атака гвардейцев Алабушева захлебнётся, - и он подал команду командирам рот: «Вперёд!»

После этого разговора я показал начальнику инженерной службы капитану Черняеву, куда сосредоточить мины и дал команду подготовить их к установке ночью впереди позиций наших подразделений. Капитан Юдинцев с группой сапёров направился готовить командный пункт бригады.

Начальник связи капитан Смяткин подошёл ко мне и доложил:

- Проводная связь, товарищ майор, с левым берегом через Днепр установлена. Только из-за отсутствия специального подводного кабеля пришлось использовать красный трофейный провод и опустить его с лодки на дно реки, прицепив к нему металлические грузила.

- Хорошо. Соедините меня с левым берегом, - распорядился я.

Когда провод соединили с телефонным аппаратом, капитан Смяткин подал мне телефонную трубку и сказал:

- Товарищ майор, у телефона командир корпуса.

Я доложил командиру корпуса о выходе бригады на правый берег и передал ему координаты, где она сосредоточилась. Одновременно доложил, что решил атаковать противника на высоте 175,9, пока он там не укрепился.

- Для этого, товарищ полковник, - добавил я, - нам нужна перед атакой двадцатиминутная поддержка огнём артиллерии с левого берега.

- По высоте 175,9? - спросил он.

- Точно так, товарищ полковник, - ответил я.

- Хорошо, ждите ...

После нелёгкой переправы через Днепр и выхода в район сосредоточения, гвардейцы привели себя в порядок и с нетерпением стали ждать ту минуту, когда начнут штурмовать высоту 175,9.

На этом берегу особенно были возбуждены коренные украинцы, уроженцы здешних мест: Таня Щербовая, Володя Руденко, одессит Ваня Подолян, Миша Цирша и многие другие. Они с боями отмахали тяжёлый, долгий путь до родных урочищ, рек и полей, и были готовы всё отдать, чтобы скорей освободить родной край от фашистских кованых сапог.

Сержант Руденко, обращаясь к старшему сержанту Артюховскому, восторженно рассказывал:

- За этой высотой, Стёпа, за которую сейчас мы будем сражаться, находится святыня нашей батьковщины - Чернеча гора... на которой покоится нетленный прах великого кобзаря Тараса Шевченко! На Украине, - продолжал он, - едва ли найдётся человек, который не побывал бы в довоенное время у его могилы. Я с отцом приезжал сюда дважды.

- А на этот раз, Володя, ты приехал не только для того, чтобы поклониться вместе с нами его священной могиле, но и вызволить её из вражеской оккупации, - ответил ему Артюховский.

- Правильно, Стёпа, - подтвердил его слова Руденко. - А теперь давай споём любимую песенку нашего кобзаря, - и, взмахнув рукой, запел:

- Зоре моя вечерняя, зайди над горою...

Старший лейтенант Иван Иванович Шепель прошёл с боями нелёгкий путь и пережил немало удач и неудач. На сердце у него постоянно была тревога, он не знал, что с родными, что с его семьёй, с отцом и матерью, оставшимися в оккупации.

Но бывает так, когда человек под каким-то воздействием меняется, становится другим. Так получилось и со старшим лейтенантом. Как только он преодолел с ротой Днепр и вступил на правобережье - у него появилась надежда на скорое освобождение мест, где он родился и провёл свое детство, на скорую встречу со своей семьёй, с отцом и с матерью.

Уверенность в осуществлении этой мечты становилась в нём всё сильнее и сильнее, и она как бы преобразила его, пробудила в душе у него что-то новое, возвышенное... Он стал разговорчивее, воспрянул духом и с нетерпением ждал, когда поведёт роту в бой, в атаку.

Перед атакой Шепель, как метеор, появлялся то в одном, то в другом мотострелковом взводе, воодушевлял бойцов, бросал им озорные шутки, чего с ним раньше не бывало. Во взводе станковых пулемётов почти каждому расчёту подсказал, где лучше занять огневую позицию и как вести огонь. Его приподнятое настроение не осталось незамеченным бойцами. Они поняли - что-то происходит с ротным, что-то у него на душе кипит. А на душе у него кипело тоже самое, что и у многих, кто приближался с боями к своему дому, захваченному фашистской сворой. Старший лейтенант Шепель думал: «Днепр позади... Ещё два-три рывка и встреча с семьёй!»

После моего разговора с командиром корпуса о переправе бригады через Днепр, мотострелки капитана Алабушева, преодолев половину расстояния до высоты 175,9, залегли заняв исходное положение для броска вперёд, к рубежу атаки, и стали ждать начала артподготовки. Вскоре на этот же рубеж вышли бойцы капитана Гарбузова и расположились левее мотострелков капитана Алабушева.

Противник, занимая более выгодное положение на высоте, открыл со своей недооборудованной траншеи ружейно-пулемётный огонь, продолжая в то же время окопные работы. Началась огневая перепалка.

День клонился к вечеру. Солнце спряталось за хмурые облака, не спеша плывущие куда-то на запад. Этот день, словно по заказу, был пасмурный, непригодный для вражеской авиации, для нашей тоже.

- Товарищ майор, Вас к телефону, - доложил телефонист Саша Удилин, передав мне телефонную трубку.

- Товарищ Цветков, засекайте время - через пять минут начало артподготовки. Ваш сосед справа поддержит вас. Желаю успеха, — сказал полковник Катков.

Я тут же передал командирам батальонов - подготовиться к броску на рубеж атаки. В то же время направил в боевые порядки мотострелковых подразделений только что переправившуюся на правый берег отдельную роту противотанковых ружей.

С соседом справа мы локтевой связи не имели, но на время, пока не протянули телефонный кабель, связь установили посыльными.

Внизу, на дне песчаного овражка, на батальонном медпункте 1-го мотострелкового батальона военврач Павлова с санинструкторами оказывала медицинскую помощь раненым при переправе через Днепр. Бойцы, которых осколки снарядов и мин задела слегка, после соответствующей обработки ран уходили в свои подразделения. А тех, у кого эти осколки остались, как сувениры, в груди, под лопаткой или в другом месте, готовили к отправке ночью на левый берег, на операцию.

Условия для обработки открытых ран здесь в овраге, где пыль да песок, оказались неимоверно тяжёлыми. Валентина Андреевна была расстроена, нервничала. Она никак не могла успокоиться, взять себя в руки.

- Вот если бы ночью мы переправлялись, - сказала она Тане Щербовой, - то, наверное, меньше имели бы погибших и раненых...

- Так-то оно так, Валентина Андреевна, но, видимо, откладывая форсирование до ночи было нельзя, - ответила Таня, - ведь война...

- Да, может быть и так, - согласилась она.

Таня Щербовая ловко обрабатывала раны, но в то же время то и дело посматривала на часы. Она знала, когда наши должны перейти в атаку и мысленно уже была там, у высоты, метко стреляя из автомата, вместе со всеми бойцами кричала «Ура!» Она работала и думала: «Как бы туда, на высоту, не опоздать?» И наконец не выдержала, обратилась к врачу:

- Валентина Андреевна, разрешите мне идти в подразделения, ведь там скоро начнется бой и опять будут раненые...

Валентина Андреевна слегка улыbnулась и, вздохнув, сказала:

- Хорошо, Таня, иди, только оставь здесь свой автомат, там он мешать тебе будет.

- На передний край и без автомата? - удивилась Таня.

- А ты на передний-то край не лезь, - посоветовала Валентина Андреевна.

- Как же так, ведь я комсомолка, - ответила Таня и, как метеор, с санитарной сумкой и трофейным автоматом помчалась в подразделения своего батальона.

На левом берегу под откосом песчаного бугра дала залп «катюша». Её мины, как кометы, пронеслись над головами гвардейцев и стали рваться на самой высоте, где гнездилась немецкая пехота.

Вслед за «катюшами» загремели орудия и миномёты, ковыряя взрывами снарядов и мин вражеские позиции на облысевшей горе. Мощный огонь артиллерии прижал гитлеровцев к земле.

Немецкие орудия молчали. То ли они не знали, куда стрелять, то ли ещё что-то произошло. Командиры батальонов, уловив нужный момент, подали сигнал подразделениям - «Вперёд!»

Гвардейцы, преодолевая под завесой огня крутой склон высоты, стали быстро накапливаться на рубеже атаки. Недалеко от сержанта Руденко плюхнулась на землю с автоматом в руках санинструктор батальона Таня Щербовая.

- Старшина медслужбы, а ты зачем здесь, - вдруг вырвалось из уст у Руденко.

- Затем же, зачем и ты здесь, сержант: освободить родную землю, - ответила Таня. - Вот что, Таня, ты хоть под огонь-то не лезь, - смягчив тон, посоветовал Руденко.

- Не учи, Володя, знаю, - сердито ответила Таня.

С того же места на левом берегу Днепра, как и перед началом артподготовки, снова прожужжала «катюша». Это был сигнал переноса артогня в глубину, сигнал бойцам - в атаку.

Мотострелки, как один, рванулись вперёд с оглушительным «Ура!» прорывающимся сквозь грохот боя по всей высоте. Снаряды и мины в это время рвались уже где-то впереди, поднимая там песчаные столбы.

Старший лейтенант Шепель, подняв роту, стремительно повёл её в атаку, охватывая частью сил справа неприкрытый фланг противника и, приближаясь к его первой траншее, откуда гитлеровцы, после артогня, стали поднимать головы, крикнул:

- Гранаты к бою!.. - и со всей силы метнул ручную гранату ф-1 в направлении немцев.

Вслед за его гранатой роем полетели с атакующей цепи увесистые «лимонки», лопаясь с треском над вражеской сворой.

Бой кипел, ширился. Сгорбленные фигуры бойцов то и дело мелькали у песчаного бруствера, выкуривая врага из траншей, а кое-где уже шла рукопашная...

- Коли!.. Бей гадов!.. - раздавались голоса бойцов.

Старший лейтенант Шепель перед атакой достал где-то винтовку с обнажённым штыком и, вспомнив, как учили его в училище приёмам штыкового боя, решил это применить на деле. Он вместе с бойцами принял участие в рукопашной схватке, воодушевляя их личным примером, поднимая боевой дух.

Действовал Шепель умело, уверенно. Уложил трех фашистских вояк, но увлёкся и оторвался от своих бойцов, оказался впереди их. Заметив это, гитлеровцы с двух сторон набросились на него, но подоспевший к нему боец Василий Иванович Беликов помог расправиться с ними.

Немцы тоже дрались упорно. В ход с обеих сторон были пущены не только штыки и ружейные приклады, но и кинжалы, и армейские ножи, и сапёрные лопаты, а кое-где, ухватившись за грудки, противники дубасили друг друга кулаками, сворачивая скулы... душили, вцепившись в горло...

А Таня Щербовая, юрко передвигаясь между бойцами, ловила на мушку то одного, то другого немца в угловатой каске и сразу же, как косой, резала короткой очередью из автомата. Затем снова, словно заядлый охотник, выслеживала очередного фашистского зверя и с возгласом:

- Вот тебе, идол проклятый!.. - отправляла его к чертям в преисподнюю.

- Ну, Таня, и довоюешься же ты... - со злостью буркнул Артюховский, наткнувшись на неё, - Сейчас же уходи отсюда!..

Таня обиженно посмотрела на него, но всё же послушалась; отшла назад и, тяжело вздохнув, опустилась на землю. Ей как-то стало не по себе, она была взволнована. Вдруг кто-то вблизи крикнул:

- Сестричка, сестричка, помогите! ...

Таня вскочила, как ужаленная, и принялась за свое дело.

Над высотой 175,9 опустились вечерние сумерки, а бой всё ещё продолжался. Овладев первой траншеей, мотострелки Алабушева и Гарбузова с ходу ворвались во вторую траншею противника и в считанные минуты очистили её от врага.

Командирам батальонов я передал: дальше не лезть, так как сил у нас мало, закрепиться на захваченном рубеже до прибытия сюда нашей артиллерии и глубже окопаться. Одновременно мой заместитель капитан Юдинцев организовал вместе с капитаном Черняевым установку сапёрами противотанковых мин впереди позиции занятой подразделениями бригады.

В то же время мною была поставлена задача разведчикам: проникнуть в населённый пункт Селище и выяснить, какие там у противника имеются силы, и есть ли там у него танки.

С наступлением темноты противник, словно спохватившись, совершил со стороны Каневских высот огневой налёт по расположению наших подразделений. Шальной снаряд, взорвавшийся вблизи командного пункта батальона, покалечил осколками комбата Алабушева и адъютанта батальона младшего лейтенанта Василия Михайловича Иванова.

Вечером, после обработки ран, врач Павлова эвакуировала их на левый берег, а в командование батальоном вступил капитан Нанавьян.

На правом берегу Днепра мы с нетерпением ждали свою и приданную нам артиллерию. Кстати, танков у нас к этому времени, после тяжёлых сражений на левобережье Украины, уже не осталось.

В связи с этим нашу 7-ю гвардейскую мехбригаду перед форсированием Днепра усилили: 1212-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком (ИПТАП), который имел на вооружении длинноствольные 57-мм пушки, миномётным дивизионом 120-мм миномётов 129-го миномётного полка и батареей автоматической зенитной артиллерии 1705-го зенитного артполка. К тому же мы имели у себя артиллерийский дивизион 76-мм орудий, миномётный батальон и по батарее противотанковых пушек в каждом батальоне. Одним словом - сила внушительная.

Командующий артиллерией бригады майор Михаил Дмитриевич Рябов с левого берега Днепра сообщил по телефону:

- Артиллерия, Николай Васильевич, к форсированию реки готова. Ждите ...

Ждать пришлось недолго. Как только нависла над Днепром ночная темень, артиллеристы лихорадочно принялись за погрузку орудий, миномётов и боеприпасов на поданные им армейские переправочные средства.

Вскоре переправа началась. Всплески волн на реке усилились. Небольшие, но юркие катера, сердито урча и разгоняя от себя водяные валы, уверенно тащили за собой тяжёлые паромы. В то же время отдельные вражеские снаряды, словно кого-то искали, взрывались то в одном, то в другом месте.

Противник всю ночь, с небольшими перерывами, методично вёл огонь по переправе, в результате чего артиллеристы имели, хотя и небольшие, но потери.

Переправившимся на правый берег артиллерийским подразделениям мною была поставлена задача: занять огневые позиции на высоте 175,9 в боевых порядках мотострелковых подразделений и до рассвета окопаться.

Майор Рябов посмотрел вверх на кручу, улыбнулся, и сказал:

- Но сначала нам надо взобраться туда!..

- Правильно, - заметил я, - запрягайтесь, как кони, и вперёд!

Боевые расчёты подразделений 1212-го ИПТАП с помощью мотострелков, выкатили 57-миллиметровые противотанковые пушки на высоту на руках. Сложнее было с 76-миллиметровыми, более тяжёлыми орудиями нашего артдивизиона, но и здесь командиры батарей старшие лейтенанты Юрий Петрович Абрамов и Григорий Васильевич Малинко нашли выход. Они с бойцами втаскивали орудия на высоту на канатах и устанавливали там на огневые позиции.

К рассвету 29 сентября высота 175,5 ошетилилась частоколом орудийных стволов. Миномёты были установлены за боевыми порядками бригады.

Для прикрытия узкой полосы побережья под кручей, растянувшейся вдоль Днепра, капитан Гарбузов направил к населённому пункту Селище мотострелковый взвод младшего лейтенанта Георгия Спиридоновича Гаврилова, усилив его пулемётным взводом младшего лейтенанта Петра Яковлевича Мирончика.

Гаврилов опустил с мотострелками с высоты 175,9 в обглоданный снарядами прибрежный тальник и начал неспеша продвигаться вперёд, ближе к селу Селище. Внизу противника небыло.

Подобрав удобное место недалеко от околицы села, он окопался с бойцами и стал ждать поисковую группу разведчиков своей бригады, действия которой ему предстояло поддержать огнём.

Было темно. Слева от реки веяло прохладой, и отчётливо раздавались всплески волн, поднятых взрывами снарядов и мин на переправе позади мотострелкового взвода. Справа между высотой 175,9 и Селищем скрещивались и рвали тёмную занавесь неба светящиеся строчки трассирующих пуль.

Младший лейтенант Гаврилов, ожидая разведчиков, волновался, переживал. Он был нетерпелив. Ему то и дело, как школьнику, хотелось скорей что-то сделать, что-то совершить. Он готов был со своим взводом войти в Селище и поднять там среди фашистов несусветный переполох, но, вспомнив предупреждение командира батальона о сдержанности, эту дерзкую мысль отогнал от себя.

Около полуночи к мотострелкам Гаврилова подошли бригадные разведчики. Гаврилов, встретив их любезно, рассказал им что он успел увидеть. Правда, данные его о противнике были скудные, но это естественно, ведь ему не разрешили проявлять здесь самостоятельно какую-либо активность.

Разведгруппа старшего сержанта Ивана Никифоровича Алименкова состояла из одних сержантов, лучших мастеров ночного поиска. Это были ветераны бригады, brave

гвардейцы: Гавриил Иосифович Егоров, Иван Антонович Подолян, Николай Никанорович Холкин, Калый Алакеев, Василий Арсентьевич Титов и Пётр Наумович Крюков. Их задача была взять «языка» и выяснить, имеются ли у противника в Селище танки.

- Вот сейчас бы Вам, товарищ старший сержант, в Селище-то идти, смотрите, какая темень, - посоветовал Алименкову Гаврилов.

- Сейчас и пойдем, - ответил Алименков. - Только у меня к Вам просьба, товарищ младший лейтенант. Когда мы, выполнив задание будем уходить из Селищ, немцы могут преградить нам путь отхода вот отсюда, - показал он рукой, - тогда вы пожалуйста, подзадержите их здесь огоньком, пока мы не выйдем к вам.

- Не беспокойтесь, у Пети Мирончика здесь установлены два станковых пулемёта, он сразу их придержит... А, в случае чего, атакуем, - заверил его младший лейтенант Гаврилов.

Возглавив группу захвата, старший сержант Алименков повёл разведчиков на поиск. Шли они осторожно, не спеша, аккуратно раздвигая руками разномастные заросли, чтобы они не шуршали под ногами.

Вскоре гвардейцы наткнулись на прямую дорожку, идущую из Селищ к Днепру, по которой, видимо, местные жители ходили на реку полоскать бельё, загорать и купаться. Дорожка была ровная, но заросшая травой, и она почему-то привлекла внимание разведчиков, как ориентир. Они остановились и в этот момент вдруг кто-то хрюкнул два раза на выходе из села, а затем послышался топот кованых сапог...

- Что это?.. - спросил Иван Алименков неизвестно кого и, перескочив через дорожку, залег вместе с группой захвата в кусты.

Сержант Холкин, приблизившись с бойцами группы прикрытия к этой дорожке, тоже застыл на месте.

Напряжённо вглядываясь в ночную темноту, разведчики увидели забавную картину. Сержант Егоров даже хохотнул, но Алименков цыкнул на него:

- Тихо!.. Ишь разошёлся... - Затем распорядился: - Найдите мне кол или палку подлинней!

Крюков нащупал какую-то жердину и подал ему осторожно тонким концом.

Тем временем, верный пёс фюрера, с автоматом за спиной, размахивая руками, бежал из Селищ со злобной руганью за вырвавшимся из его рук поросёнком. Он нёс его, видимо, кому-то на жаркое. А поросёнок с белоснежной щетиной, спасаясь от него, как от дикого зверя, катился по дорожке к Днепру, словно сказочный бабушкин колобок.

- Вот это да... - протянул Алименков, - на ловца и зверь... - и тут же подал один конец жердины на ту сторону дорожки сержанту Холкину, показав ему жестом руки, что надо сделать, чтобы остановить не в меру ретивого воина вермахта. Разведчики приготовились к его встрече, ведь «язык» им крайне был нужен.

А воин вермахта, ничего не подозревая, бежал, словно очумелый зверь, даже под ноги не смотрел. Он видел только одно, как впереди его мелькает, катится к Днепру белый, лакомый «колобок» и хотел, во что бы то ни стало, догнать его. Но вдруг споткнулся, зацепившись ногами за чуть приподнятую разведчиками жердь, и грохнулся на землю, как бревно.

Старший сержант Алименков, совершив искусный прыжок прижал его голову лицом к травянистой дорожке, чтобы он не закричал. Затем Егоров и Крюков помогли сунуть гитлеровцу тряпичный кляп в рот, обезоружить и связать ему руки за спиной.

- Молодцы, ребята!.. «Языка» без шума взяли, - похвалил разведчиков Алименков.

- Для гарантии, товарищ старшой, не мешало бы взять ещё и «напарника» этому «языку», - улыбнулся сержант Холкин.

- Правильно!.. Вот этим, Миша, ты сейчас и займешься вместе с Титовым и Крюковым, - распорядился Алименков, - но только помни, - добавил он, - «напарник» с минуты на минуту может появиться здесь. Он «бегуна» за поросенком будет искать. Взять его надо тоже без шума, - посоветовал Холкину старшой. - А мы с Егоровым заглянем в Селище, - сказал он на прощание.

«Бегуна за поросенком», (так прозвали разведчики захваченного немца) повели на командный пункт бригады сержанты Иван Падолян и Калый Алакеев.

Старший сержант Алименков и сержант Егоров, осторожно пробираясь задами населённого пункта Селище, незаметно проникли в один глухой закоулок этого села и, наблюдая оттуда, увидели на нижней улице три немецких танка Т-4, застывших под окнами низеньких хат. Убедившись в наличии танков в Селище, разведчики рисковать больше не стали, они решили вернуться обратно, на командный пункт бригады.

А тем временем, как только сержант Холкин засел с Титовым и Крюковым в засаду, из Селищ выскочил обеспокоенный немец, и начал глухим голосом звать «бегуна за поросёнком»:

- Вагнер, Вагнер!..

Остальные слова были непонятны, видимо спрашивал – «Где ты?», и стал по дорожке продвигаться в сторону реки, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Не прошло и минуты, как он оказался на том месте, где его с нетерпением поджидали разведчики, остановился и снова стал звать:

- Вагнер, Вагнер!..

В этот момент, выскочив из-за куста, сержант Холкин нанёс ему по голове удар прикладом автомата. Немец упал. Титов и Крюков обезоружили его, связали руки и сунули в рот тряпичный кляп, чтобы не закричал. Затем, изъяв у него документы, повели в расположение мотострелкового взвода младшего лейтенанта Гаврилова, где и стали ждать, когда вернутся из Селищ Алименков и Егоров.

Время шло. Тревожные минуты ожидания Алименкова и Егорова из Селищ, как показалось сержанту Холкину, затянулись. «Уж не случилось ли что с ними?..» - подумал

он. Конечно, ночной поиск тем и опасен, что в непроглядной темноте можешь наткнуться на любую неожиданность.

Михаил Холкин, прикинув, как быть, принял решение: с захваченным «языком» (кстати, он оказался унтер-офицером) оставить здесь, в расположении мотострелкового взвода, сержанта Крюкова, а с Титовым пойти на встречу Алименкову и Егорову. Младший лейтенант Гаврилов предложил ему взять с собой на помощь трёх-четырёх мотострелков взвода, но сержант Холкин, во избежание лишних потерь, отказался от этого предложения. Затем, посмотрев на звёздную россыпь над головой, сказал Титову:

- Пошли, Вася, - и в этот момент там, впереди раздалась короткая очередь из автоматов, - Неужели... - выдохнул Холкин, - Пошли скорей, Вася, - повторил он.

Стрельба после трех очередей прекратилась и опять там стало тихо, как будто бы ничего и не случилось. Но эта загадочная стрельба, а через небольшой промежуток времени и вспыхнувшие осветительные ракеты над дорожкой из Селищ к Днепру окончательно убедили сержантов Холкина и Титова в том, что Алименков и Егоров попали в беду...

Беда над ними, действительно, нависла внезапно и, если бы не их молниеносная сообразительность и быстрая реакция, финал мог бы оказаться печальным.

Из села Селищ, с глухого закоулка, Алименков и Егоров выбрались также незаметно, как и вошли туда, а затем проскочив через огороды, они ринулись в прибрежный кустарник и оттуда, пригнувшись, стали пробираться к своим.

Иван Алименков, имея хороший опыт одного из способов наземной разведки - ночного поиска, ориентировался на местности безошибочно. Направление для движения к своим он взял правильно. Ему с Егоровым осталось лишь пересечь прямую дорожку из Селищ к Днепру и выйти в расположение мотострелкового взвода младшего лейтенанта Гаврилова.

Они шли не спеша, аккуратно переставляя ноги, чтобы не создавать шума шуршанием разросшегося кустарника. Оружие держали наготове. Беспросветная украинская ночь всё время держала их в напряженном состоянии.

Приблизившись к знакомой дорожке, Алименков вдруг увидел на ней сквозь кромешную тьму три мутные фигуры, но определить, кто они, из-за темноты не удалось. Вначале он подумал, что это сержант Холкин с Титовым и Крюковым всё ещё топчутся здесь и хотел было отругать их, но в этот момент раздался картавый голос:

- Фишер, Фишер!.. Вагнер!.. - немцы в темноте тоже приняли разведчиков за своих.

Алименков, встrepенувшись, мгновенно подал команду Егорову:

- Огонь!.. - и они выстрелами в упор уложили фрицев на этой дорожке.

Забрав у уткнувшихся в землю гитлеровцев автоматы, Алименков и Егоров, не мешкая, во всю прыть помчались к своим.

Стрельба разведчиков вблизи села всполошила немцев. Они испуганно выскочили из Селищ за околицу и открыли яростную, слепую стрельбу наугад во все стороны,

расстреливая ночную темноту и прибрежные кусты, а вслед за этим тут же в воздухе лопнули две осветительные ракеты, озарив весь, никем не занятый участок, до самой реки.

- Ложись!.. - крикнул Алименков Вгорову.

Разведчики прижались к земле и стали ждать, когда вражеские ракеты с шипением упадут на землю и погаснут.

Вскоре снова наступила темень, хоть глаз выколи... Разведчики вскочили, но впереди появились ещё какие-то люди... Алименков и Егоров, вздрогнув, остановились...

- Свои, свои!.. - послышался голос сержанта Холкина, идущего навстречу им.

Опустив оружие разведчики все вместе направились во взвод младшего лейтенанта Гаврилова, а оттуда на командный пункт бригады, выполнив поставленную перед ними боевую задачу.

В первую ночь на правом берегу нас многое беспокоило. Заняв высоту 175,9, мы не знали с кем на рассвете будем иметь дело, кто появится перед нами?.. Чтобы не быть застигнутыми врасплох большими силами противника, мы решили глубже окопаться, закрепить на захваченном рубеже, организовать ночной поиск, выставить наблюдателей впереди и на флангах.

Работа под непрерывным огнём со стороны Селищ велась энергично. Мотострелки рыли окопы, артиллеристы оборудовали огневые позиции, штабы готовили командные и наблюдательные пункты. Саперы инженерно-минной роты ставили впереди бригады противотанковые мины.

Командир корпуса то и дело спрашивал с левого берега, как ведёт себя противник. Он требовал во что бы то ни стало, взять «языка», глубже окопаться и всеми силами удерживать высоту до прибытия на правобережье остальных частей корпуса. Мы с капитаном Юдинцевым, ждали, как манна с небес, данные о противнике от разведчиков, а время шло неумолимо быстро...

После полуночи к нам подошёл капитан Иван Николаевич Долговский (мой помощник по разведке) и доложил, что правее и впереди нас, населённый пункт Студенец занят противником. Части 23-й стрелковой дивизии ведут там с ним огневой бой. А перед пятью курганами, между населёнными пунктами Студенец и Селище, вражеская пехота спешно проводит окопные работы.

- Ясно, Иван Николаевич, - вымолвил я. - Передайте командиру разведроты старшему лейтенанту Михаилу Ивановичу Николаеву: срочно выделить ещё один взвод пешей разведки на правый фланг и непрерывно вести там наблюдение и разведку за действиями противника.

Разведчики старшего сержанта Ивана Никоноровича Алименкова вернулись с ночного поиска лишь перед рассветом 29 сентября. Они привели на командный пункт бригады двух «языков» - рядового солдата Вагнера и Фишера, унтер-офицера 57-й немецкой пехотной дивизии.

Гитлеровцы образца 1943 года стали уже не те... На допросе они были готовы всё рассказать, лишь бы сохранить себе жизнь. Из их показаний нам стало ясно, что 57-я пехотная и 19-я танковые дивизии, изрядно потрепанные в боях на левобережье Украины, были только что и ещё не полностью переброшены на этот участок с задачей не допустить форсирования Днепра русскими войсками.

- Но мы, - тяжело вздохнув, сказал Фишер, - малость опоздали... Вы, упредив нас, форсировали Днепр и не позволили нам тут подготовиться, как следует, к обороне.

Затем он, немного помявшись, добавил:

- Танков в 19-й танковой дивизии осталось немного... Большие потери понесли танкисты там, - показал он рукой на левый берег, - Наша 57-я пехотная дивизия тоже ослаблена. Но завтра они вас сбросят отсюда в Днепр...

- Посмотрим, как им это удастся, - вымолвил я.

- Выходит, товарищ майор, мы опять здесь встретились со старыми знакомыми по левобережью, - сказал капитан Юдинцев.

- Ну что ж, посмотрим, как они здесь себя поведут, - улыбнулся я.

Данные о противнике я передал полковнику Каткову. Пленных отправили в штаб корпуса.

Погода на второй день, как и накануне, была пасмурной, предвещающей дождь. Затянутое облаками небо не давало возможности пробиться солнцу к Приднепровью и это было нам на руку - крестастые самолёты нас не беспокоили. Но, несмотря на непогоду, атака вражеских сил началась ровно в десять ноль-ноль.

- Долгонько фрицы завтракали, - сказал, шутя, майор Рябов. - А теперь, видать, решили прогуляться по скатам этой высоты.

Приложив к глазам полевой бинокль, капитан Юдинцев, обращаясь ко мне, вымолвил:

- Что-то они суетятся, товарищ майор, не спешат... Ждут чего-то? Уж не танков ли?..

- Прошляпили вчера эту высоту, не удержали, вот и нервничают, - ответил я.

Бой начался, но в этот день немцы вперёд особо не лезли, больше активности не проявляли. Они, видимо, ставили перед собой задачу: уточнить наши силы, выявить огневые средства, подтянутые сюда ночью, нащупать - нет ли минного поля перед передним краем нашего расположения.

Вскоре вслед за пехотой вышли из Селищ три танка Т-4 и стали сопровождать её в атаку, но когда артиллеристы старшего лейтенанта Григория Васильевича Малинко открыли по ним хлесткий огонь, они, недолго думая, включили задние скорости и спешно стали пятиться назад, отползая в укрытие.

За появлением вражеских танков с особым пристрастием вели наблюдение из окопа на переднем крае старшие сержанты инженерно-минной роты Григорий Афанасьевич Баздырев и Михаил Андреевич Просви́рин. Наиболее взволнованно вёл себя Баздырев.

Когда немецкие танки обогнали наступающие цепи своей пехоты, он даже полез на бруствер, но Просвирин оттянул его за ремень обратно в окоп и сказал:

- Уж зря-то не высывайся, Гриша..

Баздырев, поправив ремень и пилотку, рубанул рукой:

- Вот сейчас, Миша, мы с тобой и посмотрим, как сработает наше минное поле, когда эти три ржавых утюга ткнутся на него!..

Вообще-то сапёры народ дотошный. Уж если они что-то соорудили, то им непременно надо воочию убедиться, как их устройство сработает. Ведь Баздырев и Просвирин всю прошлую ночь возились со своими отделениями, устанавливая противотанковые мины впереди расположения бригады. И теперь они с нетерпением ждали практического их действия. Но когда старший лейтенант Малинко открыл по этим бронированным коробкам артогонь и, когда эти коробки стали смываться с поля боя, старший сержант Баздырев был сильно возмущён действиями артиллеристов.

- Зачем же, Миша, - крикнул он Просвирину, - старший лейтенант Малинко отогнал танки, не дал им войти на минное поле, чтобы проверить, как мины сработают...

- Успокойся, Гриша, - засмеялся Просвирин. - Эти танки на минное поле обязательно придут, ведь другого пути для них здесь нет...

Пехота в угловатых касках, хотя и без танков, продолжала лезть на покатые скаты занятой нами высоты, неизвестно на что рассчитывая. Мы, конечно, решили пока не раскрывать все имеющиеся у нас огневые средства. Майор Рябов подал команду остановить вражескую пехоту лишь одному миномётному батальону.

Старшие лейтенанты Семён Михайлович Мосин и Василий Иванович Мусатов, выполняя приказ, открыли мощный залповый огонь из миномётов, накрыв атакующего противника россыпью горячих осколков. Миномётчиков поддержали станковые пулемёты, и атака гитлеровских вояк была тут же отбита.

В течение этого дня были и другие попытки врага потревожить нас, но они также не достигли успеха. А вообще-то больше всего мы беспокоились за наш правый фланг, поскольку здесь не было вблизи соседа, и мы с нетерпением ждали прибытия сюда остальных частей нашего мехкорпуса.

Вечером 29 сентября в район переправы подошли подразделения 8-й и 9-й гвардейских мехбригад, и это не осталось незамеченным со стороны противника с Каневских высот и с населённого пункта Бучак. И тут же, как по мановению волшебной палочки, поднялся над переправой неумолкаемый грохот рвущихся снарядов и мин. Сплошные мощные взрывы зарядов крушили мелкоколесье и камышовые заросли на левобережье Днепра, поднимали огромные фонтаны воды над рекой.

С наступлением темноты ответные удары нашей артиллерии с левого берега по вражеским огневым позициям на какое-то время утихомирили противника. Форсирование Днепра началось. Заработали переправочные средства подошедшего армейского инженерного батальона. В результате ещё две гвардейские механизированные бригады к

утру 30 сентября вышли на огненный плацдарм и развернулись правее нашей 7-й гвардейской мехбригады.

Нашим непосредственным соседом справа стала 9-я гвардейская мехбригада полковника Павла Ивановича Горячева, впереди были занятые противником пять небольших курганов и за ними населённый пункт Бобрицы.

Подразделения 8-й гвардейской мехбригады полковника Даниила Никитовича Белого заняли позиции перед населённым пунктом Студенец, потеснив правее себя соседа - воинов 3-го стрелкового корпуса 47-й армии.

На командном пункте я познакомил командиров и начальников штабов прибывших частей с обстановкой на захваченном плацдарме. Началась совместная подготовка к боевым действиям за удержание и расширение плацдарма.

30 сентября и в последующие два дня всё так же, как и в начале, противник продолжал вести с нами бой лишь небольшой частью своих сил. Он искал наши слабые места и стыки между частями и подразделениями, но ответные удары с нашей стороны мешали ему в этом деле.

В то же время немецкая артиллерия, установленная на Чернячей горе около могилы и домика-музея Тараса Шевченко, изредка вела провокационный артогонь по нам, рассчитывая, что мы ответной стрельбой разрушим священное место, где покоится прах великого kobzаря Тараса Шевченко и тем самым вызовем гнев украинского народа к Красной Армии. Но этот замысел противника наше командование легко разгадало, и мы получили приказ: провокациям гитлеровцев не поддаваться, ответного огня по немецкой артбатареи у могилы Тараса Шевченко из орудий не открывать...

Забегая вперёд скажу, что в результате принятых нами мер могила и домик-музей Тараса Шевченко на Чернячей горе остались не тронутыми.

Чёрные украинские ночи на фронте таили в себе немало всяких неприятностей. Гитлеровцы пуще всего боялись этих ночей. Им не давала покоя боязнь внезапного нападения наших подразделений и частей в этой непроглядной темноте. А посему они с раннего вечера и до позднего утра непрерывно жгли в небе осветительные ракеты, освещая всё впереди себя и на флангах.

Конечно, пребывать от зари до зари в потёмках, когда враг перед тобой, хорошего мало, но мы всё же легче, нежели немцы, переносили эти чёрные украинские ночи и осветительные ракеты в небе зря не жгли.

А вообще-то ночные вылазки чаще всего совершают разведчики. Для них в ночном поиске - чем гуще темнота, тем лучше, о чём свидетельствовал успешный захват «языка» минувшей ночью у населённого пункта Селище разведгруппой старшего сержанта Ивана Никоноровича Алименкова.

Ночь 30 сентября, в связи с форсированием Днепра двумя гвардейскими мехбригадами нашего корпуса, была тревожной. Гитлеровцы, напуганные появлением новых воинских частей на нашей переправе, стали усиленно выискивать наиболее слабо

прикрытые проходы к Днепру, чтобы помешать переброске наших частей на правобережный плацдарм.

В последующие два дня, вражеские силы в составе частей 57-й пехотной и 19-й танковой дивизий полностью сосредоточились впереди нас и, усилив активность наземной и воздушной разведки, стали готовиться к штурму занятых нами позиций.

На рассвете 2 октября из района Селищ и посадок лесозащитной полосы, из-за сёл Бобрица и Студенец гитлеровцы открыли мощный артиллерийский огонь из всех видов орудий. Грохот стоял невероятный и, казалось, что они всё побережье Днепра изуродуют глубокими воронками.

Артиллерийская подготовка длилась около часа, а вслед за ней немецко-фашистские части по всей дуге плацдарма перешли в яростную контратаку, нацелив основной удар на высоту 175,9. Они одновременно контратаковали позиции 8-й гвардейской мехбригады и позиции частей 23-го стрелкового корпуса.

Генералы фашистского рейха, рассчитывали смять своим мощным огнём наши части, ослабить их стойкость, а затем сбросить оставшихся в живых в пучину Днепра, но эти их расчёты не сбылись.

День 2 октября, как и последующие дни, был жаркий. Контратаки следовали одна за другой до позднего вечера. В этот день было отбито более восьми контратак. Воины нашей 7-й мехбригады и бойцы приданного нам истребительно-противотанкового артполка майора Николая Игнатьевича Ортынского, не дрогнули, они самоотверженно отражали каждый натиск врага. Стойкость гвардейцев была невероятной.

3 октября немцы, несмотря на большие потери в личном составе и боевой технике, с такой же яростью, как и в прошедший день, с рассвета и до темна штурмовали наши позиции, но добиться своего так и не смогли.

Ночью, под огнём нашей артиллерии, они оттащивали бронетягачами и боевыми машинами с поля боя подбитые танки к себе за Селище. А их похоронные команды, ползая по скатам высоты, собирали трупы убитых солдат и офицеров и трусливо передвигаясь попластунски, тащили их к себе в тыл.

Несли потери и мы. Во время одной из контратак противника, когда немецкие танки стали двигаться по южным скатам на высоту 175,9, артиллеристы бригады выкатили свои 76-миллиметровые пушки на прямую наводку и завязали с ними дуэльную пальбу. Танки противника, видать, струхнули, не выдержали, начали пятиться назад, и в этот момент командир батареи старший лейтенант Григорий Малинко, разгоряченный в ходе боя, увидев какое-то смятение у правофланговой пушки, подбежал к ней, чтобы выяснить в чём дело и тут, как на зло, впереди взорвался вражеский снаряд. Малинко упал, он был тяжело ранен, он так и не узнал, что случилось с этой пушкой, а пушка, оказалось, была разбита.

На другом участке, где располагалась батарея миномётного батальона, бой кипел так же горячо. Командир батареи старший лейтенант Мосин находился впереди своей батареи, вблизи расположения мотострелковых подразделений на наблюдательном пункте и передавал по телефону команды на огневую позицию. От хлесткого огня миномётов взлетали вверх вражеские пулемёты, падали, как подкошенные, вражеские солдаты и,

несмотря на это, всё же противнику удалось подойти вплотную к передней траншее гвардейцев. Наступила критическая минута. Судьба боя решалась в считанные секунды. И в этот момент старший лейтенант Мосин выскочил из своего окопа с автоматом в руках, подбежал к молодым бойцам мотострелковых подразделений и крикнул:

- Отступать нам некуда, за нами Днепр!.. Вперёд, товарищи!

Увлекая за собой бойцов, Семён Мосин бросился навстречу гитлеровцам. Отважный поступок старшего лейтенанта потряс бойцов. Они с удвоенной силой бросились на врага, фашисты были опрокинуты. В этой атаке командир миномётной батареи старший лейтенант Семён Михайлович Мосин пал смертью храбрых. Гвардейцы с горечью отнесли ещё не остывшее тело героя на командный пункт. В командование батареей вступил старший лейтенант Василий Иванович Мусатов.

В этот же день был тяжело ранен и командир 3-го мотострелкового батальона бригады капитан Георгий Емельянович Гарбузов. В командование батальоном вступил его заместитель по политчасти капитан Лев Деомидович Фунтиков, но и он на второй день был контужен и эвакуирован в медсанбат, а командовать батальоном стал замкомбата по строевой части старший лейтенант Павел Сергеевич Гречнев.

Героический подвиг в бою также совершил отважный боец 1-го мотострелкового батальона рядовой Василий Иванович Беликов. Находясь во время боевой схватки с врагом вблизи командира роты старшего лейтенанта Ивана Шепеля и, увидев, что ротному угрожает опасность, Беликов бросился к нему и заслонил его своим телом. Он погиб, но спас командира роты, который продолжил руководить боем. Воинская доблесть была присуща многим воинам, и они сражались с беззаветной храбростью.

На левом берегу Днепра у села, что недалеко от нашей переправы на плацдарм, горделиво стоял тысячелетний дуб. По толщине с ним на Украине не может сравниться ни одно дерево. Обхватить его руками смогут лишь четверо здоровенных мужчин взявшись за руки. Этот дуб был любимцем кобзаря Тараса Шевченко. В свою бытность он под этим дубом писал вирши об обездоленных людях, слагал песни о родной Украине. Здесь он вдохновенно воспел красоту седого Днепра в своей первой поэме «Причинна»: «Рече та стогне Днипр широкий...»

По соседству с постаревшим дубом Тараса Шевченко слегка раскачивалась, высокая, пышная, несказанной красоты сосна Николая Васильевича Гоголя. Она росла здесь с незапамятных времен и влекла к себе людей всех возрастов. Говорят, что под этой раскидистой сосной Гоголь неотрывно, с особым усердием работал над повестью «Вий».

4 октября на левый берег Днепра прибыло пополнение личного состава для нашего 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса. Штаб корпуса, приняв несколько сотен молодых, ещё необстрелянных юношей и пожилых мужчин, прибывших из украинских сёл и городов, сразу же решил привести их к присяге на верность Родине и советскому народу.

Воинскую присягу новобранцы принимали с оружием в руках под двумя богатырями-долгожителями - дубом Тараса Шевченко и сосной Гоголя, повидавшими на своём веку немало людского горя. Вновь призванные бойцы друг за другом подходили к столу, покрытому красным полотнищем, брали лист бумаги с текстом присяги и,

взволнованно, но чётко читали его, а затем ставили под ним свою подпись. Приняв присягу, бойцы, ночью переправились на правый берег Днепра и влились в поредевшие мотострелковые подразделения сражающихся с врагом 7-й, 8-й и 9-й гвардейских механизированных бригад.

Боевая обстановка на плацдарме в это время накалилась до предела. Противник подтянул сюда свежие силы. Перед нами появились новые пехотные и танковые части. Многодневные бои, то и дело переходящие в рукопашные схватки, разгорелись пуще прежнего.

Гвардейцы, занимая этот малый клочок правобережной земли, сплошь простреливаемый прицельным огнём всех видов оружия, не дрогнули. Они знали, что отходить некуда, позади Днепр - и это придавало им уверенности в свои силы. Бойцы героически отбивали контратаку за контратакой и наносили противнику немалый урон, прочно удерживая занимаемые позиции.

Контратаку противник начинал обычно после непродолжительного, но мощного артогня. Вот и на этот раз - артналёт ещё продолжался, а размалёванные вражеские танки, тут как тут, уже появились из-за деревни Селище и, преодолевая песчаные скаты высоты 175,9, ринулись на занимаемые нами позиции, а за ними в угловатых касках засемила пехота.

С высоты эту пёструю лавину встретили плотным огнём артиллеристы и миномётчики, преграждая им путь. Помогла нам и корпусная артиллерия с левого берега Днепра. А отдельные танки, прорвавшиеся к переднему краю нашей обороны, бойцы жгли бутылками с горючей смесью, калечили противотанковыми гранатами, швыряя их под гусеницы, дырявили броню стрельбой из батальонных пушек и противотанковых ружей.

Сержант роты противотанковых ружей Александр Чеглаков, защищая отведённое ему место на переднем крае остался в окопе один. Кругом гремела стрельба. Было жутко, но духом он не падал. И в этот момент впереди со скрежетом появилось огромное бронированное чудовище и, словно набычившись, двигалось прямо на него.

Саша открыл по нему огонь из противотанкового ружья, однако пули его не смогли пробить лобовую часть толстой брони. Саша нервничал, а танк тем временем уже находился в нескольких метрах от него. И в этот момент он, словно очнувшись, схватил противотанковую гранату, быстро вставил запал, выскочил из окопа, а затем броском метнул её под гусеницу и тут же пулей нырнул обратно в окоп.

Раздавшийся взрыв раздробил траки под ленивцем, и гусеница змеей поползла с катков на землю. Подраненный танк, сделав поворот на 90 градусов, подставил Саше Чеглакову самое уязвимое место - свой левый бок. Чеглаков, не мешкая, прицелился и несколькими выстрелами продырявил не только бортовую броню, но и бак с горючим за бронёй. Топливо вспыхнуло жарким пламенем и огненной лавой хлынуло в боевое отделение и вскоре внутри танка прогремел огромной силы взрыв боеприпасов. В результате башня с пушкой и со спаренным пулемётом, отлетев с корпуса машины в сторону, грохнулась всей своей тяжестью на землю, подняв вокруг облако пыли. Саша, легко вздохнув в окопе, ласково погладил рукой горячий ствол своей бронебойки и удовлетворённо улыбнулся.

Противотанковое ружьё на фронте бойцы чаще всего называли бронебойкой. Бронебойка имела длинный ствол и крупнокалиберный патрон к ней. Пуля у неё была не обычная, а особая, бронебойная и летела после выстрела с бешеной скоростью, легко врезаясь в броню. А вообще-то эта пуля могла прошить броню, которую и снаряд не всякий берёт. На второй день Саша Чеглаков повторил свой подвиг.

Боевая напряжённость на плацдарме с каждым днем всё больше и больше нарастала. Противник начал разнообразить свои действия на поле боя, стремясь во что бы то ни стало сбросить нас с высоты.

Очередной бой на сей раз начался как-то необычно. Пехота противника поднялась и пошла в атаку впереди танков, а танки, как бы поддерживая, подпирая её, неторопливо передвигались на каком-то расстоянии позади всей этой пешей армады, ведя огонь с коротких остановок.

Пешее движение гитлеровцев набирало силу, вскоре они уже засеменили рысцой. Расстояние между нашими окопами и атакующими цепями фашистов быстро сокращалось. Их было много, гораздо больше, чем наших обороняющихся гвардейцев. Они двигались с тупым упорством, не обращая внимания на встречный огонь. Одни падали замертво, а другие, как одержимые, продолжали идти. За первой волной катилась вторая и, казалось, нет им числа. Они шли потому, что им было приказано любой ценой уничтожить, утопить нас в Днепре.

В это время на правом фланге командир первого мотострелкового батальона капитан Аванес Амбрацумович Нанавьян, готовя свои подразделения к рукопашной схватке, был тяжело ранен. В командование батальоном тут же вступил командир роты старший лейтенант Константин Васильевич Котельников.

Гул боя не умолкал. Потери несли не только немцы, но и мы. В разведроту, действующей на левом фланге, пали смертью храбрых лучшие разведчики бригады: старший сержант Иван Никонорович Алименков и рядовой Гавриил Иосифович Егоров. На этой приднепровской высоте полегли и многие другие наши гвардейцы.

Наблюдая на командном пункте за ходом боя обессиленных подразделений и стрелковых батальонов с превосходящими силами противника и, оценив всю эту сложную обстановку, я понял, что на сей раз для бригады назревает крайне тяжёлая, непредсказуемая ситуация. У меня даже мелькнула мысль, а удастся ли нам отбить эту штурмовую контратаку, ведь боевых-то сил у нас в резерве не осталось, разведрота и та уже вступила в бой.

И в этот трудный момент, я был вынужден принять противоправное решение - выдвинуть с зенитных огневых позиций, без разрешения начальства корпуса, прикрывающую нас от вражеских самолётов, зенитную артбатарею на прямую наводку для отражения контратаки наземного противника.

Зенитчики, по моей команде, молниеносно развернулись за мотострелковыми подразделениями и открыли по фашистам ураганный огонь из 37-миллиметровых автоматических пушек. К ним тут же присоединилась и наша зенитно-пулемётная рота капитана Григория Абрамовича Кордонского. В этом бою особо отличился командир

взвода лейтенант Николай Иванович Поляков. Он счетверённой установкой зенитных пулемётов буквально косил вражескую пехоту впереди.

В то же время 76-миллиметровые орудия бригады ударили по врагу горячей шрапнелью, а длинноствольные орудия полка ИПТАП кромсали ползущие на высоту вражеские танки. Эти орудийные залпы поддержали и все виды другого оружия.

Грохот артиллерийской пальбы сотрясал воздух. Атакующие цепи дрогнули. Дьявольская пляска взрывов перед нашим передним краем ошеломила фашистских вояк, они не знали куда им деться. Одни замертво падали, не добежав до наших окопов, а другие, словно очумев, бежали назад, чтобы спрятаться за танками, но танки, оставив часть машин полыхать на месте, начали пятиться в укрытие.

Шествие гитлеровских полчищ было не только остановлено, но и обращено в паническое бегство. Шквал горячего свинца усеял всё поле мертвыми телами. Немцы не выдержали героического отпора гвардейцев, их атака захлебнулась в крови. Этот день для бригады был суровым испытанием.

После моего доклада исполняющему обязанности командира корпуса полковнику Фёдору Григорьевичу Каткову об отражении бригадой яростной контратаки превосходящих сил противника, меня вызвал «на ковёр», то бишь к телефону, командующий артиллерией корпуса полковник Сергей Фёдорович Барышев. Я понял - будет взбучка...

- Товарищ Цветков, Вам известно для чего предназначена, приданная вашей бригаде, зенитная артбатарея? - спросил он гневно.

- Так точно, товарищ полковник, - ответил я, - для борьбы с вражеской авиацией.

- Тогда почему же Вы так преступно отнеслись к использованию её не по назначению?.. - горячился он. - Вы же не одну сотню зенитных снарядов выбросили по наземному противнику. А чем теперь по фашистским самолётам будете стрелять?..

- Снаряды зенитчикам, товарищ полковник, артснабженцы вечером подбросят, - доложил я.

- Подбросят... - и тут он, буркнув непечатное словечко, добавил: - А за преступное использование зенитной батареи в бою по наземным целям я Вас под трибунал отдам, - произнёс он сердито.

- Под трибунал, товарищ полковник, за то, что с помощью зенитчиков бригада была спасена, не сброшена противником в пучину Днепра... Ну что ж, это, пожалуй, будет мудрое решение, - сказал я с иронией.

- А вот там Вы увидите какое... - и на этом он закончил нелегкий разговор со мной.

С наступлением темноты артснабженцы доставили зенитчикам на правый берег снаряды. Кстати, вражеские самолёты в эти дни нас особо и не беспокоили, они в это время свирепствовали под Киевом.

На второй день, по прибытии из госпиталя, командир корпуса генерал Виктор Тимофеевич Обухов, позвонив мне по телефону на правый берег, спросил:

- Товарищ Цветков, чем вчера была вызвана у Вас необходимость использования зенитной артиллерии по наземному противнику?

Я вкратце доложил ему сложившуюся обстановку и рассказал, какая опасность нависла над бригадой, а посему мне пришлось бросить в бой всё, что было под рукой, в том числе и зенитчиков, чтобы спасти бригаду от поражения.

- Ну что ж, я считаю Вы правильно поступили, в таких случаях все средства хороши для отражения превосходящих сил врага, - сказал генерал Обухов. - А на полковника Барышева, Николай Васильевич, не сердитесь, он погорячился.

После отражения подразделениями бригады ещё одной из контратак гитлеровцев, я вместе с майором Рябовым и капитаном Юдинцевым сел на бруствер около блиндажа, чтобы решить, что предпринять при повторном появлении вражеских танков со стороны Селищ.

Грохот боя уже утих. Но вдруг, откуда ни возьмись, впереди нас внезапно гроыхнул взорвался вражеский снаряд. Небольшой, но острый осколок, пробив околыш моей фуражки на голове и вогнув верхнюю часть козырька, ударил мне в лоб над правым глазом с такой силой, что я даже на какое-то время потерял сознание. Когда я очнулся сразу же ощутил не только шум в голове, но и сильную боль во всей правой стороне головы. На лбу появился здоровенный синяк, а из околыша фуражки торчал этот злосчастный осколок. А вообще-то на фронте всего можно ожидать: и шальную пулю, и шальной снаряд, причем в любое время и в любом месте, и никаких гарантий нет от таких неожиданностей.

Кстати, надо заметить, что в течение первых двенадцати суток вся тяжесть по управлению боем подразделений бригады на правом берегу Днепра полностью легла на мои плечи, поскольку из числа командования бригады остался один я. Полковник Марк Моисеевич Каменкович после тяжёлой контузии в Гудимовке ещё находился в госпитале. Полковник Казимир Дионисьевич Стражец погиб в Гусарщине. Командир бригады полковник Михаил Иосифович Родионов перед форсированием Днепра заболел и был отправлен в медсанбат. И лишь 10 октября к нам на правый берег Днепра прибыл вновь назначенный на должность заместителя командира бригады по строевой части подполковник Александр Михайлович Пахомов и вступил во временное командование бригадой. Мне, конечно, стало уже намного легче.

Изматывая силы противника при отражении его яростных контратак на днепровском плацдарме мы в то же время готовились и к более активным действиям. Командующий 47-й армии наметил общее наступление всех своих соединений и частей, в том числе и нашего 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса на 12 октября.

Командир корпуса генерал Виктор Тимофеевич Обухов получил из штаба армии приказ расширить захваченный плацдарм. Во исполнение этого приказа он решил ударом главных сил захватить населённые пункты Студенец и Селище. Наступил рассвет 12 октября. Мощный шквал артиллерийского и миномётного огня обрушился на передний

край и в глубину расположения противника. В воздухе загудели моторы наших самолётов. Гвардейцы всего корпуса перешли в атаку.

В итоге решительного наступления части 47-й армии отбросили противника с высоты 223,8 и с нескольких других важных объектов, значительно расширив плацдарм на правом фланге.

8-я гвардейская мехбригада нашего корпуса действуя в центре общего плацдарма, освободила населённый пункт Студенец. 9-я гвардейская мехбригада очистила от противника всё широкое поле между Студенец и Селищем, вплоть до пяти курганов перед Бобрицами.

Наша 7-я гвардейская мехбригада овладела населённым пунктом Селище, а также прибрежной полосой левее Селище и вышла к подножью Каневских высот, но дальнейшее её продвижение противником с этих высот было приостановлено. В бою за Селище подразделения 3-го мотострелкового батальона захватили 12 немецких тяжёлых пулемётов МГ-1 и большое количество боеприпасов к ним.

Командир батальона старший лейтенант Павел Сергеевич Гречнев и помощник начальника штаба батальона лейтенант Василий Георгиевич Дергилёв, отобрав из числа захваченных пленных одного унтерофицера, знающего русский язык, оставили его, по секрету от командования бригады, у себя в батальоне «учителем» по обучению своих бойцов стрелять из этого пулемёта. Правда, эта «подпольная школа» по овладению пулемётом МГ-1 действовала недолго. Вскоре об этом факте стало известно штабу корпуса, видимо, из донесения представителя контрразведки батальона (их называли СМЕРШ), и, разумеется, после этого мы имели большие неприятности. А эти пулемёты всё же значительно усилили батальон.

В последующие дни гвардейцы бригады продолжали прочно удерживать захваченный рубеж, но дальше продвинуться так и не смогли - боевых сил осталось мало, и к тому же противник оказывал упорное сопротивление.

3-й гвардейский Сталинградский мехкорпус генерала Виктора Тимофеевича Обухова, выполнив свою задачу в битве за Днепр, директивой командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Фёдоровича Ватутина и приказом командующего 47-й армии выводился из боя на доукомплектование.

В ночь на 30 октября 1943 года мы сдали свой боевой участок стрелковой дивизии 23-го стрелкового корпуса и к утру 31 октября закончили переправу на левый берег. Днепр, когда-то воспетый Гоголем и прославленный Тарасом Шевченко, с грозными кручами на правом берегу остался позади нас.

После переправы мы сосредоточились в районе города Золотоноши для погрузки в эшелоны и следования по железной дороге под город Курск на доукомплектование.

- Вот, Федя, мы и в Панино, - сказал я шоферу Богуненко, когда наш «виллис» въехал в это курское село, а в голове у меня всё ещё продолжали мелькать отдельные боевые эпизоды битвы на правобережье Днепра ...

Москва, 1993 г.